

БЕЛОЕ

ДВИЖЕНИЕ

Колчак
и другие

Самая полная книга
о людях, бросивших
вызов всему миру

ЭКСКЛЮЗИВНЫЕ БИОГРАФИИ

Эксклюзивные биографии

Андрей Кручинин
Белое движение. Том 1

«АСТ»

2017

УДК 929(470)
ББК 63.3(2)6-8

Кручинин А. С.

Белое движение. Том 1 / А. С. Кручинин — «АСТ»,
2017 — (Эксклюзивные биографии)

ISBN 978-5-17-100749-2

«Белое движение» – самая полная книга о людях, бросивших вызов всему миру. Беспристрастная хроника незапятнанной борьбы, обреченной на провал. На страницах книги слова Деникина и Краснова, Алексеева и Унгерна, Балаховича и Гайде и многих других – тех, кто сражался под их началом, кто был свидетелем их дел, кто запечатлел их для нас и для истории.

УДК 929(470)
ББК 63.3(2)6-8

ISBN 978-5-17-100749-2

© Кручинин А. С., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

«Генерал Харьков»	6
Генерал-от-инфантерии Л. Г. Корнилов	11
Генерал-от-инфантерии М. В. Алексеев	41
Генерал-от-кавалерии А. М. Каледин	73
Генерал-лейтенант А. И. Деникин	106
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Белое движение. В 2-х томах. Том 1

Иллюстрации на страницах 124, 134, 202, 219, 268, 675, 681 предоставлены Домом Русского Зарубежья им. А. Солженицына.

«Генерал Харьков» (вместо предисловия)

Рассказывали, будто в 1919 году, в британском парламенте и чуть ли не самим премьер-министром Д. Ллойд-Джорджем, была произнесена историческая фраза о помощи «русским генералам Колчаку, Деникину и Харькову». Она вошла в поговорку, стала предметом многочисленных злорадных цитирований – например, английская дама из «Университетской поэмы» Набокова, очевидно, вслед за главою кабинета,

*... полагала, между прочим,
что Харьков – русский генерал, –*

и превратилась в символ очередной европейской безграмотности, своего рода «развесистую клюкву» XX века.

Но вправе ли мы потешаться над нею?

Британского политика, в общем, можно понять: когда же это Европа, в роли союзницы или противницы, входила в дела своей великой соседки настолько глубоко, чтобы не путать имена и названия, не говоря уж о понимании смысла происходивших в России событий? И не более ли жалкими выглядим мы сами, в течение долгих десятилетий лишенные знания о своей собственной истории – о самых ее драматических, переломных моментах? И если нас хватает на то, чтобы посмеяться над анекдотическим «генералом Харьковом», – не возмещается ли это легкостью и готовностью, с которой заглатывается любая «развесистая клюква» из скороспелых сочинений, изготавливаемых на потребу читающей публики чуткими к переменам авторами?

Да и насколько велики перемены?

Мы еще помним то время, когда трудно было представить себе саму возможность издания в России массовыми тиражами мемуаров участников Белого движения и литературы о нем (исключая, конечно, неперенные «крах...» и «агонию...»). Сейчас отошел в прошлое заговор молчания вокруг многих имен, событий, проблем отечественной истории. Но до чего симптоматично, что первые же шаги в этом направлении сопровождались звучащим до сих пор рефреном многоголосого хора: «Не надо... не надо... не надо менять плюсы на минусы!»

Разумеется, приспособленчество и хамелеонство всегда отвратительны и редко приводят к научным и литературным удачам, и вряд ли может вызывать уважение человек, сегодня восхваляющий Колчака, а два десятилетия до этого не просто бывший «продуктом», членом «советского общества» (какими были и многие из нас), но занимавший видное место в *идеологизированной историографии* и приложивший руку к *воспитанию и формированию* других «советских людей» своими сочинениями о «красных героях» – победителях «белогвардейщины». Но речь сейчас не о таких. Речь о том, что осуждению и сегодня то и дело продолжают подвергаться попытки как раз непредвзятого взгляда на события Гражданской войны, попытки показать, что изучение ее необходимо начинать с новой, чистой страницы, ибо *истории Гражданской войны у нас все еще нет*.

Практически все, что писали советские авторы, обладает принципиальным пороком: идеологизированность новейшей истории жестко определяла выводы и заключения, к которым они *обязаны* были придти, в то время как подлинные выводы могут и должны рождаться лишь «сами собой», из разработки, осмысления и анализа громадного объема фактического материала (если угодно, «переходом количества в качество»). В советской же исторической науке факты становились лишь иллюстрацией к заведомо известной схеме, а в результате

изучение истории оказывалось настолько не в чести, что выдержавшая два издания энциклопедия «Гражданская война и иностранная военная интервенция в СССР» (что за дикое название! – СССР был образован в декабре 1922 года, а в качестве границ Гражданской войны советская историография устанавливает «1918–1920») не дает исчерпывающей картины даже структуры и состава Красной Армии, не говоря уже о «лагере контрреволюции». И все издания советских мемуаров, сборники документов, так же как и более или менее удачные, но почти всегда избегающие конкретики исторические сочинения, – суть только *материалы* для той Истории Гражданской войны, которую еще предстоит написать.

Кстати, в этом отношении (и не только в этом!) гораздо более чуткими и совестливыми были авторы «противоположной стороны» – Белой эмиграции: не случайно ряд работ по истории Белого движения скромно помечен «материалы к...», а их авторы определяют себя всего лишь как «составители» в противоположность не только «бывшим» советским, но и многим сегодняшним историкам, заботливо и горделиво снабжающим свои сочинения подзаголовком «монография».

На самом деле, история Русской Смуты XX столетия действительно полна темами и эпизодами, достойными монографических исследований. Беда лишь в том, что, быть может, по «официально-исторической» инерции, боясь обвинения в «мелкотемье», ныне многие стремятся к обзорным и обобщающим темам, в то время как обобщения в большинстве случаев преждевременны, коль скоро не разработана еще источниковая база и постыдно не востребованным остается громадный архивный материал – не «за горами, за долами, за широкими морями», во Франции или Америке, а здесь, в России. И все без исключения сегодняшние работы, на наш взгляд, – лишь первые шаги на длинном и трудном пути.

Но и их подчас нельзя сделать без того, чтобы не услышать окрика со стороны. Делая обзор современной историографии Белого движения, его авторы скептически цитируют свидетельство биографа одного из Белых генералов (неважно, чье и о ком): «Изучая историческую литературу, мемуары, советские и зарубежные архивы, я, сталкиваясь постоянно с лавиной позитивной информации об этом человеке, пытался найти какие-либо свидетельствующие против него лично сведения, – дабы избежать расхожего обвинения в идеализации. Но тщетно! Таких сведений, по всей очевидности, просто нет». И «надсмотрщики»-историографы готовы, кажется, проигнорировать первую часть цитаты – о серьезной и кропотливой работе как единственном источнике любых возможных оценок – во имя, вольного или невольного, установления нового тоталитаризма в исторической литературе: раньше следовало клеймить Белых воинов как «аристократов», «эксплуататоров» и «врагов рабочих и крестьян», а теперь, когда миф понемногу развеивается, – наверное, как каких-нибудь «врагов демократии» и снова чьих-нибудь «притеснителей». А если исследователь не находит об этом «притеснительстве» фактических материалов? Тем хуже для исследователя вкупе с материалами – ему грозит немедленное обвинение (по эмоциональной шкале – от надменного высокомерия до личной неприязни) в упомянутой «идеализации» или в том, что он, исследователь, «буквально “раздавлен” своим героем». Не милосерднее оказываются и представители консервативно-монархического направления современной историографии и исторической публицистики: сами не просто гонимые, а решительно «запрещенные» в советские времена, они сегодня, кажется, не прочь соединиться со своими вчерашними гонителями и запретителями в нападках на Белое движение, которое для них выглядит, наоборот, чересчур «либеральным», «демократическим», а то и, не мудрствуя лукаво, – «масонским». «В кольце событий, сменяющих друг друга, одно ясно – Турбин всегда при пиковом интересе, Турбин всегда и всем враг», – эти горькие слова из черновиков булгаковской «Белой гвардии» актуальны и поныне: белогвардеец Турбин продолжает подвергаться ударам и «справа», и «слева».

Будем надеяться, что большинство этих ударов и нападок проистекает из-за отсутствия информации о предмете спора. Вырванная из контекста цитата, непроанализированное свидетельство, неверно прочитанный документ, забвение принципов критики исторического источника позволяют недобросовестному или «добросовестно заблуждающемуся» из-за своей ангажированности, не идущему дальше первых шагов автору проиллюстрировать едва ли не все что угодно. Как ни парадоксально, но материал для этого нередко давали... сами Белые мемуаристы, в силу своей честности и совестливости не скрывая темных сторон всероссийского кровопролития и преступлений представителей своего собственного лагеря, а нередко и акцентируя на них внимание. Это давало возможность советским «историкам» (здесь заключим это слово в кавычки) торжествующе цитировать: «даже белогвардеец (имярек) признавал, что...», причем цитирующего уместно уподобить разбойнику-душегубу, который, глядя на схимника, повторяющего Иисусову молитву (Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного), – причитает: «Посмотрите только на этого грешника!»

Значит ли это, что все так уж плохо? Хочется думать, что нет; что история Отечества не станет в очередной раз игрищем темных страстей; что времена, когда можно написать книгу о генерале Деникине, не удосужившись ознакомиться с его фундаментальными «Очерками Русской Смуты» (или ничем не проявив этого знакомства), все-таки минуют; что, когда отхлынут мутные волны конъюнктурной «словесности», останутся те, кто ставит своей задачей кропотливую научную работу; что интерес читателей к одной из самых трагических страниц прошлого России не насытится скороспелыми поделками и подделками... Но если это и не так и надежды эти ложны, – все равно задача восстановления правды останется насущной и неотменяемой. Тогда нам останется хотя бы «хоронить своих мертвецов».

Одним из шагов на пути изучения Русской Смуты стало и составление настоящего сборника биографий видных военачальников Белого движения. Выбор персоналий определялся, впрочем, не только их личной ролью и значимостью для дела, которому они служили, но и нашим стремлением отразить с возможной полнотой различные события, периоды, этапы движения в целом. Разумеется, создание всеобъемлющей «Истории Белого движения в жизнеописаниях» представляет собою работу, превышающую нашу нынешнюю задачу, и всегда можно найти имя или событие, не нашедшее места на этих страницах; но общий ход боевых действий, принципы государственного строительства, наиболее значимые конфликты, как личные, так и более крупного масштаба, – мы постарались здесь отразить.

История Белого движения все еще полна «белых пятен», и многое уже никогда, быть может, не станет известным (отметим, что мы не разделяем популярных сегодня упований на некие таинственные «чекистские архивы», в которых «все-все есть», но которые никому не доступны); отсюда, не желая выдавать догадку за реальность, предположение – за достоверность, реконструкцию событий – за их документированное изложение и особенно опасаясь вступать в область домысливания душевных движений наших героев (область, где все версии наиболее зыбки), мы предпочитаем в ряде случаев оговаривать предположительность избранных нами версий. Поэтому пусть читателя не смущают многочисленные «быть может», «кажется», «возможно», «есть основания полагать» и проч. – хуже было бы, если бы на их месте стояли мнимо-незыблемые утверждения.

Стремясь уменьшить долю собственных предположений и реконструкций, неизбежных в любой историографии, мы чаще, чем это было принято у советских авторов, прибегаем к цитированию источников. Нередко считалось, и эта «традиция» далеко еще не преодолена, что вместо «прямой речи» лучше пересказать источник, хотя тем самым не только создаются условия для ошибок, подтасовок, неверных прочтений, но и утрачивается дух эпохи, яркость свидетельств, живость полемики, которую продолжают вести на страницах книг и листах архивных документов давно ушедшие в мир иной участники «великих потрясений» России.

Именно поэтому мы и постарались предоставить слово им самим – Деникину и Краснову, Алексееву и Унгерну, Балаховичу и Гайде и многим другим – тем, кто сражался под их началом, кто был свидетелем их дел, кто запечатлел их для нас – и для Истории.

Тем же вызвано и употребление терминов, оборотов, форм, которые, будучи собственными описываемой эпохе, должны сохраняться в относящихся к ней текстах, даже если сегодня на первый взгляд и могут показаться непривычными: «Белое Дело» и «Белая борьба», «Великая война» (о Первой мировой, которую тогда называли и Второй Отечественной), «Генерального Штаба полковник» и «Лейб-Гвардии в Преображенском полку» (именно в такой последовательности), «Ахтырцы» или «Дроздовцы» (с заглавной буквы – о чинах соответствующего полка), «большевицкий» (как производное от «большевик», а не «большевист» – ср. «дурацкий», «мужицкий»), «советская дивизия», «обеспечить фланг» или «участок» и проч.¹ Избегали мы и нарочитого осовременивания речи, не следуя сегодняшней моде, принуждающей услужливо вписывать «рэкеты», «рейтинги», «паханов» в повествования о Гражданской войне (не анекдот, а реальные факты). В наши дни, когда нас поистине яростно, исступленно и... небезуспешно стремятся лишить русского языка, приучая к отвратительному полууголовному жаргону, наши принципы, даже если и покажутся несколько старомодными, конечно, не смогут оттолкнуть вдумчивого читателя.

Читателя не остановит и то, что при подготовке книги мы сознательно отказались от «унифицирования» текстов, «нивелирования» авторских позиций. Предлагаемый сборник – не «коллективная монография»: каждый из авторов имеет свой собственный, индивидуальный взгляд на события и на своих и чужих персонажей, не всегда совпадающий со взглядами, изложенными в других очерках. Безусловно объединяющим остается – и мы не собираемся скрывать этого – лишь пietet по отношению к нашим героям.

«Героев своих надо любить; если этого не будет, не советую никому братья за перо – вы получите крупнейшие неприятности, так и знайте», – писал Михаил Булгаков, и запоем эта вполне приложима не только к художественной литературе. Открыто исповедуя свою веру, мы не идем по пути советской историографии, в повествованиях о Гражданской войне ханжески рядившейся в тогу «объективности» и «академизма», а на деле политически ангажированной и исполненной злобы. Не хотим мы уподобляться и тем сегодняшним авторам, кто, по непонятным для нас причинам взявшись за «белогвардейскую» тематику, не может скрыть высокомерного презрения или упоенности собственным мнимым превосходством над «объектами» своих литературских упражнений. Разумеется, все это не означает, что какие-либо эпизоды жизни наших героев или аспекты их деятельности остаются «неприкасаемыми», «запретными» (хотя одно безусловно: мы стремились не лезть в их частную жизнь в столь привычной сейчас развязно-любопытствующей манере), не подлежащими критике или рассмотрению. В человеческих душах очень часто живут рядом злое и доброе, высокое и низменное, – тем более это касается столь ярких, незаурядных личностей, оказавшихся в столь экстремальных условиях, о каких идет речь в настоящем сборнике, – и все, как светлые, так и темные страницы должны быть прочитаны.

Ограниченные объемом и издательскими соображениями, стремясь не перегружать текст и не затруднять восприятия неподготовленному читателю, мы вынуждены были отказаться от помещения справочного аппарата (ссылок) и сейчас можем лишь выразить благодарность сотрудникам тех архивов и книгохранилищ, с материалами которых мы работали: Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного военного архива, Российского

¹ Самостоятельной проблемой становится календарный стиль. В тех случаях, где он специально не оговаривается, мы употребляем «старый» (юлианский) – когда речь идет о событиях дореволюционных и происходивших на Белом Юге (где был принят именно этот календарь) по «врангелевскую эвакуацию» 3 (16) ноября 1920 года включительно; для остальных регионов России и зарубежья, начиная с 1 (14) февраля 1918 года, используется «новый» (григорианский). – А. К.

государственного архива Военно-Морского Флота, Российского государственного архива кинофотодокументов, Российской государственной библиотеки, Государственной публичной исторической библиотеки России, Дома Русского Зарубежья им. А. И. Солженицына. Для предупреждения же возможной недобросовестной критики сразу хотим подчеркнуть: *каждое* утверждение, приведенный факт, версия основаны на архивных и печатных источниках, документах, мемуарах, исторических трудах. Еще раз признавая, что работа по написанию истории Гражданской войны только начинается и полемика, размышления, альтернативные версии происходившего не только возможны, неизбежны, но и необходимы, – мы тем не менее заверяем в обоснованности и документированности своих версий, часто опирающихся в буквальном смысле слова на тысячи листов архивных документов, до нас никем не востребованных.

И в заключение, еще раз задумываясь о прихотливом ходе Истории, неожиданно позволяющей пробиться к читателю давно замолчанным фактам и оболганным именам, – спросим себя, не пророческими ли были строки белогвардейского поэта, подьесаула Николая Туроверова, в далеком 1936 году напечатанные в «деникинской» парижской газете «Доброволец»:

*Пока нам дорог хмель сражений,
Походов вьюги и дожди,
Еще не знают поражений
Непобедившие вожди.*

Не «генерал Харьков», а подлинные вожди; русские вожди; вожди Белого Дела. И неужели же нам все-таки придется лишь «хоронить своих мертвецов»?

А. С. Кручинин

Генерал-от-инфантерии Л. Г. Корнилов

Что́ есть человеческая жизнь в многовековой череде событий истории?.. Что значит для истории один человек, скованный рамками условностей, принципов, постулатов и социальных установок, зачастую вынужденный подчиняться помимо своей воли и желания бешеному водовороту событий, войн, встреч, праздников, буден, радостей и горя?.. Иному времени уготованы титулы почетные и праведные, иному – клеймо палача и тирана. Иному – место властителя человеческих дум, иному – гласа совести народной... Один под напором орущей и беснующейся толпы отрекается от своих идеалов, другой идет за них на смерть. Одного восхваляют на всех углах, но имя его забудет неумолимая История. Другой же, оклеветанный и непонятый современниками, останется в ней навсегда, как маленькая яркая звездочка на небосклоне...

Корнилов... Весь «советский» период истории России имя это ассоциировалось с черным клеймом «злейшего врага трудового народа», «белогвардейского отребья»... Но стоит только почитать воспоминания о нем современников, попытаться понять важность его географических исследований, осмыслить вехи начатого им Белого Дела, и ярким светом засияют грани судьбы этого замечательного человека и воина. Блестящий офицер, храбрейший полководец, талантливый исследователь-первопроходец и этнограф, наконец, незыблемый символ антибольшевицкого сопротивления. Все это – Георгиевский кавалер, генерал-от-инфантерии Лавр Георгиевич Корнилов.

* * *

18 августа 1870 года, в день Святых Флора и Лавра, в Западной Сибири в семье мелкого чиновника, выслужившегося из нижних чинов отставного хорунжего станицы «Каркаралинской» Сибирского Казачьего Войска, родился сын, нареченный Лавром. Мать его была казачкой станицы «Кокпетинской», и кроме Лавра в семье было еще двое детей – сын Петр и дочь Анна.

Кочевая служба отца приучает мальчика с детства переносить суровый сибирский климат, вырабатывает настойчивость, силу воли, наблюдательность. Его отец сам ведет все свое небольшое хозяйство – сеет, ходит за сохой, косит. С девяти лет маленький Лавр начинает свое образование в приходской школе. Вскоре семья переезжает через Прииртышскую степь в Зайсан. Ненасытный в любознательности Лавр, готовясь к поступлению в кадетский корпус, читает книги даже при свете костра, когда в ночном стережет лошадей. В 1883 году он едет в Омск и становится кадетом, впервые надев погоны.

Кадет Лавр Корнилов в 1889 году первым заканчивает 1-й Сибирский Императора Александра I кадетский корпус и поступает в Михайловское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге. Настойчивый и независимый, он в числе лучших учеников. Однокашники его любят, преподаватели видят в нем задатки прекрасного офицера. Начальник училища генерал Чернявский помогает Лавру Корнилову закончить училище, встав на его защиту, когда юнкеру грозит увольнение за независимый нрав и острый язык. Юнкер Лавр Корнилов – первый из михайловцев в выпуске 1892 года. Имея преимущество выбора вакансии в полк, он не ищет престижной службы в гвардии или «хорошей» стоянки в больших городах. Получив офицерский чин, Лавр Георгиевич просит зачислить его... в Туркестанскую артиллерийскую бригаду и уезжает в Среднюю Азию. Подпоручик Корнилов честно служит и усердно занимается для поступления в Академию. Он изучает местные языки, обычаи и нравы. Любим солдатами и уважаем местными жителями. Чтобы помогать старому отцу, дает частные уроки. В 1895 году молодой офицер первым выдерживает экзамен и поступает в Императорскую Николаевскую Академию Генерального Штаба. Спустя три года поручик Лавр Георгиевич Корнилов заканчивает ее с малой серебряной медалью.

Тяга к знаниям у молодого обер-офицера столь велика, что еще будучи юнкером военного училища, чтобы платить за дополнительные уроки иностранного языка, Л. Г. Корнилов берет платные заказы на чертежи. Впоследствии он изучает, помимо европейских, еще и ряд восточных языков.

Отказавшись от службы в Генеральном Штабе, он, вдохновляемый опасностями и загадками Туркестана, вновь отправляется на Восток. В том же 1898 году Корнилов прибывает в город Термез на афганскую границу, в распоряжение известного исследователя Азии генерала М. Е. Ионова.

Генерала сильно беспокоила построенная с помощью англичан афганская крепость Дейдади, что в ущельи Гиндукуша, в 50 верстах от границы на пути в Кабул. Ее вооружение и укрепление были полной тайной для русских, а все попытки разведчиков проникнуть в крепость кончались печально – их сажали на кол. Лавр Георгиевич просит у генерала три дня отпуска и, никому ничего не говоря, переодетый скачет с тремя туркменами к крепости. Побрив голову, надев туркменский халат (пригодились унаследованные от матери восточные черты лица), с револьвером в кармане, он говорит спутникам, что живым в плен не попадет: «Последняя пуля – себе». Они переплывают на бурдюках бурную Аму-Дарью. Прекрасно владея местным наречием, Л. Г. Корнилов успокаивает подозрительность часового почтительным поклоном и уверенным ответом: «Великий Абдурахман, эмир Афганистана, собирает всадников в конный полк. Я еду к нему на службу». – «Да будет благословенно имя Абдурахмана», – говорит воин-афганец, не подозревающий, что богато одетый всадник и его сопровождающие – русские разведчики.

...К концу третьего дня капитан Л. Г. Корнилов, проскакав сотни верст, вручает генералу Ионову фотографии, план крепости и дорог. «Но ведь Вас могли посадить на кол», – восклицает генерал. «Я это знал», – слышит он в ответ. Генерал представляет храбреца к ордену Святого Владимира IV-й степени с мечами (боевая награда в мирное время!), но вместо этого капитан получает выговор с обещанием посадить его на 30 дней на гауптвахту за самовольную отлучку за границу. Этот подвиг и рекордный пробег в 400 верст за три дня

сразу выдвигают молодого офицера Генерального Штаба, и ему отныне дают серьезные и ответственные поручения.

Как географ и этнограф в 1899 году Л. Г. Корнилов обследует район Кушки в направлении на Герат и Мейман. Затем полтора года, невзирая на невообразимые лишения, изучает Кашгарию. С поручиком Кирилловым и несколькими казаками он проходит вдоль и поперек выжженную солнцем страну, нанося на карту извилины дорог, русла рек, колодцы и т. д. Возвратившись из полной опасностей и лишений экспедиции, Корнилов пишет и издает книгу «Кашгария или Восточный Туркестан», равную по научной ценности трудам знаменитого путешественника генерала Н. М. Пржевальского. Позже на протяжении месяцев занимается исследованием и описанием областей Восточной Персии – Хоростана и Сеистана, куда до него не проникал еще ни один европеец. В 1901 году Л. Г. Корнилов отправляется в новое опасное путешествие и проходит неисследованную до него и остававшуюся белым пятном на карте Персии «Степь Отчаяния» – Дашти-Наумед. Ни один путешественник до той поры не вернулся оттуда. В течение 7 месяцев Корнилов с двумя казаками и двумя туркменами, исходив «Степь», наносит на карту дороги, караванные пути, развалины древних городов, изучает нравы местных кочующих племен.

В Ташкенте Лавр Георгиевич женится на Таисии Владимировне Марковиной и везет молодую жену в свадебное путешествие... в пустыню – в очередную служебную поездку! По дороге вдруг выясняется, что новобрачная потеряла свое обручальное кольцо. Л. Г. Корнилов поворачивает караван обратно и после долгих поисков, пройдя много верст, находит кольцо в безбрежной песчаной пустыне! (Оказалось, на последней остановке при умывании кольцо соскользнуло с пальца жены.)

С 1902 года подполковнику Л. Г. Корнилову поручается редактирование секретного издания Штаба Туркестанского военного округа под названием «Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом», где помещаются отчеты о некоторых из его экспедиций.

Заглянем в послужной список Лавра Георгиевича: в течение года он командует ротой. С 11 августа 1899 года – помощник старшего адъютанта Штаба Туркестанского военного округа; с 19 октября 1901-го – штаб-офицер для поручений при Штабе Туркестанского военного округа; с 13 июня 1904 года – столоначальник Главного штаба. В 1903 году Л. Г. Корнилов отправляется в Индию для изучения местных языков, нравов и обычаев. Русско-Японская война застает его в Белуджистане. После долгих хлопот, 30 сентября 1904 года Корнилов получает разрешение перейти в Действующую Армию, в штаб 1-й стрелковой бригады, с которой и участвует в боях под Сандепу, Мукденом и Телином.

Ученый и этнограф, Л. Г. Корнилов блестяще выдерживает и офицерский экзамен на прочность, устроенный ему судьбой в боях с японцами. При отходе от Мукдена его ослабленная потерями бригада остается в арьергарде, обеспечивая отход 2-й Маньчжурской армии. У деревни Вазье бригада попадает в окружение. Ночью Корнилов воодушевляет подчиненных и ведет их в штыковую атаку, внезапным ударом обращая японцев в бегство. Плотное кольцо врага разорвано, и считавшаяся уже погибшей бригада присоединяется к армии. Наградой Лавру Георгиевичу был орден Святого Георгия IV-й степени. Высочайший приказ так описывает его подвиг:

«...25 февраля 1905 года, получив приказание отвести от Мукдена собравшиеся к Мукденской станции из разных отрядов 1, 2 и 3 стрелковые полки, понесшие в предшествовавшие дни большие потери в офицерских и нижних чинах, подполковник Корнилов, достигнув окрестностей деревни Вазье, около 3 часов пополудни занял здесь позицию и в течение 4-х часов удерживал натиск противника, обстреливавшего наше расположение сильнейшим артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем; за это время выбыли из строя 2 командующих полками, а во 2-м стрелковом полку остались лишь 3 офицера.

Выдерживая натиск противника, подполковник Корнилов собрал нижних чинов разных частей, отступавших кучками и поодиночке, отправляя их на север вдоль железной дороги. Им было принято под охрану знамя 10-го стрелкового полка, следовавшее с малым конвоем отдельно от полка, и забраны оставленные пулеметы. Около 7 часов вечера, пропустив значительную массу отходивших нижних чинов разных частей и обеспечив таким образом их отход, подполковник Корнилов приступил к очищению своей позиции. Деревня Вазье была в это время почти окружена противником. Усиленный огонь наших стрелков и атака в штыки 5-й роты 3-го стрелкового полка заставила японцев раздвинуться и открыть дорогу отряду подполковника Корнилова, вынесшему знамена, пулеметы и всех своих раненых и в порядке отступившему на север вдоль железной дороги».

За боевые отличия в 1905 году Л. Г. Корнилов был произведен в полковники, а после заключения мира – 1 мая 1906 года назначен делопроизводителем Управления генерал-квартирмейстера Генерального Штаба. По служебным делам он выезжает на Кавказ, в Туркестан и в Западную Европу. С 1 апреля 1907 года Корнилов – военный агент (атташе) в Китае. Отказавшись от перевозочных средств, верхом на коне с тремя ординарцами-казаками проезжает он весь путь от Иркутска до Пекина (в Штабе Иркутского военного округа вплоть до 1920 года хранилось седло Л. Г. Корнилова).

Жадно впитывая новую культуру и совершенствуясь в языке, Лавр Георгиевич собирает книги, рукописи, ковры, эмаль, богатейшую коллекцию китайских божков. Знакомится с выдающимся синологом Шкуркиным и часто бывает у него дома. Последний посвящает офицера в тонкости китайского языка. Китайцы дружелюбно относятся к русскому атташе, но не открывают ему своих военных секретов.

Об одной блестяще проведенной Корниловым разведывательной операции сохранился рассказ, звучащий, как легенда. Русскому командованию стало известно, что китайцы в строящемся секрете готовят в отдаленном городке особый отряд войск, обучаемый европейским приемам боя. Корнилов, переодевшись в пышный наряд китайского мандарина, едет туда. Его принимают как посланника самого «сына неба» – Богдыхана. Лавру Георгиевичу оказываются всяческие почести, ему подробно докладывают об успехах, и весь отряд проходит перед ним церемониальным маршем. По окончании парада Корнилов произносит по-китайски речь, благодарит за оказанный прием и благополучно возвращается в посольство, завершив свою миссию.

В 1907 году Л. Г. Корнилов награжден за боевые отличия Золотым Оружием. 24 февраля 1911 года его назначают на должность командира 8-го пехотного Эстляндского полка, стоявшего под Варшавой, но уже 3 июня Корнилов получает должность начальника 2-го Заамурского отряда Отдельного корпуса пограничной стражи, в состав которого входят два пехотных и три конных полка. В том же году Л. Г. Корнилов произведен в генерал-майоры.

В 1912 году по приказу начальника округа генерал Корнилов производит дознание о злоупотреблениях интендантства и о снабжении войск недоброкачественными продуктами, после чего дело передается военному следователю. По постановлению прокурорского надзора к следствию привлекаются в качестве обвиняемых некоторые начальствующие лица. Министр финансов Коковцов, в ведении которого находились пограничные войска, всячески пытался скрыть недостатки в своем ведомстве и добился Высочайшего повеления о прекращении следствия. Начальник округа генерал Мартынов подал прошение об отставке, генерал Корнилов по личному ходатайству 4 июля 1913 года был переведен на должность командира расквартированной во Владивостоке 1-й бригады 9-й Сибирской стрелковой дивизии.

* * *

19 июля 1914 года Россию всколыхнула весть об объявлении Германией войны. В этот же день генерал Л. Г. Корнилов, следуя мобилизационному предписанию, убывает на Западный фронт. Проехав от Тихого океана до Карпат, он временно принимает под свое командование 48-ю пехотную дивизию, в составе которой – полки, носящие прославленные «суворовские» имена – 189-й Измаильский, 190-й Очаковский, 191-й Ларго-Кагульский и 192-й Рымникский.

Уже 27 августа судьба испытывает генерала на прочность. XXIV-й армейский корпус, правым флангом выдвинувшийся вперед, был охвачен австрийцами, атаки которых следовали одна за другой, угрожая прорвать фронт на участке 48-й пехотной дивизии. Когда под натиском врага дрогнула одна из частей, потерявшая всех офицеров, Л. Г. Корнилов лично ведет в контратаку последний резерв – усиленный пулеметами саперный батальон. Под ним убита лошадь, но он опять впереди. На короткое время противник остановлен, но вновь обойденные русские полки вынуждены отступить, потеряв около тридцати орудий, немало солдат и офицеров.

Командовавший тогда соседней 4-й стрелковой бригадой генерал А. И. Деникин объяснял неудачу тем, что «дивизия и ранее не отличалась устойчивостью. Но очень скоро в руках Корнилова она стала прекрасной боевой частью». Не раз впоследствии Антон Иванович, искренне восхищаясь, подчеркивал командирские качества Корнилова: «умение воспитывать войска, личная его храбрость, которая страшно импонировала войскам и создавала ему среди них большую популярность, наконец, высокое соблюдение воинской этики в отношении соратников – свойство, против которого часто грешили многие начальники». С 11 сентября 1914 года Л. Г. Корнилов командует 1-й бригадой 49-й пехотной дивизии, а 30 декабря принимает под свое командование 48-ю пехотную дивизию.

Наступая, дивизия Корнилова пробила через Карпаты. Однако соседним соединениям не удалось развить успех, и передовой русский отряд вынужден был отступать под натиском опомнившихся врагов. Единственная свободная крутая горная дорога была занесена снегом, а у местечка Сины ее перекрыли австрийские части. Чтобы вывести артиллерию, генерал собрал около батальона пехоты и предпринял контратаку. Дивизия не только вырвалась из окружения, не потеряв ни одного орудия, но и опрокинула два вражеских полка, захватив более 1 200 пленных с генералом. Во время операции в Карпатах в боях 15–16 января 1915 года дивизия Л. Г. Корнилова овладела перевалом Черемша, взяв до 3 000 пленных. За геройские действия 15 февраля 1915 года Корнилов был произведен в генерал-лейтенанты, а его дивизия стяжала громкое наименование «Стальная».

Л. Г. Корнилов всегда на передовой. Он всегда хочет сам видеть и знать, что делает враг и готовы ли его части к решительным действиям. В одном из боев генерал вдруг спрашивает у своего начальника Штаба: «Что случилось в Очаковском полку?» – «Связь потеряна, провод перебит», – отвечает тот. «Послать подкрепление, австрийцы обходят наш левый фланг». Помощь приходит вовремя. В Штабе недоумевают, как генерал узнал об обходе. Оказывается, в бинокль он видел, как несколько наших солдат вдруг резко поменяли направление стрельбы – значит, обход!..

Дивизии поставлена задача перейти на противоположный берег реки Сан. В этих боях она попадает в окружение. Мало патронов, солдаты устали от непрерывных боев. Вновь русские войска вынуждены пробиваться, причем два последних резервных батальона ведет в штыковую сам начальник дивизии. Кольцо вновь разорвано, и дивизия с честью выходит из тяжелой ситуации. Существуют, впрочем, и негативные оценки действий Лавра Георгиевича: как писал генерал А. А. Брусилов, во время действий на карпатском театре военных

действий Корнилов «не исполнил приказа своего корпусного командира и, увлекшись преследованием... был окружен и с большим трудом пробился и вернулся тропинками обратно, потеряв всю артиллерию и часть обоза».

В марте того же 1915 года Л. Г. Корнилов отличился при прорыве позиций 3-го австро-венгерского корпуса и в бою у высоты 650, господствовавшей над всеми окрестными дорогами. Многократные попытки овладеть ею не приводят к успеху. Корнилов мрачен. Каждый подступ к горе известен и нанесен на карту, известно количество войск противника и их вооружение, но вершина недоступна. Генерал лично допрашивает пленных, внимательно вслушиваясь в каждое их слово. Вскоре лицо его веселеет, и предпринятая по плану Корнилова новая атака приносит желаемый успех – высота взята, захвачены пленные и вооружение.

Но завершается боевая деятельность генерала Корнилова в Галиции трагично. В конце апреля 1915 года его 48-я дивизия занимает позиции на левом фланге укрепленного участка в 30 верст, к юго-западу от Дуклы. После разгрома III-й армии русских на Дунайце противник ведет мощное наступление на Львов и Перемышль и выходит во фланг и тыл XXIV-го корпуса, вынудив наши войска оставить позиции на линии Тарнов – Горлице. 48-я дивизия отходит на 25–30 верст и занимает новые, неукрепленные позиции. Вскоре Л. Г. Корнилов получает распоряжение отступить еще на 15–20 верст. Не имея информации от соседей, он ждет приказаний о переходе в контратаку во фланг оттесняющему наши части врагу и теряет время для вывода своей дивизии из окружения. Между Зимградом и Дуклой, у деревни Ивна, обозы отступающих русских войск окружены врагами. Генерал Корнилов не был бы самим собой, если бы не попытался прорваться из кольца. Ведомая своим командиром, дивизия идет на прорыв, но счастье улыбается только 191-му пехотному Ларго-Кагульскому полку и батальону 190-го пехотного Очаковского. Они и выносят все знамена дивизии. Дерущийся в арьергарде батальон 192-го пехотного Рымникского полка гибнет почти полностью. С рассветом 25 апреля противник обрушивается на остатки русских частей.

Раненный в голову и руку Корнилов, не желая сдаваться, с горсткой солдат уходит в горы, пытаясь пробиться к своим. Через пять дней, 29 апреля, «Орлиное гнездо» взято австрийцами, и его обессиленные защитники попадают в плен. Их только семеро – генерал Корнилов, пять солдат и санитар...

В ходе боев дивизия Корнилова потеряла около 5 000 человек из 7 000 и 34 орудия, однако действия самого генерала и его полков были высоко оценены командующим Юго-Западным фронтом генералом Н. И. Ивановым. 28 апреля Государь наградил начальника дивизии орденом Святого Георгия III-й степени, офицерам были пожалованы боевые ордена, а нижним чинам – Георгиевские Кресты. С 12 мая генерал Л. Г. Корнилов как находящийся в плену был отчислен от должности.

Несмотря на прекрасный уход в австрийском военном госпитале, раны заживали медленно, и остаток своей жизни Лавр Георгиевич прихрамывал, а левая рука его не действовала. Эрцгерцог Иосиф, главнокомандующий одной из австро-венгерских армий, и другие высокие чины навещали русского генерала и считали за высокую честь познакомиться с ним.

В плену генерал Корнилов встречает солдат своей дивизии, в большинстве раненых и полуголодных, и обращается к ним для ободрения духа с приветственным словом. На его глазах выступают слезы. Солдаты бросаются к своему командиру, целуют его руки, полы одежды и плачут, как дети, – зрелище, потрясшее даже австрийских конвоиров.

Помещенный первоначально в замок Нейгенбах под Веной, Корнилов был затем переведен в замок Эстергази в венгерском селении Лека. В плену генерал продолжает изучать местные языки, быт и нравы австрийской армии. Он неоднократно пытается бежать. Первый план – при помощи русского авиатора Васильева захватить австрийский аэроплан – был

раскрыт, и Корнилова перевели в другой, более строго охраняемый лагерь, откуда бежать было сложно.

Специально перестав есть и всячески изнуряя себя, Л. Г. Корнилов попадает в госпиталь в местечке Кессиге. Здесь он посвящает в подробности плана своего побега русского врача Гудковского, а через вестового Д. Цесарского договаривается с фельдшером, чехом Ф. Мрняком, о помощи в побеге. Фельдшер добывает для генерала австрийскую военную форму ландштурмиста, деньги на дорогу и поддельные документы. 29 июня 1916 года среди бела дня Мрняк вывел заgrimированного русского генерала из госпиталя, и они оба по железной дороге направились к румынской границе.

Доктор Гудковский, больные и вестовой генерала скрывали побег. Однако отсутствие Л. Г. Корнилова на панихиде по умершему русскому офицеру вызвало подозрение у австрийцев. К тому же было найдено неотправленное письмо Мрняка родственникам, где он писал о готовящемся побеге. Начались усиленные поиски беглецов, к тому времени уже достигших конечной станции железной дороги. Избегая патрулей и застав на дорогах, питаясь кореньями трав и ягодами, переодетые теперь в гражданскую одежду, Корнилов и Мрняк направились через горы в сторону румынской границы. Не выдержавший голода чех зашел в кабачок, чтобы поесть и приобрести продукты. Он был опознан и схвачен жандармами, позже был предан суду и приговорен к смертной казни, однако наказание было заменено на 25 лет тюрьмы.

Не будучи в состоянии помочь товарищу, Корнилов продолжает дальнейший путь один. Проблуждав около месяца по лесу, генерал находит приют в шалаше у пастуха-славянина, который и выводит его наконец к Дунаю и указывает безопасное место для перехода на противоположный берег. Ночью 18 августа 1916 года Лавр Георгиевич пересекает румынскую границу.

Когда ранним утром 28 августа 1916 года на запыленной площади румынского городка Турну-Северян к русскому офицеру обратился, подавляя кашель, изможденный и заросший щетиной человек: «Я – генерал-лейтенант Корнилов! Дайте мне приют...» – изумлению не было предела. Через несколько дней бывший пленник уже в Бухаресте, откуда выезжает в Ставку Верховного Главнокомандующего и из рук Государя лично получает ранее пожалованную награду.

Отметим, что на сентябрь 1916 года по сведениям Ставки в плену числились 60 русских генералов. Бежал же один лишь Л. Г. Корнилов, что сразу сделало его знаменитым. Практически все газеты и журналы помещают портреты смельчака. В Михайловском артиллерийском училище в Петрограде в честь героя-выпускника выстраивается весь личный состав в парадной форме... Казаки станицы «Каркаралинской» из далекой Сибири присылают своему земляку золотой нательный крест и 100 рублей денег... Побег Корнилова из плена вызывает взрыв патриотических чувств, в нем видят героя, смелого и решительного.

13 сентября 1916 года генерал Л. Г. Корнилов получает в командование XXV-й армейский корпус, однако уже через несколько месяцев для него, да и для всей России, начинаются новые страшные испытания.

* * *

С отречением Императора Николая II военный и морской министр А. И. Гучков и глава Временного Комитета Государственной Думы М. В. Родзянко пожелали видеть на посту командующего войсками Петроградского военного округа популярного среди солдат боевого генерала и Георгиевского кавалера Л. Г. Корнилова. И начать свою деятельность на этом посту первому «революционному» командующему пришлось с ареста Императрицы Алек-

сандры Феодоровны 7 марта 1917 года. Сам генерал позже не любил вспоминать об этом факте своей биографии, тем более что многие ставили ему этот арест в вину.

Появление Корнилова в Петрограде, впрочем, имело свою предысторию. Дежурный генерал Главного Штаба, генерал А. П. Архангельский, свидетельствовал, что, когда начался хаос в столице, руководство Главного и Морского Штабов на совещании о путях восстановления снабжения Армии всеми видами довольствия, которое было приостановлено беспорядками, грозившими фронту неминуемой катастрофой, остановило свой выбор на генерале Корнилове. Выбор был утвержден сообственноручной резолюцией Государя – «Исполнить» – 2 марта, за несколько часов до отречения. Таким образом, Лавр Георгиевич исполнял последнюю волю своего Императора.

Голословными остаются и обвинения Корнилова в неподобающем поведении при аресте Императрицы. С максимальной корректностью генерал сообщил Ее Величеству о решении Временного Правительства считать Царскую Семью арестованной, затем попросил всех выйти и остался с Императрицей наедине. Речь в это время могла идти о возможном переезде Августейшей Семьи в Англию. Когда генерал Корнилов выходил, Государыня поблагодарила его, а оставшись одна, заплакала... Исполнив этот тяжелый акт, генерал оградил Царскую Семью от многих неприятностей в эти тяжелые дни Их жизни. И все, кто видел тогда генерала, свидетельствуют о его сильном моральном потрясении...

Вообще же политические взгляды Л. Г. Корнилова один из деятелей Совета рабочих и солдатских депутатов характеризовал так: «В исполнительном комитете он говорил, что против царского режима. Я не думаю, чтобы Корнилов унился до притворства. Несомненно, он сочувствовал реформаторским стремлениям. Но также несомненно, что он не был демократом, в смысле предоставить власть народу: как всякий старый военный, он всегда был подозрительно настороже по отношению к солдату и “народу” вообще: народ славный, что и говорить, но надо за ним присматривать, не то он избалуется, распустится. Против царского строя он был именно потому, что власть начинала терять свой серьезный, деловитый характер. Хозяин был из рук вон плох, и нужен был новый хозяин, более толковый и практичный».

На своем высоком посту Корнилов, однако, не может принимать самостоятельных решений, хотя за все несет ответственность. Петроградский военный округ погряз в митингах и пьянстве, дисциплина упала до нуля, офицеры не могли сказать и слова без риска быть поднятыми на штыки. Страна по сути потеряла Армию и неизбежно катилась в пропасть хаоса и беспорядков. Временное Правительство и Совдеп путались в собственных распоряжениях, да их никто и не думал исполнять.

23 апреля 1917 года Лавр Георгиевич написал рапорт с просьбой вновь направить его на фронт, и военный министр счел возможным назначить его командующим Северным фронтом. Верховный Главнокомандующий генерал М. В. Алексеев возражал против такого решения, ссылаясь на недостаточный командный стаж Корнилова и говоря, что неудобно «обходить старших начальников – более опытных и знакомых с фронтом, как, например, генерал А. Драгомиров». Следствием этого стало назначение 29 апреля генерала Корнилова на пост командующего VIII-й армией (Юго-Западный фронт).

Тогда же рядом с генералом появляется в качестве ординарца доброволец В. Завойко. Именно ему, неплохо владевшему пером, поручал Лавр Георгиевич составление тех документов, где нельзя было обойтись без литературной обработки и корректуры. Завойко стал буквально правой рукой генерала и немало сделал для роста авторитета командующего, составляя его речи и воззвания. Он же вспоминал о начале «знакомства» командующего армией с вверенными ему войсками. Резервные части устроили митинг и на все доводы о необходимости наступления отвечали отказом, всячески попрекая власти за продолжение «буржуазной» войны; на позициях же дело обстояло еще хуже.

«Когда генерал Л. Г. Корнилов после двухчасовой бесплодной беседы, измученный нравственно и физически, отправился в окопы, – рассказывал Завойко, – здесь ему представилась картина, которую вряд ли мог предвидеть воин любой эпохи... Появление генерала Л. Г. Корнилова было приветствуемо... группой германских офицеров, нагло рассматривавших командующего русской армией. За ними стояло несколько прусских солдат... Генерал взял у меня бинокль и, выйдя на бруствер, начал рассматривать район будущих боевых столкновений. На чье-то замечание, как бы пруссаки не застрелили русского командующего, последний ответил: “Я был бы бесконечно счастлив – быть может, хоть это отрезвило бы наших солдат и прервало постыдное братание”.

На участке соседнего полка командующий был встречен... бравурным маршем германского егерского полка, к оркестру которого потянулись наши “братальщики”-солдаты. Генерал со словами “Это измена!” повернулся к стоящему рядом с ним офицеру, приказав передать “братальщикам” обеих сторон, что, если немедленно не прекратится позорнейшее явление, он откроет огонь из орудий. Дисциплинированные германцы прекратили игру... и пошли к своей линии окопов, по-видимому, устыдившись мерзкого зрелища. А наши солдаты – о, они долго еще митинговали, жалуясь на “притеснения контрреволюционными начальниками их свободы”».

Через несколько дней после вступления в должность Л. Г. Корнилов получает рапорт капитана М. О. Неженцова с рядом соображений о мерах оздоровления Армии. Этому молодому офицеру генерал и поручает формирование ударного отряда, вскоре развернутого в полк, получивший название Корниловского. Он должен был стать сплоченной и организованной частью, способной своим примером внести перелом в настроения на фронте. Такую же роль играл и Текинский конный полк.

Почти ежедневно приходится Корнилову бывать в частях с разъяснениями о необходимости соблюдать дисциплину. В отношении солдатских комитетов генерал занимает жесткую позицию, всячески стараясь вводить их в рамки законности и внушая, что главнейшая их задача – не вмешательство в вопросы перемещения командного состава, а подъем наступательного духа войск.

18 июня 1917 года Юго-Западный фронт начал наступление. XI-я и VII-я армии продвинулись вглубь обороны противника на два километра и стали топтаться на месте. Солдаты замитинговали. Действовавшая по замыслу командования на второстепенном направлении VIII-я армия перешла в наступление три дня спустя. В шестидневных боях она под командованием Л. Г. Корнилова продвинулась на 18–20 километров, потеряв около 15 000 человек и взяв значительные трофеи: 800 офицеров и 36 000 солдат пленными, 127 орудий и минометов, 403 пулемета. Но и на фоне такого впечатляющего успеха Юго-Западный фронт в целом продолжал разваливаться буквально на глазах. Части самовольно уходили с позиций, о власти и повиновении не было и речи. Толпы дезертиров тянулись на сотни верст в тыл... Нужен был новый руководитель, и выбор пал именно на генерала Корнилова, потому что в последние недели только он проявил способность управлять войсками.

27 июня 1917 года Л. Г. Корнилов был произведен в генералы-от-инфантерии, а 10 июля – назначен Главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта, фактически исполняя эту должность уже с 7 июля.

Видя картины панического отступления частей, превосходящих врага по численности, Лавр Георгиевич принимает единственно верное, на его взгляд, решение – приказом от 8 июля он требует решительных действий, вплоть до расстрела дезертиров. Генерал уверен, что его поймут уставшие от беспорядков и анархии офицеры; тогда же он отправляет Верховному Главнокомандующему, военному министру и министру-председателю телеграмму, в которой обосновывает свои действия и предупреждает: «Иначе вся ответственность ляжет на тех, кто словами думают править на тех полях, где царит смерть и позор предательства,

малодушия и себялюбия». С одобрения высшего командования Корнилов формирует особые отряды для борьбы с мародерами и дезертирами, запрещает митинги как незаконные собрания, подлежащие разгону силой оружия, а главное – требует восстановления смертной казни, отмененной 12 марта 1917 года Временным Правительством: «Армия обезумевших темных людей, не ограждаемых властью от систематического разложения и развращения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит. На полях, которые нельзя даже назвать полями сражения, царит сплошной ужас, позор и срам, которых русская армия еще не знала с самого начала своего существования... Меры правительственной кротости расшатывали дисциплину, они вызывают беспорядочную жестокость ничем не сдерживаемых масс. Эта стихия проявляется в насилии, грабежах и убийствах... Смертная казнь спасет многие невинные жизни ценой гибели немногих изменников, предателей и трусов...»

Криком души патриота звучат слова Лавра Георгиевича: «Сообщаю вам, стоящим у кормила власти, что Родина действительно накануне безвозвратной гибели, что время слов, увещаний и пожеланий прошло, что необходима непоколебимая государственно-революционная власть. Я заявляю, что если Правительство не утвердит предлагаемых мной мер и тем лишит меня единственного средства спасти армию и использовать ее по действительному назначению защиты Родины и Свободы, то я, генерал Корнилов, самовольно слагаю с себя полномочия командующего». В тот же день, не получив еще ответа от Правительства, он приказывает в случае самовольного ухода войск с позиций, не колеблясь, применять «огонь пулеметов и артиллерии».

9 июля министр-председатель А. Ф. Керенский одобрил все проводимые мероприятия, а 12 июля был получен его ответ о принципиальном принятии закона о смертной казни, что тотчас произвело отрезвляющее впечатление в армейской среде. Однако в тот же день, ввиду полной безнадежности положения фронта, был отдан приказ об отводе войск из Буковины и Галиции: к 21 августа войска Юго-Западного фронта вернулись на государственную границу России.

Генерал Л. Г. Корнилов (в центре, верхом) – Главнокомандующий войсками Петроградского военного округа. 1917

Но сам Корнилов по предложению Керенского к этому времени уже принимает пост Верховного Главнокомандующего. В своей телеграмме Временному Правительству генерал обуславливает свое согласие на принятие поста «ответственностью перед совестью и всем народом» и получает подтверждение права на проведение жесткой линии на фронте и в тылу и заверения в полном невмешательстве в его оперативные распоряжения и назначения высшего командного состава. Предложенная Л. Г. Корниловым программа стабилизации поло-

жения в России предполагала создание «армии в окопах, армии в тылу и армии железнодорожников»; по свидетельству генерала А. И. Деникина, Лавр Георгиевич «уже тогда видел в диктатуре единственный выход из положения».

С назначением Л. Г. Корнилова на пост Верховного, в Ставку, располагавшуюся в Могилеве, началось буквально паломничество представителей различных патриотических организаций – Союза офицеров армии и флота, Союза казачьих войск, Союза Георгиевских кавалеров... Красноречивую телеграмму направил М. В. Родзянко: «Совещание общественных деятелей приветствует Вас, Верховного вождя Русской армии... В грозный час тяжелого испытания вся мыслящая Россия смотрит на Вас с надеждой и верой. Да поможет Вам Бог в Вашем великом подвиге на воссоздание могучей армии и спасение России».

На посту Верховного Главнокомандующего Корнилов был нужен Керенскому как популярная и сильная личность, способная пресечь деятельность лево-экстремистских движений в стране и стабилизировать политическую ситуацию. Но и Керенский нужен был Корнилову как государственный гарант, «легализующий» действия Верховного по наведению порядка и установлению твердой власти. Безусловно, каждый имел и свои собственные интересы в таком альянсе.

3 августа они встречаются в Зимнем дворце, и генерал передает министру-председателю доклад с изложением необходимых, на его взгляд, первоочередных законодательных преобразований. Корнилов считает обязательным признание Временным Правительством вины в оскорблении, унижении и сознательном лишении прав и значимости российского офицерства. Он полагает, что функции военного законотворчества должны быть переданы в руки Верховного Главнокомандующего, видит необходимым «изгнать из армии всякую политику, уничтожить право митингов», отменить Декларацию прав солдата, убрать комиссаров и распустить войсковые комитеты. Не найдя взаимопонимания и почувствовав враждебность обстановки, Корнилов возвращается в Ставку, однако мысли его, став известными газетчикам, вызвали антикорниловскую шумиху в той части прессы, которая опасалась надвигающейся угрозы левым силам и наведения порядка в стране.

14 августа легендарный генерал приезжает в Москву на проходящее там Государственное Собрание. На вокзале он был встречен почетным караулом и оркестром от Александровского военного училища, депутациями военно-патриотических организаций, членами Государственной Думы и целым рядом генералов и высокопоставленных лиц. После краткого митинга поднятый на руки офицерами и под восторженные крики пронесенный до своего автомобиля, генерал Л. Г. Корнилов приветствует москвичей. Машина его была завалена цветами. Приказав их убрать, Лавр Георгиевич замечает: «Я не тенор, и цветов мне не нужно; если же вы хотите украсить автомобиль, то украшайте Георгиевским флагом, на что я имею право как Главнокомандующий».

На другой день ему как «первому солдату революции» предоставили слово на Государственном Собрании. Как вспоминал позже лидер конституционно-демократической партии П. Н. Милюков, «низенькая, приземистая, но крепкая фигура человека с калмыцкой физиономией, с острым пронизывающим взглядом маленьких черных глаз, в которых вспыхивали злые огоньки, появилась на эстраде. Почти весь зал встал, бурными аплодисментами приветствуя Верховного. Не поднялась только немногочисленная левая сторона. С первых скамей туда яростно кричали: “Хамы! Встаньте”. Оттуда несло презрительное: “Холопы!” Председательствующему с трудом удалось восстановить тишину в зале». Л. Г. Корнилов говорит о развале Армии и восстановлении дисциплины на фронте и порядка в тылу...

«Я ни одной минуты не сомневаюсь, что эти меры будут приняты безотлагательно. Но невозможно допустить, чтобы решимость проведения в жизнь этих мер каждый раз совершалась под давлением поражений и уступок отечественной территории. Если решительные меры для поднятия дисциплины на фронте последовали как результат Тарнополь-

ского разгрома и утраты Галиции и Буковины, то нельзя допустить, чтобы порядок на железных дорогах был восстановлен ценою уступки противнику Молдавии и Бессарабии.

...Я верю в светлое будущее нашей Родины, и я верю в то, что боеспособность нашей армии, ее былая слава будут восстановлены. Но я заявляю, что времени терять нельзя, что нельзя терять ни одной минуты. Нужны решимость и твердое, непреклонное проведение намеченных мер».

* * *

После Государственного Совещания, показавшего слабость Правительства, в ближайшем окружении Корнилова возникают мысли о военном перевороте. Во главе страны предполагается поставить так называемый Совет народной обороны (председатель – Л. Г. Корнилов, заместитель председателя – А. Ф. Керенский). Подавление экстремистских революционных сил планировалось на 27 августа, день «полугодовщины» революции, для чего в столицу следовало ввести III-й конный корпус и Туземную дивизию, которые впоследствии должны были стать основой Отдельной Петроградской армии, подчиненной непосредственно Ставке. Свои намерения Корнилов объясняет Временному Правительству необходимостью немедленной «расчистки» столицы от запасных частей, совершенно разложившихся под влиянием демократической вседозволенности и большевицкой пропаганды. Керенский согласился с этими намерениями, тем более что 21 августа дезорганизованные русские войска сдали Ригу. Развал армии продолжался.

23 августа в Ставку прибыл управляющий военным министерством Б. В. Савинков, заверивший генерала Корнилова в одобрении Временным Правительством его проекта. Вечером следующего дня Корнилов назначает генерала А. М. Крымова командующим Отдельной армией в Петрограде, генерала П. Н. Краснова – командующим III-м конным корпусом, отдает приказ о снятии с фронта преданных ему войск и концентрации их в районе Луги. 26 августа Верховный телеграфирует Савинкову: «Корпус сосредоточится в окрестностях Петрограда к вечеру 28 августа. Я прошу объявить Петроград на военном положении 29 августа».

Однако В. Н. Львов, бывший «революционный» обер-прокурор Святейшего Синода и будущий член «Союза воинствующих безбожников», выступавший в те дни посредником между Корниловым и Временным Правительством, доложил А. Ф. Керенскому требования генерала в искаженном виде: «Первое – генерал Корнилов предлагает объявить Петроград на военном положении. Второе – передать всю власть военную и гражданскую в руки Верховного главнокомандующего. Третье – уходят в отставку все министры, не исключая и министра-председателя, временное управление министерствами передается товарищам министров впредь до образования кабинета Верховным главнокомандующим». А опубликованные воспоминания В. Н. Львова пролили свет на некоторые неизвестные обстоятельства так называемого «мятежа Корнилова».

«Керенский дал мне категорическое поручение представить ему из Ставки и от общественных организаций требования о реконструкции власти в смысле ее усиления, – рассказывал «посредник». – Для исполнения этого поручения я и поехал в Ставку. В Могилеве я говорил с Корниловым, указав на данное мне поручение. Мы беседовали с ним о реконструкции власти. Детали ее уже не помню, потому что измучен перенесенными волнениями.

Никакого ультимативного требования Корнилов мне не предъявлял. У нас была просто беседа, во время которой обсуждались разные пожелания в смысле усиления власти. Эти пожелания я и высказал Керенскому. Никакого ультимативного требования я не предъявлял и предъявить не мог, а он потребовал, чтобы я изложил свои мысли на бумаге. Я это

сделал, а он меня арестовал. Я не успел даже прочесть написанную мной бумагу, как он, Керенский, вырвал у меня и положил в карман».

Уже утром 27 августа в экстренных выпусках некоторых газет была поднята истерическая шумиха: Л. Г. Корнилова именovali не иначе как государственным изменником. Керенский по телеграфу приказывает Лавру Георгиевичу сложить с себя обязанности Верховного Главнокомандующего. Генерал отказывается это сделать, и 28 августа Временное Правительство устами министра путей сообщения Н. В. Некрасова объявляет генерала мятежником. Ответ Корнилова следует незамедлительно:

«Казаки, дорогие станичники! Не на костях ли Ваших предков расширялись и росли пределы Государства Российского. Не Вашей ли могучей доблестью, не Вашими ли подвигами, жертвами и героизмом была сильна Великая Россия. Вы – вольные, свободные сыны Тихого Дона, красавицы Кубани, буйного Терека, залетные могучие орлы Уральских, Оренбургских, Астраханских, Семиреченских и Сибирских степей и гор и далеких Забайкалья, Амура и Уссури, всегда стояли на страже чести и славы Ваших знамен, и Русская земля полна сказаниями о подвигах Ваших отцов и дедов. Ныне настал час, когда Вы должны прийти на помощь Родине. Я обвиняю Временное Правительство в нерешительности действий, в неумении и неспособности управлять, в допущении немцев к полному хозяйничанью внутри нашей страны, о чем свидетельствует взрыв в Казани, где взорвалось около миллиона снарядов и погибло двенадцать тысяч пулеметов; более того, я обвиняю некоторых членов Правительства в прямом предательстве Родины, и тому привожу доказательства: когда я был на заседании Временного Правительства в Зимнем Дворце 3 августа, Министр Керенский и Савинков сказали мне, что нельзя всего говорить, так как среди министров есть люди неверные.

Ясно, что такое Правительство ведет страну к гибели, что такому Правительству верить нельзя и вместе с ним не может быть спасения несчастной России. Поэтому, когда вчера Временное Правительство, в угоду врагов, потребовало от меня оставления должности Верховного Главнокомандующего, я, как казак, по долгу совести и чести вынужден был отказаться от исполнения этого требования, предпочитая смерть на поле брани – позору и предательству Родины. Казаки, рыцари Земли Русской. Вы обещали встать вместе со мной на спасение Родины, когда я найду это нужным. Час пробил, Родина – накануне смерти. Я не подчиняюсь распоряжениям Временного Правительства, и ради спасения Свободной России иду против него и против тех безответственных советников его, которые продают Родину. Поддержите, казаки, честь и славу беспримерно доблестного казачества, и этим Вы спасете Родину и Свободу, завоеванную Революцией. Слушайте же и исполняйте мои приказания. Идите же за мной.

Верховный Главнокомандующий Генерал Корнилов».

На следующий день, 29 августа, было опубликовано его «Обращение к народу»:

«Я, Верховный Главнокомандующий Генерал Корнилов, пред лицом всего народа объявляю, что долг солдата, самопожертвование гражданина Свободной России и беззаветная любовь к Родине заставили меня в эти грозные минуты бытия Отечества не подчиниться приказанию Временного Правительства и оставить за собою Верховное Командование народными армиями и флотом.

Поддержанный в этом решении всеми Главнокомандующими фронтов, я заявляю всему Народу Русскому, что предпочитаю смерть отстранению меня от должности Верховного.

Истинный сын Народа Русского всегда погибает на своем посту и несет в жертву Родине самое большое, что он имеет, – свою жизнь.

В эти, поистине ужасающие, минуты существования Отечества, когда подступы к обеим столицам почти открыты для победного шествия торжествующего врага, Временное Правительство, забывая великий вопрос самого независимого существования страны, кидает в народ призрачный страх контр-революции, которую оно само своим неумением к управлению, своею слабостью во власти, своею нерешительностью в действиях вызывает к скорейшему воплощению.

Не мне ли, кровному сыну своего Народа, всю жизнь свою на глазах всех отдавшего на беззаветное служение Ему, стоять на страже великих свобод, великого будущего своего Народа!

Но ныне будущее это в слабых, безвольных руках; надменный враг, посредством подкупа и предательства распоряжающийся у нас в стране, как у себя дома, несет гибель не только свободе, но и существованию Народа Русского.

Очнитесь, люди русские, от безумия ослепления и взгляните в бездонную пропасть, куда стремительно идет наша Родина! Избегая всяких потрясений, предупреждая какое-либо пролитие русской крови в междоусобной брани и забывая все обиды и все оскорбления, я перед лицом всего народа обращаюсь к Временному Правительству и говорю: “Приезжайте ко мне в Ставку, где свобода Ваша и безопасность обеспечены моим честным словом, и совместно со мной выработайте и образуйте такой состав Правительства Народной Обороны, который, обеспечивая победу, вел бы Народ Русский к великому будущему, достойному могучего свободного народа”.

Верховный Главнокомандующий Генерал Корнилов».

Не менее впечатляюще и пророчески звучат и слова еще одного из воззваний генерала:

«Русские Люди! Великая Родина наша умирает. Близок час кончины. Вынужденный выступить открыто, я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство, под давлением большинства Советов, действует в полном согласии с планами германского генерального штаба и одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье убивает армию и потрясает страну внутри.

Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей Родины. Все, у кого бьется в груди русское сердце, все, кто верит в Бога, идите в храмы, молитесь Господа Бога об объявлении величайшего чуда, спасения родимой земли!

Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ путем победы над врагом до Учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад своей новой государственной жизни. Предать же Россию в руки ее исконного врага – германского племени и сделать русский народ рабами немцев я не в силах и предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама русской земли. Русский народ, в твоих руках жизнь твоей Родины!»

Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего, генерал А. С. Лукомский, которому Керенским было приказано вступить в должность Верховного, также отказался исполнить это распоряжение, телеграфировав министру-председателю: «Считаю долгом совести, имея в виду лишь пользу Родины, заявить, что теперь остановить начавшееся с Вашего же одобрения дело невозможно, и это поведет лишь к гражданской войне, окончательному разложению армии и позорному сепаратному миру, следствием чего, конечно, не будет закрепление завоеваний революции. Ради спасения России Вам необходимо идти с генералом Корниловым, а не смещать его. Смещение генерала Корнилова поведет за собой ужасы, которых Россия еще не переживала. Я лично не могу принять на себя ответственности за армию, хотя

бы на короткое время, и не считаю возможным принимать должность от генерала Корнилова, ибо за этим последует взрыв в армии, который погубит Россию».

29 августа указом Временного Правительства Л. Г. Корнилов был отстранен от должности Верховного Главнокомандующего «с преданием суду за мятеж». Воззвания генерала не дошли ни до армии, ни до широких слоев населения России – телеграф был в руках Правительства. Керенский обратился к большевикам с просьбой стать на защиту революции, и те тотчас откликнулись, стремясь, естественно, к достижению своих целей. Навстречу войскам генерала Крымова были высланы агитаторы. Пришло известие об аресте в Бердичеве Главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала А. И. Деникина и его ближайших сотрудников, выразивших Корнилову свою полную поддержку. Был смещен Главнокомандующий Северным фронтом генерал В. Н. Клембовский. Главнокомандующий Западным фронтом генерал П. С. Балув и помощник Главнокомандующего Румынским фронтом² генерал Д. Г. Щербачев поддержали Временное Правительство. 31 августа на своей петроградской квартире застрелился генерал Крымов, явившийся к Керенскому с объяснениями. Существует, однако, и версия об убийстве Крымова...

Оставшийся в одночасье почти в одиночестве, генерал Корнилов стоял на грани самоубийства, но внял увещаниям жены в том, что он не имеет права бросать тысячи поверивших ему офицеров и должен продолжить борьбу.

«Дальнейшее сопротивление было бы глупо и преступно, – сказал Верховный Лукомскому после получения известий о предстоящем прибытии в Ставку генерала М. В. Алексева. – Пойдите на телеграф, заявите, что я и Вы подчинимся генералу Алексеву, и ему в Ставке не угрожают никакие неприятности...» И 2 сентября приехавший в Могилев Алексеев объявил об аресте Корнилова и его сподвижников. После первых допросов Лавру Георгиевичу было предложено письменно изложить свои показания, а уже 5 сентября доклад по «делу Корнилова» был готов.

«Постановлением Временного правительства от 29 августа генерал Корнилов предан суду за мятеж. Принимая во внимание, что в уголовных законах отсутствует юридическое определение мятежа, комиссия обсудила вопрос о возможности предания генерала Корнилова военно-революционному суду.

Согласно постановлению Временного правительства об учреждении военно-полевых судов от 12 июля сего года, генерал Корнилов мог бы быть предан этому суду лишь в случае предъявления ему обвинений в военной или государственной измене или в явном восстании.

Обвинение в государственной измене могло бы иметь место лишь при наличии у генерала Корнилова намерения способствовать или благоприятствовать неприятелю в его военных или враждебных против России действиях или при допущении им таких деяний, которые могли бы способствовать неприятелю в его военных операциях. В добытом комиссией материале данных, изобличающих генерала Корнилова в намерении способствовать неприятелю, совершенно не имеется. Напротив, из обзора всех его распоряжений, относящихся к соответствующему периоду времени, и его объяснений следует, что все его действия имели своей целью успешную борьбу с неприятелем.

Что касается обвинения генерала Корнилова в измене при наличии эвентуального умысла, то комиссия полагает, что такое могло бы иметь место при условии фактического ослабления им фронта взятием с него войск для внутренней борьбы в Петрограде и оставления им армий без оперативного руководства в последних числах августа.

При исследовании этого вопроса оказалось: для направления на Петроград были предназначены 3-й конный корпус и Курляндский уланский полк; гарнизон Могилева был усилен Корниловским ударным полком и двумя Польскими легионами. Из имеющихся в деле офици-

² Формально Главнокомандующим армиями Румынского фронта считался Король Румынии. – Е. К.

альных документов видно, что 3-й конный корпус был двинут к Петрограду по требованию Временного правительства; Корниловский ударный полк был взят не с фронта, а с тыла из Проскурова во время его укомплектования; Польские легионы взяты также с тыла, а уланский полк, по имеющимся сведениям, посылался по указанию управляющего делами военного министерства Савинкова.

Что же касается вопроса об оставлении армий без оперативного руководства, то такое руководство продолжалось непрерывно, за исключением Румынского фронта, который 30 августа сам прервал связь со Ставкой по распоряжению военно-революционного комитета этого фронта. Таким образом, для обвинения генерала Корнилова в измене не имеется данных.

Вторым основанием для предания генерала Корнилова военно-революционному суду могло бы быть обвинение его в явном восстании...

Как видно из положения 110-й статьи в Воинском уставе о наказаниях, находящейся в главе о нарушении воинского чинопочитания и подчиненности, – статьей этой предусматриваются нарушения, направленные против воинской дисциплины. Хотя, согласно 20-й статьи Положения о полевом управлении войск в военное время, верховный главнокомандующий и находится в исключительном и непосредственном подчинении Временному правительству, однако комиссия полагает, что это подчинение является только политическим, и дисциплинарных отношений – в смысле воинском – между ними не существует. Такой взгляд подтверждается и самим наименованием “Верховный Главнокомандующий”.

...Ввиду изложенного и на точном основании закона от 12 июля 1917 года об учреждении военно-революционных судов дело о генерале Корнилове военно-революционному суду не подсудно. Не подсудно оно и военно-окружному или корпусному суду ввиду того, что город Могилев не находится в войсковом районе театра военных действий, а подлежит на общем основании направлению в суд гражданского ведомства после производства предварительного следствия».

Пребывание арестованных в Могилеве стало тревожить Временное Правительство, так как в городе находился Корниловский ударный полк. Он был отправлен на Юго-Западный фронт, а пленников перевели в Быхов и поместили в здание женской гимназии под охрану Текинского конного полка и караула Георгиевского батальона в количестве 50 человек. Фактически к заключенным допускались все желающие, потому они были в курсе всего, что творилось на фронте и в Ставке.

В Быхове по «делу Корнилова» находились под арестом, кроме самого Лавра Георгиевича, генералы: А. С. Лукомский, начальник Штаба Верховного; А. И. Деникин, Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта; С. Л. Марков, начальник Штаба Юго-Западного фронта; И. Г. Эрдели, командующий Особой армией; Г. М. Ванновский, командующий I-й армией; И. П. Романовский, 1-й генерал-квартирмейстер Штаба Верховного; Е. Ф. Эльснер, начальник снабжения Юго-Западного фронта; Кисляков, товарищ министра путей сообщения; М. И. Орлов, генерал-квартирмейстер Штаба Юго-Западного фронта; подполковники Новосильцов и Пронин, капитаны Ряснянский, Роженко и Брагин, есаул Родионов, штабс-капитан Чунихин, поручик Чешских войск Клецанда, прапорщики Никитин и Иванов, военный чиновник Будилович, сотрудник газеты «Новое Время» Никаноров и бывший член 1-й Государственной Думы А. Ф. Аладьин.

* * *

25 октября Временное Правительство было свергнуто большевиками. После бегства А. Ф. Керенского, формально являвшегося Верховным Главнокомандующим, на этом посту остался начальник Штаба Верховного, генерал Н. Н. Духонин. Именно к нему обращается

с письмом Корнилов: «Вас судьба поставила в такое положение, что от Вас зависит изменить исход событий, принявших гибельное для страны и армии направление, главным образом благодаря нерешительности и попустительству старшего командного состава. Для Вас наступает минута, когда люди должны или дерзать, или уходить, иначе на них ляжет ответственность за гибель страны и позор за окончательный развал армии. По тем неполным отрывочным сведениям, которые доходят до меня, положение тяжелое, но еще не безвыходное. Но оно может стать таковым, если Вы допустите, что Ставка будет захвачена большевиками, или же добровольно признаете их власть».

Духонин выполнил лишь одно из прозвучавших в письме условий: признать большевиков отказался, но воспрепятствовать захвату и разгрому ими Ставки не сумел. Однако перед зарождающимся Белым движением у него есть и неоценимая по своим последствиям заслуга: 19 ноября 1917 года по приказу генерала Духонина были освобождены и тем самым спасены от грозившего им самосуда генерал Корнилов и его соратники, а в ночь на 20-е Текинский конный полк во главе с Лавром Георгиевичем походным порядком выступил на Дон. Буквально на следующий день явившейся в Могилев революционной толпой во главе с новым «Главверхом», бывшим прапорщиком Н. В. Крыленко, Николай Николаевич Духонин был схвачен и зверски растерзан. Обеспокоенный «бегством корниловцев» Крыленко потребовал от всех телеграфных станций примыкавшего к Быхову района сообщать в Ставку о движении конницы во главе с Л. Г. Корниловым.

По оплошности командира полка всадники-текинцы не имели ни теплой одежды, ни рукавиц, ни карт, ни врача, ни перевязочных средств. Обоз, состоявший из «революционизированных» солдат, дезертировал. Полк остался без провизии, патронов и снаряжения. Идя лесами и болотами, окруженный враждебно настроенным населением, он был заведен изменником-проводником в засаду и понес потери. У станции Унеча полк был обстрелян большевицкими бронепоездами, под генералом Корниловым была убита лошадь, текинцы потеряли более половины состава. Полк буквально таял, люди и лошади страдали от холода и голода. Полагая, что одним текинцам продолжать путь будет безопаснее, 30 ноября в деревне Нагара генерал отпустил своих боевых соратников, сняв с них клятву верности. Затем, переодевшись в крестьянскую одежду, с поддельным паспортом он вынужден был продолжать путь инкогнито. 6 декабря генерал Л. Г. Корнилов поездом прибыл в Новочеркасск.

Остатки Текинского полка продолжали двигаться на юг, и в начале января на Дон прибыли сорок всадников, а позже семеро офицеров полка. Корнилов поблагодарил их за службу и отпустил домой. Только шестеро текинцев, один киргиз и четверо офицеров вступили в Добровольческую Армию и были в конвое генерала до самой его смерти. После Кубанского похода в Ростов прибыло еще около шестидесяти текинцев, освобожденных из большевицких тюрем немцами. Отдохнув, все они вернулись домой.

По прибытии на Дон Л. Г. Корнилов возглавляет начатые там генералом М. В. Алексеевым первые Белые вооруженные формирования, хотя можно представить себе всю сложность взаимоотношений этих людей после стольких событий и взаимных предубеждений... Сам Корнилов в мыслях стремится за Урал. «Сибирь я знаю, в Сибирь я верю; я убежден, что можно будет поставить дело широко. Здесь же с делом легко справиться и один генерал Алексеев. Я убежден, что долго здесь оставаться я буду не в силах. Жалею только, что меня задерживают теперь и не пускают в Сибирь, где необходимо начинать работу возможно скорей, чтобы не упустить время», – говорит генерал.

Почти по всей стране были разосланы письма, командированы делегаты в Сибирь, Нижний Новгород, Самару, Астрахань, Царицын с целью организовать антибольшевицкие выступления для восстановления порядка. Важным основополагающим моментом для всего Белого Дела стало проходившее в конце декабря совещание представителей «Московского Центра», образованного осенью 1917 года торговопромышленниками, предста-

вителями либерально-буржуазных кругов (в первую очередь – кадетской партии), «совета общественных организаций» и части генералитета. Принципиальным был вопрос о существовании, обеспечении и управлении «Алексеевской организации», сохранении единства рядов и определении ролей ее лидеров – М. В. Алексеева и Л. Г. Корнилова. Именно по настоянию «Московского Центра» Корнилов отказался от мысли перенести работу в Сибирь, два генерала продолжили свое сотрудничество, несмотря на сохранившиеся разногласия и личную неприязнь. Оба они и Донской Атаман генерал А. М. Каледин должны были действовать согласованно и лишь тогда могли рассчитывать на поддержку. На этих же условиях обещали денежную помощь представители союзных держав – Англии и Франции. В результате Алексеев принял на себя заведывание финансами и решение вопросов внутренней и внешней политики, а Корнилов – руководство войсками.

После Рождества «Алексеевская организация» приняла название Добровольческой Армии, а 27 декабря генерал Л. Г. Корнилов возглавил ее. Генерал А. П. Богаевский вспоминал позже, что «командующий в тот день был в штатском костюме и имел вид не особенно элегантный. Криво повязанный галстук, потертый пиджак и высокие сапоги делали его похожим на мелкого приказчика. Ничто не напоминало в нем героя двух войн, кавалера двух степеней ордена Святого Георгия, человека исключительной храбрости и силы воли. Маленький, тощий, с лицом монгола, плохо одетый, он не представлял собой ничего величественного и воинственного. Вместе с тем Лавр Георгиевич с надеждою смотрел в будущее и рассчитывал, что казачество примет деятельное участие в формировании Добровольческой армии».

Однако становление и формирование Армии шло медленно. В основном записывались офицеры, юнкера, кадеты, гимназисты и студенты. Оклады были крайне низки, что обуславливалось скудной казной. К концу января вся Армия, включая небоевой состав, не превышала 5 000 человек, хотя ее Главнокомандующий планировал в ближайшем будущем удвоить это число. Армия состояла из прибывшего с фронта Корниловского ударного полка, остатков переведенного из Киева Георгиевского полка, юнкерского и нескольких офицерских батальонов, четырех артиллерийских батарей, инженерной и даже морской роты.

Уже в начале января 1918 года красные повели наступление на Ростов и Новочеркасск, и практически все кадры белых были двинуты на фронт. Донские казаки отказались воевать, и по просьбе А. М. Каледина на Новочеркасское направление был переброшен 2-й Офицерский батальон.

Штаб Армии и большинство ее частей перебазировались в Ростов-на-Дону. По словам А. И. Деникина, Корнилов считал харьковско-ростовское направление стратегически важным и взял его под контроль, поскольку оно оказалось брошенным Донцами. Кроме того, переезд позволял отмежеваться от Донского Правительства и собравшихся в Новочеркасске политических деятелей, которые раздражали Лавра Георгиевича. Наконец, в Ростовском и Таганрогском округах казачество не составляло абсолютного большинства, что облегчало взаимоотношения командования Добровольцев с местными властями.

Генерал Л. Г. Корнилов (1) и полковник М. О. Неженцов (2) в казарме Корниловского ударного полка. Новочеркасск, декабрь 1917

Буквально каждый день пребывания в Ростове был расписан у Корнилова по часам. К нему стремятся многочисленные посетители. Как вспоминал офицер-Доброволец, «что приятно поражало всякого при встрече с Корниловым – это его необыкновенная простота. В Корнилове не было ни тени, ни намек на бурбонство, так часто встречаемое в армии. В Корнилове не чувствовалось Его Превосходительства, генерала-от-инфантерии. Простота, искренность, доверчивость сливались в нем с железной волей, и это производило чарующее впечатление. В Корнилове было “героическое”. Это чувствовали все и потому шли за ним слепо, с восторгом, в огонь и в воду». Среди достоинств генерала современники выделяли еще и «отсутствие в нем корыстолюбия. Чрезвычайно умеренный в своих привычках, равнодушный не только к роскоши, но даже к простому комфорту, он не чувствовал потребности в деньгах и посреди той вакханалии остался безупречным до конца». Тогда же, в январе, был составлен проект так называемой «Политической программы генерала Корнилова», подписанный самим Лавром Георгиевичем и содержащий следующие «общие основания»:

«1. Восстановление прав гражданства: все граждане равны перед законом без различия пола и национальности, уничтожение классовых привилегий, сохранение неприкосновенности личности и жилища, свобода передвижений, местожительства и проч.

2. Восстановление в полном объеме свободы слова и печати.

3. Восстановление свободы промышленности и торговли, отмена национализации частных финансовых предприятий.

4. Восстановление права собственности.

5. Восстановление русской армии на началах подлинной военной дисциплины. Армия должна формироваться на добровольческих началах (по принципу английской армии), без комитетов, комиссаров и выборных должностей.

6. Полное исполнение всех принятых Россией союзных обязательств международных договоров. Война должна быть доведена до конца в тесном единении с нашими союзниками. Мир должен быть заключен всеобщий и почетный, на демократических принципах, т. е. с правом на самоопределение поработанных народов.

7. В России вводится всеобщее обязательное начальное образование с широкой местной автономией школы.

8. Сорванное большевиками Учредительное Собрание должно быть созвано вновь. Выборы в Учредительное Собрание должны быть произведены свободно, без всякого давления на народную волю и во всей стране. Личность народных избранников священна и неприкосновенна.

9. Правительство, созданное по программе ген[ерала] Корнилова, ответственно в своих действиях только перед Учредительным Собранием, к которому оно и передаст всю полноту государственно-законодательной власти. Учредительное Собрание, как единственный хозяин Земли Русской, должно выработать основные законы русской конституции и окончательно сконструировать государственный строй.

10. Церковь должна получить полную автономию в делах религии. Государственная опека над делами религии устраняется. Свобода вероисповеданий осуществляется в полной мере.

11. Сложный аграрный вопрос представляется на разрешение Учредительного Собрания. До разработки последним в окончательной форме земельного вопроса и издания соответствующих законов, всякого рода захватно-анархические действия граждан признаются недопустимыми.

12. Все граждане равны перед судом. Смертная казнь остается в силе, но применяется только в случаях тяжчайших государственных преступлений.

13. За рабочими сохраняются все политико-экономические завоевания революции в области нормировки труда, свободы рабочих союзов, собраний и стачек, за исключением насильственной социализации предприятий и рабочего контроля, ведущего к гибели отечественной промышленности.

14. Генерал Корнилов признает за отдельными народностями, входящими в состав России, право на широкую местную автономию, при условии, однако, сохранения государственного единства. Польша, Украина и Финляндия, образовавшиеся в отдельные национально-государственные единицы, должны быть широко поддержаны Правительством России в их стремлениях к государственному возрождению, дабы этим еще более спаять вечный и несокрушимый союз братских народов».

Уже в январе 1918 года все железнодорожные пути, ведущие на Дон, оказались в руках красных, что резко сократило приток добровольцев, пробиравшихся буквально со всех концов страны. Корнилов рассчитывал на помощь горцев, посылая на Кавказ своих эмиссаров с соответствующими поручениями, но переговоры шли крайне тяжело – требовались большие суммы денег для выплаты наемникам. А тем временем красные овладели Батайском и Таганрогом, беря Ростов в клещи. Появилась советская конница и со стороны Донецкого бассейна. В этих условиях дальнейшее пребывание Добровольческой Армии на Дону становилось крайне опасным, и генерал Корнилов принял решение уходить на Кубань. Он надеялся, что в тамошних станицах все же будет услышан его призыв и казаки поддержат Добровольческую Армию.

Л. Г. Корнилов распоряжается взять ценности Ростовского отделения Государственного банка, но, прислушавшись к мнению генералов М. В. Алексеева, А. И. Деникина и И. П. Романовского, решает не бросать тень на доброе имя Добровольческой Армии и считает более разумным передать деньги Донскому Правительству (которое, впрочем, не сумеет распорядиться ими, и все достанется большевикам).

В снежное морозное утро, в 4 часа 15 минут 9 февраля 1918 года Л. Г. Корнилов – теперь он в генеральской форме, – опираясь на палку, в сопровождении штабной роты покидает Штаб Добровольческой Армии, находившийся в доме купца Н. Е. Парамонова на Пушкинской улице Ростова. Весь первый этап пути до станицы Аксайской Корнилов про-

ходит пешком. По дороге к нему присоединяются снимающиеся по очереди с фронта воинские части. Начинается 80-дневный поход в неизвестность, позже названный «Ледяным». До гибели Лавра Георгиевича оставалось менее двух месяцев...

* * *

Первая остановка – станица Аксайская, вторая – Ольгинская, где Армия получила несколько дней передышки и была переформирована. Пехота сводилась в три полка: Корниловский ударный под командованием полковника М. О. Неженцова (около 1 000 штыков), в который были включены остатки Георгиевцев и партизанский отряд полковника Симановского; Партизанский – генерала А. П. Богаевского (около 1 000 штыков), сведенный из донских партизанских отрядов; Офицерский – генерала С. Л. Маркова (750 штыков), включавший три офицерских батальона, Кавказский кавалерийский дивизион полковника Ширяева и Морскую роту. Кроме того, отдельными оставались Юнкерский батальон, объединенный с Ростовским студенческим полком генерала А. А. Боровского под его командой, и Чехословацкий батальон под командованием капитана Неметчика. Конница объединялась в три дивизиона, насчитывавшие немногим более 800 шашек: полковника П. В. Глазенапа, полковника В. С. Гершельмана и подполковника Корнилова. Артиллерию составил дивизион из четырех двухорудийных батарей под командованием полковника Икишева. Из 3 700 бойцов, находившихся в строю Добровольческой Армии, 2 350 были офицерами. Среди них – 36 генералов, 242 штаб-офицера (20 из которых числились по Генеральному Штабу), 1 848 обер-офицеров (штабс-капитанов – 251, поручиков – 394, подпоручиков – 535, прапорщиков, в том числе произведенных из юнкеров, – 668). В Армии было 165 женщин; три четверти из них составляли сестры милосердия, но были и женщины-добровольцы, многие из которых погибли смертью храбрых.

Немудрено, что проводимые реорганизации частей вызывали непонимание у смещенных начальников и неудовольствие в частях. Фактически командиры батальонов перешли на положение ротных начальников. Спешно укомплектовывались обозы, лошадей Добровольцы вынуждены были покупать у населения с большим трудом и за баснословную цену. Крестьяне уклонялись от продажи фуража, хлеба, скота, лошадей и провианта и предпочитали натуральный обмен на товары, которых у Добровольцев, конечно, не было. Мало было и денег в казне – 6 000 000 рублей кредитными билетами и казначейскими обязательствами. Думающий о будущем генерал Корнилов старался сохранить среди простых людей порядочное имя своей крохотной Армии и запретил реквизиции.

В Ольгинской адъютант генерала корнет Резак Бек Хаджиев по поручению Лавра Георгиевича купил в лавке по три аршина белой, синей и красной материи. Владелица лавки сшила из них трехцветный национальный флаг, под которым Добровольческая Армия и совершила свой легендарный Кубанский поход.

13 февраля на совещании командного состава Добровольческой Армии и покинувших Новочеркасск донских партизан генерала П. Х. Попова обсуждался план дальнейших действий. Добровольцы склонялись к продвижению на Екатеринодар. Во-первых, там также имелись добровольческие формирования, во-вторых, за счет Кубанского Казачьего Войска Армия могла пополнить ряды и усилить свое положение, чтобы продолжить оттуда борьбу с большевиками.

Сомнение выразил генерал Лукомский: «...При походе на Екатеринодар нужно будет 2 раза переходить железную дорогу – около станций Кагальницкой и Сосыка. Большевики, будучи отлично осведомлены о нашем движении, преградят там путь и подведут к месту боя бронированные поезда. Трудно будет спасти раненых, которых будет, конечно, много. Начинаясь распутица, при условии, что половина обоза на полозьях, затруднит движе-

ние. Заменять выбывающих из сил лошадей другими будет трудно». Походный Атаман Донского Войска Попов предлагал перейти в Задонье, в район зимовников, и здесь, в удалении от железных дорог, прикрываясь с севера рекой Доном, пополнить обоз, отдохнуть и поменять конский состав.

Но удобный для действий небольших партизанских групп степной район представлял трудности для единой Добровольческой Армии: удаленные друг от друга зимовники не обладали ни достаточным жильем, ни топливом и были пригодными лишь для отдельных отрядов. При отсутствии технических средств связи управление ими было бы затруднено. Степной район ничего, кроме немолотого зерна, сена и скота, для удовлетворения нужд армии дать не мог. Кроме того, не приходилось рассчитывать на то, что красные оставят Добровольческую Армию в покое и не попытаются уничтожить белых по частям. И несмотря на то, что партизаны Попова все-таки уходят в Задонье в так называемый «Степной поход», генерал Корнилов в итоге принимает непоколебимое решение о походе на Екатеринодар.

88 верст от Ольгинской до Егорлыцкой белые идут шесть дней. В походе генерал Корнилов занимается прежде всего сплочением войсковых соединений. А. И. Деникин в своих мемуарах описал общую обстановку и настроения в Добровольческих частях в это непростое для белых время: «... У Хомутовской Корнилов пропускает колонну. Маленькая фигура генерала уверенно и красиво сидит в седле на буланом английском коне. Он здоровается с проходящими частями. Отвечают радостно. Появление Лавра Георгиевича, его вид, его обращение вызывают у всех чувство приподнятости, готовности к жертвам. Корнилова любят, перед ним благоговееют».

В станице Егорлыцкой Добровольцев встретили достаточно приветливо. Многие семьи проявили заботу о раненых, снабдили войска продовольствием. На станичном сборе выступили М. В. Алексеев и Л. Г. Корнилов, разъяснив положение в России и цели Добровольческой Армии. Егорлыцкая была последней станицей Донской области. Войска приближались к пределам Ставропольской губернии, занятой частями ушедшей с фронта и большевизированной 39-й пехотной дивизии. Здесь еще не было Советской власти, но были местные Советы, анархия и ненависть к «кадетам», как называли противники всех белых. Генерал Корнилов требует ускорить движение, по возможности избегая боев.

С вступлением на территорию Кубанского Казачьего Войска Добровольческая Армия встречает во многих станицах весьма радушный прием. В ее ряды вливаются казачьи пополнения, – так, станица Незамаевская выставила 150 шашек, – а станичные сходы выражают преданность Корнилову... Однако так было не всегда и не везде. При подходе к станице Березанской авангард был встречен градом пуль. Огонь Добровольческой артиллерии и наступление пехотных цепей быстро охладили пыл станичников и заставили их разойтись.

Прошедшая уже почти 250 верст Добровольческая Армия старалась не сталкиваться с превосходящими силами красных. Кубанский Военно-революционный комитет располагал значительными силами под командованием бывшего хорунжего А. И. Автономова, и теперь Добровольцам предстояло вступать в более серьезные бои, одной из целей которых было пополнение боезапаса на складах, расположенных у железнодорожной магистрали Тихорецкая – Екатеринодар.

Как и предполагал Л. Г. Корнилов, бои оказываются крайне тяжелыми. Их участники вспоминают типичную картину: «Все, кроме командующего, ложатся и пытаются убедить его сделать то же самое. Тщетно...» Наступление вот-вот захлебнется. Откатывается назад под ударами превосходящих сил противника Корниловский полк... Патроны и снаряды на исходе; Верховный приказывает выдать последние. Увидев своего шефа стоящим под огнем в полный рост, Корниловцы невольно приостанавливаются и поворачиваются в контратаку...

Ценой невероятных усилий и огромных потерь Добровольцам удастся наконец захватить значительное количество боеприпасов. К ним присоединяется отряд в три сотни казаков из станицы Брюховецкой. И вдруг – известие о том, что в ночь на 1 марта отряд, сформированный Кубанским Правительством под командованием генерала В. Л. Покровского, вместе с Атаманом, Правительством и Законодательной Радой («кубанским парламентом») покинули Екатеринодар и ушли в Закубанье. Теперь терялся весь смысл операции.

«Если бы Екатеринодар держался, – говорит на совещании руководящего состава Добровольческой Армии Л. Г. Корнилов, – тогда не было бы других решений. Но теперь рисковать нельзя. Мы пойдем за Кубань и там в спокойной обстановке, в горных станицах и черкесских аулах, отдохнем, устроимся и выждем более благоприятных обстоятельств».

В ночь на 5 марта Добровольческая Армия скрытно двинулась на Усть-Лабинскую переправу. Отдых предполагался в станице Раздольной, однако с рассветом значительные силы красных под командованием бывшего подьесаула И. Л. Сорокина, занявшие после ухода арьергарда станицу Кореновскую, стали теснить Партизан А. П. Богаевского. Обоз обстреливался вражеской артиллерией, подошедший бронепоезд осыпал белых шрапнелью... Однако Партизанский полк сумел ворваться на станцию и в станицу, сбил красных с их позиций, овладел мостом и перешел реку Кубань. Так с боями были пройдены еще 40 верст пути до станицы Некрасовской, которую большевики оставили без боя.

Тем временем значительные силы красных сосредоточились в Майкопе. Генерал Корнилов предпринял обманный маневр, дабы ввести противника в заблуждение. Перейдя реку Белую, Добровольческая Армия круто повернула на запад. По мнению Лавра Георгиевича, этот маневр позволял снизить активность врага, выводил Армию к черкесским аулам, создавал возможность соединиться с отошедшим на Горячий Ключ «Кубанским Правительственным Отрядом». Но и в дальнейшем Добровольческая Армия продолжала встречать ожесточенное сопротивление и нести страшные потери в кровопролитных боях. Один из таких крупных боев произошел 10 марта во время переправы через реку Белую. На непрерывный артиллерийский огонь красных белые отвечали редкими выстрелами – экономили боеприпасы. К вечеру установилось шаткое равновесие, которое чутко уловил Корнилов, использовав этот момент для решительного наступления. По его приказу главные силы Добровольческой Армии перешли в контратаку на западном направлении, оттеснив красных. Добровольцы вышли из окружения и через трое суток были уже в ауле Шенджий, где встали на постой. А буквально на следующий день в сопровождении конвоя из кубанских казаков и кавказских всадников в аул прибыл командующий войсками Кубанского края генерал Покровский, отряд которого представлял значительную силу.

Командующим предстояло решить один главный вопрос – об объединении сил для совместных действий. Генерал Л. Г. Корнилов предложил кубанцам влиться в состав Добровольческой Армии, В. Л. Покровский же высказался за сохранение самостоятельности своего отряда, поскольку согласно «конституции» края кубанские власти хотели иметь свою армию. Он соглашался войти лишь в оперативное подчинение Корнилову. Как бы то ни было, медлить далее было нельзя, а потому 15 марта обозы кубанцев и Добровольцев были объединены в станице Калужской под небольшим прикрытием, основные же силы белых должны были в тот же день совместными усилиями захватить станицу Ново-Дмитриевскую, занятую крупной группировкой большевиков.

Путь к Ново-Дмитриевской оказался крайне тяжелым. Всю ночь лил дождь, к полудню пошел снег, подул северный ветер. На подходе к станице авангард был обстрелян боевым охранением красных. Поднявшаяся вода унесла мост. Едва нашли узкий брод глубиной в метр и под непрерывным огнем противника начали переправу. К вечеру опять подморозило, и люди и лошади стали покрываться ледяной коркой... Станица была взята, а славный

переход и увенчавший его бой были впоследствии названы «Ледяным походом», и это имя перейдет на весь «анабазис» Добровольческой Армии.

Через день было собрано совещание с представителями Кубанского Правительства. Приехали Войсковой Атаман полковник А. П. Филимонов, председатель Кубанской Законодательной Рады Н. С. Рябовол, глава Правительства Л. Л. Быч. В длинных переговорах с кубанцами Л. Г. Корнилов пытался объяснять элементарные основы военной организации, те же ссылались на «конституцию суверенной Кубани», говорили о необходимости «автономной» армии как опоры Правительства. Но Лавр Георгиевич категорически отказался командовать разрозненными воинскими формированиями, а потому Правительство Кубани вынуждено было согласиться на объединение сил.

В результате Добровольческая Армия получила солидное пополнение, увеличившее ее численность до 6 000 бойцов. Проведя реорганизацию, генерал Л. Г. Корнилов разбил армию на три бригады. 1-ю бригаду возглавил генерал С. Л. Марков (Офицерский и 1-й Кубанский стрелковый полки, 1-я инженерная рота, 1-я и 4-я артиллерийские батареи). Во главе 2-й стал генерал А. П. Богаевский (Корниловский ударный и Партизанский полки, Пластунский батальон, 2-я, 3-я и 5-я батареи). Конную бригаду возглавил генерал И. Г. Эрдели (1-й Конный – из дивизионов Глазенапа и Гершельмана – и Кубанский конный полки, конная артиллерийская батарея). Эти силы, которым противостоит 60-тысячная екатеринодарская группировка красных с артиллерией и бронепоездами, и планирует бросить на штурм города генерал Корнилов. До его смерти остается немногим более десяти дней...

По замыслам Лавра Георгиевича, для обеспечения возможности переправы и пополнения боеприпасов за счет трофеев, необходимо было разбить отряды красных, расположенные южнее Екатеринодара. После этого внезапным ударом захватить станицу Елизаветинскую, где была паромная переправа и где белых менее всего могли ожидать. Затем перейти реку Кубань и атаковать Екатеринодар не позднее 28 марта.

Уже на подступах к городу, 30 марта генерал Корнилов созывает военный совет, на котором старается убедить соратников в необходимости решительного штурма Екатеринодара. На совете присутствовали генералы М. В. Алексеев, И. П. Романовский, С. Л. Марков, А. П. Богаевский, А. И. Деникин, полковник А. П. Филимонов. Добровольческая Армия к этому времени понесла серьезные потери. Катастрофический некомплект ее частей, недостаток боеприпасов, физическая утомленность людей ставили под угрозу реализацию корниловского плана. Боевой дух подрывали казаки, часть которых отказывалась воевать и возвращалась домой в станицы.

Тем не менее генерал Корнилов, надеясь на поддержку своих соратников, заявляет, что, несмотря на тяжелое положение Добровольческой Армии, не видит другого выхода из создавшегося положения, как на рассвете атаковать Екатеринодар. Сомнение выразил генерал М. В. Алексеев, предложив отложить штурм на сутки, чтобы произвести перегруппировку армии и дать войскам отдохнуть, а может быть, и дожидаться пополнения от станичников, на подход которого сохранялась надежда. Лавр Георгиевич соглашается, понимая, что это только отдалит решающий час и ослабит накаленную до предела обстановку. До гибели Верховного остается лишь несколько часов...

Штурм Екатеринодара был назначен на 31 марта. Красное командование, несмотря на десятикратное численное превосходство, начало эвакуацию. Добровольцы подошли к окраинам. Генерал Б. И. Казанович во главе части Партизанского полка дошел даже до центра города, но, никем не поддержанный, отошел, захватив обоз и боеприпасы. Конница генерала Эрдели не смогла войти с тыла в город, и результат боя у екатеринодарских садов оказался нерешительным, а станица Пашковская не выставила, вопреки данным ранее обещаниям, добровольцев-казачков. 30 марта в атаке был убит любимец Верховного, командир Корниловцев полковник М. О. Неженцов. Лавр Георгиевич был потрясен, угнетен и мрачен.

31 марта 1918 года... Это утро надолго останется в памяти у всех, кто находился тогда в рядах Добровольческой Армии. По воспоминаниям А. И. Деникина, «...генерал Корнилов был один в своей комнате, когда неприятельская граната пробила стену возле окна и ударилась об пол под столом, за которым он сидел: силой взрыва его подбросило, по-видимому, вверх и ударило о печку... Когда затем Казанович и Долинский (один из адъютантов Лавра Георгиевича. – Е. К.) вошли первыми в комнату, она была наполнена дымом, на полу лежал генерал Корнилов, покрытый обломками штукатурки и пылью. Он еще дышал... Кровь сочилась из небольшой ранки в виске и текла из пробитого правого бедра... Вначале смерть главнокомандующего хотели скрыть от армии до вечера. Напрасные старания: весть разнеслась словно по внушению... Скоро узнали все. Впечатление потрясающее. Люди плакали навзрыд, говорили между собой шепотом, как будто между ними незримо присутствовал властитель их дум. В нем, как в фокусе, сосредоточилось ведь все: идея борьбы, вера в победу, надежда на спасение. И когда его не стало, в сердца храбрых начали закрадываться страх и мучительное сомнение...»

Воспоминания Деникина, однако, неточны. Единственный свидетель гибели Верховного, его адъютант корнет Хаджиев, много лет спустя, уже в эмиграции, скрупулезно восстановил в памяти и опубликовал воспоминания о последних минутах жизни своего генерала. Нам они кажутся наиболее достоверным документальным свидетельством, а потому приводим их, исправляя ошибки генерала Деникина.

* * *

«31 марта 1918 года. В 6 часов утра Верховный вышел из дома, чтобы попрощаться с телом полковника Неженцева, привезенным ночью. Верховный и я прошли в рощу, где под молодой елкой на зеленой траве, покрытый полковым знаменем, лежал полковник Неженцев. Его длинное тело не все было покрыто знаменем, а только часть с головы до колен. Ноги его в мягких высоких сапогах, левый простреленный еще в боях под Корневской, оставались снаружи. У тела стоял часовой-Корниловец. Верховный, крупным шагом подойдя к Неженцеву, откинул угол знамени, закрывавший лицо, глянул на него и сказал: “Царство Небесное тебе, без страха и упрека честный патриот Митрофан Осипович”. Глаза Верховного в это время заблестели, впившись в лицо Неженцева. Лицо его было сперва бледное, а потом сразу приняло бронзовый цвет. После этого Верховный, круто повернувшись, приказал часовому: “Прикройте лицо”, и опять крупным шагом, опустив голову вниз и заложив обе руки назад, с суровым выражением лица направился в штаб.

В это время обстрел рощи участился. Снаряды беспрерывно рвались над ней. Линия их разрывов стала подходить к дому Верховного все ближе и ближе. Вот один из них, разорвавшись, убил трех казаков, чистивших пулемет у самого дома. Одного из казаков с раздробленной ногой Верховный приказал внести в домик, где рядом с комнатой Верховного находилась перевязочная комната, и приказал вызвать доктора, чтобы он помог раненому. “Ваше Высокопревосходительство, надо поторопиться с переводом штаба, так как большевики хорошо пристрелялись к роще. Вы видите их работу”, – указал я Верховному на умиравших в конвульсиях казаков. “А...” – произнес он и вошел в дом. Мне показалось, что он хотел отдать приказание о переводе штаба, но мгновенно забыл о нем. Войдя в свою комнату, опершись левым коленом на стул и схватившись руками за голову, он застыл над картой. Потом глубоко вздохнул. Вздох его был такой сильный и продолжительный, что мне казалось, воздуха Вселенной для него недостаточно.

Зайдя в свою комнату, я застал корнета Силаба Сердарова, текинца из конвоя, и генерала Деникина. Сердаров сидел на полу и ел откуда-то добытый белый хлеб, половину из которого он уступил мне. Разговорились мы по-текински полушепотом и старались не

мешать генералу Деникину, который в это время лежал на кровати на голых досках, положив под голову свою серую барашиковую шапку. Он хмуро и сосредоточенно глядел в потолок и о чем-то думал. “Ну что, хан, обстрел ослабевает?” – спросил он меня, не отрываясь от той точки потолка, куда он глядел. “Куда там, Ваше Превосходительство. У меня предчувствие, что сейчас снаряд ударит в наш дом”, – ответил я спокойно. “Тьфу, типун Вам на язык”, – проговорил он быстро и, вскочив с кровати, направился к выходу. “Вот спасибо тебе, хан, за услугу. Теперь я отдохну, а то вот четвертую ночь не сплю”, – сказал Сердаров, удобно устроившись на оставленной генералом Деникиным кровати.

Верховный не пошел на фронт, потому что ему доложили, что от Эрдели идет донесение, которое должно быть вручено ему каждую минуту. И на основании этого донесения он должен был дать распоряжения генералу Романовскому раньше, чем идти на фронт. Вот почему он находился в это злополучное утро у себя в комнате, а не пошел к войскам под Екатеринодар с самого раннего утра, как он имел привычку делать это с первого дня похода. Его задержали в этой несчастной комнате в этот день 3 обстоятельства – прощание с телом Неженцева, донесение от Эрдели и самое главное – Его Величество Время. Он должен был умереть именно в это утро, в указанное в его судьбе время. Кисмет!³

Я вошел к Верховному. Он, приподняв голову, взглянул на меня и сказал: “Хан, дорогой, дайте мне пожалуйста чаю. У меня что-то в горле сохнет”. Я пошел за чаем, которого, кстати, Верховный еще не пил с утра. Обождав, пока Фока вскипятит чай и взяв кружку чая, я пошел к Верховному. Он сидел за столом уже одетый в полушубок и папаху, собираясь, очевидно, после чая на позиции. Между ногами находилась его неизменная палка (в начале февраля неизвестный полковник Рымникского полка от имени нескольких офицеров и солдат полка поднес генералу Корнилову суковатую палку с вырезанными на ней словами: «29 апреля 1915 года. Орлиное гнездо». – Е. К.). На столе, на карте, лежала какая-то бумага, на которой он писал резолюцию. Левая рука его лежала на карте. Он сидел спиной к печке, приблизительно на пол-аршина от нее. Я видел его профиль. По мере движения правой руки, двигалась и левая, блестя кольцами на безымянном пальце, что приковало мое внимание. Держа в одной руке кружку чая, а в другой кусок белого хлеба, данный мне Силаб Сердаровым, я собирался перешагнуть порог, как вдруг ударил тот снаряд, о котором мое предчувствие полчаса тому назад меня предупредило. Раздался сильный шум и треск. Верховного швырнуло в сидячем положении к печке, и он, очевидно, ударившись о нее головой, рухнулся на пол. На него обрушился потолок.

Я пришел в себя перед дверью команды связи, которая находилась напротив комнаты Верховного. Открыв глаза, я увидел бегущих и прыгающих через меня людей. Это были чины из комнаты команды связи, первые бросившиеся в комнату Верховного. Вспомнив только что произошедшее, я вскочил и бросился в комнату Верховного, которая была наполнена газом и черным едким дымом, смешанным с пылью, что не давало мне возможности различать лица находившихся там в это время. Но все же я хорошо запомнил полковника Ратманова, Силаба Сердарова и одного поручика из команды связи, которые помогли мне вытащить Верховного за ноги из-под обломков. Когда уже Верховный был поднят и был в наших руках, тогда вбежал в комнату генерал Романовский и, увидя меня, удивленно спросил: “Вы живы, хан?” Очевидно, ему успели сообщить о моей смерти. За Романовским подошел генерал Казанович. Они помогли вынести Верховного перед входом в штабное помещение. По моим часам было ровно 8 часов, когда мы с телом Верховного спускались по наружным ступенькам дома, направляясь по указанию генерала Романовского на берег Кубани, отстоящей на 200–300 шагов от дома. Когда мы совсем спустились с крыльца, тогда начали собираться со всех сторон с рыданиями люди, в том числе с белой повязкой через плечо генерал

³ Кисмет (тюрк.) – судьба, рок, фатум. – Е. К.

Казанович⁴, у которого рука была раздроблена пулей под Екатеринодаром и который все же оставался в строю. По мере того, как мы двигались по направлению к Кубани, рыдающая толпа увеличивалась. Когда мы несли Верховного в наших руках, то он бессознательно открывал и закрывал свои глаза и сильно хрипел. Все лицо и одежда были покрыты извещью, а из левой руки сочилась кровь. Наконец, мы дошли до обрыва, где сидел генерал Деникин. Мы, 4 человека, осторожно положили Верховного на землю. Голова его находилась на моем колене, потому что я держал его плечи. Никаких носилок не было. Раньше, чем прибыл доктор Марковского (Офицерского. – Е. К.) полка, Верховный открыл на мгновение глаза и тотчас закрыл, издал тяжелый вздох, захрипел и скончался. Было 8 часов 15 минут. Доктор открыл левый глаз Верховного и ответил генералу Деникину, задавшему вопрос: “Есть ли надежда, доктор?” – отрицательно покачивая головой.

Вот это мое точное описание как очевидца последних минут жизни Великого Бояра. Не прошло и минуты после осмотра доктора, как корнет Сердаров, Мистулов, полковник Григорьев, Ратманов и я понесли тело Верховного на руках до первой попавшейся линейки. Устроив его на соломе и покрыв его же пробитой снарядам буркой, я отправился в комнату Верховного. Отыскав среди мусора его кожаный бумажник, карту с пятнами крови и отобрав у людей кое-какие вещи Верховного, я возвратился к моим людям конвоя, которые запрягали лошадей в линейку и ждали меня. Пока я вручал генералу Романовскому окровавленную карту Верховного, приказал привести Булана (конь Корнилова. – Е. К.) и принял кое-какие меры. Было уже 9 часов утра, а в 9.30 печальное шествие вышло на дорогу. Погода была ясная и солнечная, и весь конвой от фермы до Елизаветинской станции шел пешком. За линейкой Дронов, конюх Верховного, вел мрачного Булана, который, как бы почуяв потерю своего великого седока, опустив голову вниз, шагал печально и медленно. Каждый из встреченных офицеров или солдат, увидя Булана, не спрашивая у нас ни слова, подходил к линейке и рыдал. На полпути к Елизаветинской мы встретили генерала Алексеева, по вызову генерала Деникина ехавшего на ферму. Он, поравнявшись с нами, слез с лошади и, подойдя к линейке, приоткрыл лицо Верховного, снял шапку, перекрестился, поклонился телу и, обратившись к находящемуся здесь же полковнику Григорьеву, тихим голосом приказал: “Возьмите на себя, полковник, заботу о теле”».

* * *

По армии был оглашен приказ генерала Алексеева:

«Неприятельским снарядам, попавшим в штаб армии, в 7 ч[асов] 30 м[инут] 31 сего марта убит генерал Корнилов.

Пал смертью храбрых человек, любивший Россию больше себя и не могший перенести ее позора.

Все дела покойного свидетельствуют, с какой непоколебимой настойчивостью, энергией и верой в успех дела отдался он на служение Родине.

Бегство из неприятельского плена, августовское выступление, Быхов и выход из него, вступление в ряды Добровольческой армии и славное командование ею – известны всем нам.

Велика потеря наша, но пусть не смутят тревогой наши сердца и пусть не ослабнет воля к дальнейшей борьбе. Каждому продолжать исполнение своего долга, памятуя, что все мы несем свою лепту на алтарь Отечества.

Вечная память Лавру Георгиевичу Корнилову – нашему незабвенному вождю и лучшему гражданину Родины. Мир праху его!»

⁴ Так в первоисточнике. По изложению Хаджиева получается, что генерал Казанович как бы два раза подходит к телу Корнилова. – Е. К.

Чтобы «оживить» образ Л. Г. Корнилова, вновь дадим слово его адъютанту, корнету Резак Бек Хаджиеву, чьи воспоминания в виде ответов на вопросы о своем командире увидели свет уже в эмиграции, много лет спустя после смерти Корнилова. Они дополняют портрет генерала, делая образ Верховного более близким и человечным. Таким он остался в памяти своих боевых соратников и подчиненных.

«Звание Верховный закрепилось за ним по моему настоянию, несмотря на то, что многие просили меня не называть генерала Корнилова Верховным после сдачи им главнокомандования генералу Алексееву... Текинцы звали его “Сердар” – Глава. С тех пор и доныне генерал Корнилов остается для нас “Верховным”. С той минуты, как он сдал свой пост Алексееву, сочувствующие его идее полковники и генералы в Ставке величали его “Ваше Превосходительство”, а ниже полковника – “Ваше Высокопревосходительство”. Один только генерал Деникин называл его по имени и отчеству. Чины Корниловского и Офицерского полков за глаза называли его “Батяка”...»

«9 февраля 1918 года Верховный вышел в поход в кителе с генеральскими погонами, на нем были брюки темносинего цвета с красными широкими лампасами, на ногах – высокие сапоги без шпор. Носил он солдатскую шинель, переделанную в полушубок, с генеральскими погонами на плечах, на голове – простую солдатскую папаху с белой повязкой, как простой доброволец. Никаких орденов или других украшений он не носил, за исключением венчального кольца и другого – с китайскими иероглифами на нем. Это кольцо служило как бы печатью, которую он накладывал на конверты в весьма экстренных случаях или если письмо было секретно и исходило от него. Большой шейный крест 3-й степени на георгиевской ленте, офицерский Георгиевский крест 4-й степени, орден Почетного легиона – офицерский, украшенный лавровыми листьями, на темнозеленой с красными полосками ленточке⁵, – в Быхове все эти награды он снял и упаковал в маленький кожаный бумажник, в котором кроме этих орденов он носил еще некоторые документы, личные записки, список имен разных лиц, фото семьи, количество оставшихся снарядов и т. п...»

«Однажды в 1-м Кубанском походе генерал Корнилов услышал песню Корниловского полка и попросил, чтобы ему записали слова. Листок с этой песней, пробитый осколком, нашли в кармане на груди погибшего генерала. Это так поразило Корниловцев, что с той поры песня Кривошеева стала официальным маршем Корниловцев...»

(Слова «Гимна Корниловцев»:

*Пусть вокруг одно глумленье,
Клевета и гнет, —
Нас, Корниловцев, презренье
Черни не убьет.*

*Припев:
Вперед, на бой,
Вперед, на бой,
На бой, открытый бой.*

*Мы былого не жалеем,
Царь нам — не кумир⁶, —*

⁵ Это явная ошибка: французский орден Почетного Легиона носится на ленте красного цвета; зелено-красная ленточка – у французского Военного Креста. – Е. К.

⁶ В таком виде текст песни был опубликован ее автором, капитаном А. П. Кривошеевым, в сборнике своих

*Мы одну мечту лелеем:
Дать России мир.*

*Верим мы: близка развязка
С чарами врага,
Упадет с очей повязка
У России, да!*

*Русь поймет, кто ей изменник,
В чем ее недуг,
И что в Быхове не пленник
Был, а – верный друг.*

*За Россию и свободу
Если в бой зовут,
То Корниловцы и в воду,
И в огонь идут.)*

«Вместо полагавшегося ему жалонерного значка Главнокомандующего генерал Корнилов приказал сшить обычный трехцветный флаг. Во всех боях флаг этот неизменно оставался возле него воткнутым в землю, иногда его держал в руках находившийся рядом текинец. Как только генерал Корнилов занимал позицию на передовой линии со своим штабом и наблюдательным пунктом, красные начинали бешено палить по флагу. Флаг гордо, красиво и высоко развевался над головой Пророка, а его верующие ученики с гордостью шли на смерть за флаг и вождя...»

«При себе генерал Корнилов носил заряженный маленький маузер, но никогда не стрелял. Всегда его пистолет, часы черного цвета без верхней крышки марки “Павел Бурэ”, коробка спичек, свеча, записная книжка и карандаш лежали на стуле около его головы, когда он ложился спать, а днем на столе, за которым он сидел...»

«Генерал Корнилов не курил, любил в походе выпить только одну рюмку водки перед обедом, но не всегда имел такое удовольствие. Кушал медленно и был нетребователен к еде...»

«У генерала Корнилова была особая бурка, которую в день соединения Добровольческой армии с Кубанским отрядом в ауле Шенджий мне поднес ротмистр Султан Гирей, а я – Верховному. Этой буркой он укрывался, как одеялом. Иногда клал на солому как тюфяк. В день его смерти бурка лежала на кровати, и часть ее свисала до пола. Граната, пробившая стену, прошла через бурку, чтобы убить Верховного...»

«После смерти генерала Корнилова, когда тело его обмыли от сочившейся из ран крови, пришел батюшка и отслужил панихиду. Весть о смерти генерала Корнилова мгновенно разнеслась по станице, и раненые, кто только мог, приходили поклониться телу любимого Вождя. Офицеры рыдали. Его бурка, брюки, полушубок и папах, оставленные для просушки, были разрезаны пришедшими на кусочки и разобраны на память...»

«Все его личные вещи, бумажник, окровавленные кольца и маленький золотой крестик на тоненькой цепочке я вручил Наталье Лавровне (дочери генерала. – Е. К.) в Новочеркаске...»

стихотворений, вышедшем в Ростове-на-Дону в 1919 году. Позднее появился вариант: «Русь могучую жалею, Нам она кумир...» – Е. К.

Дабы скрыть могилы генерала Л. Г. Корнилова и погибшего ранее полковника М. О. Неженцова, захоронение проводилось ночью на пустыре за немецкой колонией в 50 верстах от Екатеринодара. Не было оставлено ни могильных холмиков, ни крестов. Точное место знали лишь три человека. Однако утром занявшие колонию большевики сумели найти могилу Корнилова, надругались над его останками, отвезли их в Екатеринодар, а затем сожгли. Пепел был развеян за городом...

Так закончил свой жизненный путь Георгиевский кавалер, генерал-от-инфантерии Лавр Георгиевич Корнилов, который остался верен своим идеалам, по праву став одним из основателей Белого движения, навсегда вошедшего в историю России. «Великое значение Белой идеи, которая по существу своему является христианской, не оценено еще до сих пор, – писал в 1949 году Митрополит Русской Православной Церкви Заграницей Анастасий. – Но придет время, и Россия воздаст должную дань ее благородным рыцарям. Я часто говорю, что наше поколение было бы безответственным перед судом Истории, если бы оно не породило героев Белого движения, которое будет нашим оправданием перед лицом будущей свободной России».

Е. А. Комаровский

Генерал-от-инфантерии М. В. Алексеев

Про генерала Алексеева рассказывали такой анекдот:

«В Академии, где-то на примерном учении, эскадронный командир предложил профессору Алексееву лошадь. Профессор поблагодарил:

– Спасибо, мне нужно поскорее, а потому уж я пешком...»

«Так и карьеру, и путь к бессмертию в истории Михаил Васильевич Алексеев прошел пешком», – писал по этому поводу белогвардейский публицист Виктор Севский (В. А. Краснушкин). – «Не блистал, не блестел, так и в истории – в тужурке защитного цвета». И действительно, при взгляде на пройденный Алексеевым путь, от «нижнего чина» до «полного генерала», прежде всего бросается в глаза, что достигал он всего упорным, настойчивым, будничным... и слишком часто незаметным со стороны, кропотливым трудом. Но именно его, скромного до застенчивости и совсем не «картинного», призовет самое героическое время, обычно вызывающее на авансцену истории как раз «блестящих и блистающих»; и так же скромно и незаметно, в разоренной и охваченной смутой России старый генерал будет свершать, как он сам говорил, свое «последнее дело на земле» – создание Добровольческой Армии.

* * *

Биография М. В. Алексеева заслуживает самостоятельного и подробного исследования, и не случайно жизнеописание генерала, составленное в эмиграции его дочерью Верой Михайловной Алексеевой-Борель и увидевшее свет лишь в наши дни в России, превышает 45 печатных листов. Но и беглого взгляда, краткого очерка, достаточно, чтобы и на ранних ступенях служебной лестницы разглядеть в нем те черты, которые ярко проявятся в 1915–1918 годах, когда генерал выдвинется на высшие посты в Российской Императорской, а затем – Белой Армии.

Родился Михаил Васильевич 3 ноября 1857 года в небогатой семье армейского штабс-капитана, выслужившегося из сверхсрочных унтер-офицеров. Свою военную службу он начинает в ноябре 1873 года, не завершив обучения в Тверской классической гимназии и зачислившись вольноопределяющимся во 2-й гренадерский Ростовский полк, а оттуда поступив в Московское пехотное юнкерское училище. Успешно окончив его, Алексеев был

выпущен подпрапорщиком в 64-й пехотный Казанский полк, где в свое время служил его отец. В рядах полка Михаил, уже будучи произведенным в прапорщики, получает боевое крещение на Русско-Турецкой войне 1877–1878 годов. Там он получает и первые боевые ордена, и легкое ранение (о котором прапорщик, впрочем, никому не сказал, считая его царапиной), а по возвращении из похода более десяти лет тянет лямку строевого офицера в провинциальном гарнизоне, последние два года командуя ротой; одним этим фактом наглядно опровергаются раздававшиеся впоследствии упреки в адрес Алексеева как «штабного» или даже «канцелярского» генерала, «никогда ничем не командовавшего»: лучше всех знал солдата, ближе всех общался с ним и нес за его подготовку и бытовую устроенность наибольшую ответственность как раз командир роты.

Не имевший семьи 29-летний Алексей (к моменту командования ротой он уже штабс-капитан) не только служебное, но и свободное время отдает своим подчиненным, наряду с боевой учебой организуя и общеобразовательные беседы, значительно расширявшие кругозор солдат; внимателен и заботлив он и к младшим офицерам, один из которых много позже будет вспоминать об «отеческом» отношении Михаила Васильевича. Однако не следует и идеализировать характер Алексеева. Тот же сослуживец писал, что подчас он, когда солдаты бывали невнимательны «и ученье шло не так, как надо», – «выйдя из себя, кричал, топал ногами, дисциплинарные взыскания сыпал одно за другим, и всем казалось, что наступит что-то невероятное; голос звучал громче, визгливее, и тогда рота понимала, что ротный извелся, и напрягала все свое внимание и старание, и учение понемногу становилось лучше и лучше» (штабс-капитан, впрочем, отличался и отходчивостью). Но это единственное в своем роде свидетельство настолько не вяжется со всеми другими воспоминаниями о Михаиле Васильевиче, что тем самым уже приоткрывает, какую силу воли должен был он впоследствии проявлять, обуздывая свой темперамент, в самых тяжелых ситуациях сохраняя спокойствие и хладнокровие и, за редчайшими исключениями, позволяя себе резкие вспышки эмоций только в частной переписке.

Помимо своих служебных обязанностей Алексей уделяет внимание и подготовке к поступлению в Академию Генерального Штаба. Из ее стен он вынесет вскоре убеждение, что «область... нашей науки “стратегии” не поддается каким-либо положительным правилам... Могут быть принципы, но и с теми не все согласны...», явственно противоречащее мнению о нем как о кабинетном схоласте. Окончание в 1890 году Академии по первому разряду и причисление к Генеральному Штабу позволили Алексееву, в надеждах на дальнейшее продвижение по службе, подумать и об устройстве личной жизни: он женится на Анне Николаевне Пироцкой, дочери его старшего сослуживца, до конца жизни остававшейся верной и любимой спутницей Михаила Васильевича. Но устройство своего дома и стесненность в средствах для обеспечения семьи (в 1891–1899 годах родилось трое детей) потребовали от Михаила Васильевича еще более напряженной работы – в частности, совмещения службы в Штабе I-го армейского корпуса с преподаванием в двух военных училищах.

Серьезным работником показал себя Михаил Васильевич и в Академии Генерального Штаба, где с 1898 года состоял профессором (этому предшествовали пять лет службы в канцелярии Военно-ученого комитета Главного Штаба). Его курс истории русского военного искусства нельзя отнести к числу удачных, но основательностью он бесспорно отличался, и заслуги Алексеева были оценены его коллегами: в 1904 году он становится заслуженным профессором Академии, а три с половиной года спустя избирается почетным членом ее Конференции (высшего органа, своего рода «ученого совета»).

Но перед этим была еще Русско-Японская война. С 1900 года профессор Алексей совмещает преподавание со службой в Главном Штабе, а с середины 1904-го даже оставляет ради нее Академию. В это время он уже генерал-майор, а к трем боевым наградам прибавляются четыре ордена мирного времени. Не желая оставаться в Петербурге, Михаил Васи-

льевич добивается назначения в Действующую Армию и в начале ноября 1904 года отправляется в Штаб III-й Маньчжурской Армии на должность генерал-квартирмейстера.

Звучащие в письмах Михаила Васильевича тех месяцев рассуждения о свойствах истинного военачальника очень важны для понимания его личности. «Полководцу нужны: талант, счастье, решимость, – пишет он. – Не говорю про знание, без которого нельзя браться за дело... На войне нужно дерзать и нельзя все рассчитывать». Как это непохоже на «столонячка», каким обычно представляют Алексеева! В отличие от своих младших соратников по Белому движению – Корнилова, Деникина, Маркова, – он действительно не был человеком порыва, ему не были присущи лихость, отчаянность, азарт, – однако у Михаила Васильевича не отнять и понимания необходимости дерзать, учета морального фактора, вкуса к военному творчеству. Покажет он себя и подлинно боевым генералом, получив за Мукденское сражение Золотое Оружие. Но ценнее любых орденов должен был стать тот боевой опыт, который Алексеев приобрел в условиях современной войны, уже предвосхищавших многое из того, с чем вскоре придется столкнуться на Первой мировой.

* * *

По возвращении в Петербург генерал-майор Алексеев получает назначение на должность обер-квартирмейстера Главного управления Генерального Штаба, где и служит в течение двух лет. В конце августа 1908 года он назначается начальником Штаба Киевского военного округа (а вскоре и производится в генерал-лейтенанты), но уезжает к новому месту службы, должно быть, не с легким сердцем: «военный ренессанс», когда на основании опыта прошедшей войны пересматривались многие положения боевой подготовки, тактики и оперативного искусства, активным участником чего был Алексеев, проходил в отнюдь не простой обстановке. Борьба новаторских и консервативных тенденций внутри самого военного ведомства осложнялась настойчивыми попытками вмешательства в армейские и флотские дела «общественных деятелей», пытавшихся, противопоставляя себя чиновной бюрократии, играть роль единственных «радетелей о России и русском народе». Напущенный в те годы туман не рассеялся и по сей день, лучшим примером чего могут служить непрекращающиеся обвинения генерала Алексеева в принадлежности к масонству.

Само по себе членство в тайном обществе, тем более – категорически осуждаемом Православной Церковью, действительно было не просто предосудительным, но прямо недопустимым для офицера Российской Императорской Армии; беда лишь в том, что никто из громогласных обвинителей за многие десятилетия не только не привел никаких доказательств, но даже не определил, о чем же, собственно, идет речь. В одну кучу валятся иронически прозванный «младотурками» кружок молодых генштабистов (к которому Алексеев заведомо не относился); армейские деятели, склонные к сотрудничеству с лево-либеральной «общественностью» и Думой (яркий представитель этих кругов – помощник военного министра генерал А. А. Поливанов, которого Михаил Васильевич в письмах называл «дельцом интриги» и никак не мог быть его сотрудником и единомышленником); некая мифическая «Военная Ложа», ни состава, ни характера реальной деятельности которой, однако, не способен аргументированно осветить никто из козыряющих этим страшным термином... Поэтому оставим бездоказательные, если не вообще недоказуемые измышления (равно как и утверждения о якобы исповедуемых Анной Николаевной Алексеевой «левых взглядах») и в дальнейшем будем делать выводы о воззрениях генерала лишь на основании конкретных его поступков.

Четырехлетняя служба в Киевском военном округе дала Алексееву хорошую подготовку к будущей войне, начинать которую ему доведется именно на этом театре; даже критически относящийся к нему историк вынужден признать его «мозгом и душой всей рус-

ской стратегии», в алексеевском варианте проникнутой решительностью и наступательным духом. Наступательные операции первых дней мировой войны, однако, далеко не всегда будут успешными – достаточно вспомнить катастрофу II-й армии генерала А. В. Самсонова в Восточной Пруссии, где, в частности, погиб в окружении XIII-й армейский корпус, которым два предвоенных года командовал генерал-лейтенант Алексеев («Как больно за мой 13-й корпус...» – обронит он в разговоре с сыном Николаем, также ставшим к тому времени офицером).

А сам Алексеев находился в это время далеко от своих недавних сослуживцев – на Юго-Западном фронте, в соответствии с мобилизационным планом приняв пост начальника Штаба Главнокомандующего армиями фронта генерала Н. И. Иванова. Здесь им предстояло в первые месяцы войны разыграть крупную операцию, в определенной мере компенсировавшую моральный удар, нанесенный России в Восточной Пруссии, и вошедшую в историю под именем Галицийской битвы.

* * *

Позднее укрепилось мнение, будто Императорско-Королевская Австро-Венгерская Армия не являлась серьезным врагом и вообще не была ни на что способна без мощной поддержки своего германского союзника. Следует, однако, считать такую точку зрения весьма далекой от истины, по крайней мере в первый период войны, когда австрийцы развили опасное наступление. Переломить ход событий, создавая австрийской армии репутацию «вечно битой», предстояло русским войскам Юго-Западного фронта.

И задача эта была достигнута. Пять русских армий в кровопролитных боях вырвали у противника стратегическую инициативу и погнали его, перейдя границу и заняв Львов. Уже в этот первый период войны заставили говорить о себе – сначала в Армии, а затем и в более широких кругах русского общества – многие из тех генералов, которые вскоре окажутся на видных ролях в Белом движении: А. М. Каледин, Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин... Впрочем, тогда же выдвигается на первый план и генерал, чьи заслуги представляются несправедливо преувеличенными, – Н. В. Рузский.

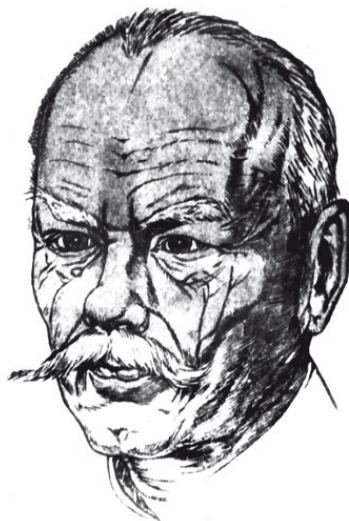
Погнавшийся за дешевыми лаврами «покорителя Львова» и во главе своей III-й армии слишком долго не выполнявший распоряжений командования фронтом, Рузский за эту кампанию был награжден сразу IV-й и III-й степенями ордена Святого Георгия и назначен Главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта (генерал Иванов, заслуживший IV-ю степень на Японской войне, был удостоен Георгия III-й степени, а Алексеев – IV-й; вскоре Михаил Васильевич был произведен в генералы-от-инфантерии). В связи с действиями III-й армии Алексею иногда ставилось в вину неумение «власть употребить», разговаривать с подчиненными категорическим тоном и приводить их к повиновению, – но критиками забывается, что при живом командующем его начальник штаба и не должен брать этого на себя. То, чего требовали от Алексеева, следовало требовать от генерала Иванова, а само переадресование претензий говорит, пожалуй, о ложном положении Михаила Васильевича, на которого неизменно перекладывали моральную ответственность за действия тех, кто по своему служебному положению не только мог, но и обязан был принимать волевые решения. Казалось, правда, что следующее назначение даст такую возможность и ему самому...

13 марта 1915 года генерал Алексеев был назначен Главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта на место Рузского. «С молитвою к Богу и с верою в Его Святую волю вступлю [в] исполнение той высокой обязанности, которую Ваше Императорское Высочество соизволили возложить на меня. Все силы воли [и] ума приложу, чтобы оказаться достойным Вашего доверия, высокой милости, быть действительно полезным Великому Государю и родине», – телеграфировал Алексеев Верховному Главнокомандующему,

Великому Князю Николаю Николаевичу, и в его устах это не было пустыми «придворными» фразами.

Михаилу Васильевичу досталось далеко не лучшее наследство. «Позади – ряд неудач; подорванный дух войск, большой некомплект, – писал он сыну. – ...Ты поймешь, конечно, мое состояние ввиду той громадной ответственности, которая ложится теперь исключительно на одного меня». С ответственностью, правда, приходила и бóльшая свобода решений, однако грозные события вскоре лишат Алексеева этой свободы в самом важном стратегическом вопросе, оставляя ему лишь полноту ответственности.

19 апреля Юго-Западный фронт был потрясен прорывом у местечка Горлицы. «Шесть месяцев трудов, усилий, жертв пошли насмарку», – волнуется, пытаясь из своего штаба разглядеть причины разыгравшейся в Галиции трагедии, генерал Алексеев, в частных письмах уже называющий противника не иначе как «эти мерзавцы». Кровавопролитные бои привели к потере всех галицийских территориальных приобретений первого года войны и вывели немцев во фланг войскам Северо-Западного фронта. Привислинские губернии (Царство Польское) образовывали теперь стратегический выступ, «срезать» который мощным наступлением с юга – из Галиции и с севера – из Восточной Пруссии намеревалось германское командование, приступившее к реализации этого плана в июне.

М. В. Алексеев – начальник штаба Юго-Западного фронта. 1915

В создавшейся ситуации, все более осложнявшейся в течение июля – августа, генерал Алексеев принимает единственно верное стратегическое решение – отводить вверенные ему армии, не считаясь с оставлением значительных территорий и имея главной целью сохранение живой силы, необходимой для продолжения войны. Но свобода его мысли и решений вновь оказывалась стесненной, ибо оставлялась не просто территория, а все Царство Польское, что было вопросом политическим и выходило за пределы, в которых Главнокомандующий армиями фронта смеет действовать самостоятельно. А Ставка Верховного Главнокомандующего колебалась и лишь к началу августа санкционировала отход, названный позднее «Великим Отступлением».

И все же даже в эти тяжелые дни Алексеев сохранял веру в русского солдата, русского офицера, – в Русскую Армию. Но в это же время в глубоком тылу царили совсем другие настроения, последствия которых отразились в ближайшие недели и на судьбе Михаила Васильевича.

* * *

Паника обычно рождается в тылу быстрее, чем на фронте, и Великая война не была исключением из этого правила: в общественно-политических кругах царили растерянность и страх, приобретающие уже истерический характер. Справедливость требует признать, что «избранникам народа» (самим присвоившим себе этот титул, группировавшимся в основном вокруг Государственной Думы и либеральной прессы) ничуть не уступали в этих настроениях избранники Царя – действовавший кабинет министров. Охваченные паническим настроением государственные мужи огульно винили во всем происходящем Ставку Верховного, поднимая вопрос о созыве «чрезвычайного военного совета» под Высочайшим председательством. Однако когда Император Николай Александрович 6 августа заявил о намерении лично возглавить Действующую Армию, последовала буря протестов со стороны людей, своей предыдущей деятельностью фактически наталкивавших Императора на такую мысль. Теперь же министры были искренне напуганы нарисованной ими самими картиной, страшаясь, что продолжение неудач на фронте роковым образом скажется на отношении народа к «несчастливому» Царю, и рекомендовали возложить обязанности Верховного Главнокомандующего на «козла отпущения за ошибки прошлого», которым мог стать генерал, избранный на должность начальника Штаба Верховного. Уже известно было со слов самого Государя, что генералом этим будет Михаил Васильевич Алексеев.

Алексеев узнал о предстоящем назначении лишь вечером 11 августа. На размышления о выборе сотрудников ему оставалось меньше трех суток (Государь собирался вступить в командование 14-го), а в это время готовилось еще и запланированное заранее разделение Северо-Западного фронта на два. Таким образом, реорганизации подвергались сразу несколько штабов, и столь крупные изменения не могли не показаться рискованными человеку, стоявшему близко к войскам, нуждам и заботам продолжавшего Великое Отступление фронта.

Михаил Васильевич должен был находиться в это время отнюдь не в лучшем состоянии духа: тяжелые события подавляли и его, и незадолго до получения известий о неожиданном назначении он писал начальнику Штаба Верховного (чье место ему теперь предстояло занять): **«Придя [к] глубокому убеждению, что командование мое приносит армиям неудачи, родине [–] горе, прошу представить Верховному Главнокомандующему мою всепреданнейшую просьбу отчислить меня от занимаемой должности и уволить [в] отставку»**⁷. Казалось бы, новые известия, особенно перспектива одновременных многочисленных реорганизаций, должны были бы окончательно добить его, однако этого не произошло. Овладев собою, он просит лишь об отсрочке вступления Императора в должность Верховного Главнокомандующего.

«Переживаемый кризис не окончится к 14 августа, – настаивает Алексеев, – и к этому числу не определится даже в окончательной форме его разрешение.

Вывести армии из этого положения, по моему убеждению, обязаны те начальники, которые ныне так или иначе ведут дело и являются всецело ответственными перед Государем и Россией за обстановку данной минуты. Переменить начальников до окончания операции и трудно, и опасно...

Высшие интересы требуют, чтобы Его Императорское Величество соизволил вступить в верховное командование войсками только тогда, когда будет пережит настоящий кризис, когда армии, хотя ослабленные, будут поставлены в более благоприятное положение.

⁷ Все подчеркивания – М. В. Алексеева. – А. К.

В этот промежуток времени состоится разделение на Северный и Западный фронты (ночь с 17 на 18 августа), и вступление в исполнение своих обязанностей моего заместителя произойдет для него при более легких и менее ответственных условиях».

Первая просимая отсрочка была Алексееву дана: в сжатые, но не настолько, как предполагалось первоначально, сроки он сумел подготовить необходимые перестановки, и через неделю, 18 августа 1915 года, был издан Высочайший приказ о его назначении начальником Штаба Верховного. Однако недолгий срок отделил эту дату и от кардинальной, самой важной для России перемены, – и 23 августа страна услышала голос нового Верховного Главнокомандующего:

«Сего числа Я принял на Себя предводительство всеми сухопутными и морскими силами, находящимися на театре военных действий.

С твердой верой в помощь Божью и с непоколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты Родины до конца и не посрамим земли Русской.

Николай»

Как видим, с первым (и менее принципиальным) ходатайством Алексеева Государь согласился; со вторым же – дать действующим начальникам самим вывести армию из переживаемого кризиса – нет.

* * *

Это было связано с высоким осознанием Государем Своей миссии Помазанника Божьего, несущего единоличную ответственность перед Всевышним за возглавляемое государство, а в случае войны – в первую очередь за армию. Именно в годину тяжелейших испытаний, перед лицом страдающих войск, колеблющегося общества, обеспокоенных союзников, Русский Царь явственно демонстрировал Свое единство с народом, готовность разделить с ним его крестный путь и в полной мере принять на Себя все, что будет ниспослано России свыше. Глубоко религиозный человек, Император Николай II исповедовал взгляд о сакральном характере Православного самодержавия, и решение о вступлении в Верховное Главнокомандование тоже было для него по сути своей актом религиозным.

Бог благословил этот шаг: к осени Великое Отступление было остановлено (сказались и предшествовавшие труды генерала Алексева). Дух армии и народа не был еще надломлен, и не был надломлен дух тех, кто возглавлял войска. Однако ошибкой было бы, как это нередко делалось в эмиграции и порою делается в наши дни, рисовать идиллическую картину управления вооруженной силой Российской Империи.

Большинство современников, сходясь в чрезвычайно лестной оценке личных качеств Михаила Васильевича, в то же время оставляют без внимания ненормальность ситуации, когда «фактически управлять» всем обречен человек, не наделенный правом решающего голоса и полнотою ответственности за предпринимаемые действия. Поэтому трудно согласиться с мнением А. И. Деникина, что, «когда говорят о русской стратегии в отечественную войну с августа 1915 года, надлежит помнить, что эта стратегия – исключительно личная Мих[аила] Вас[ильевича] Алексева. Он один несет историческую ответственность за ее направление, успехи и неудачи». Номинальный или фактический, пассивный или действующий, – историческую ответственность за стратегию воюющей державы несет ее Верховный Главнокомандующий, подлинная же роль на этом посту Императора Николая II еще ждет своего исследователя.

Расхожие обвинения Государя в равнодушии или весьма поверхностном интересе к нуждам армии и ходу боевых действий, в подверженности чужому влиянию или, напротив, в неразумном и немотивированном упрямстве, в недостатке военного образования и знаний – по существу слишком голословны и чересчур эмоционально окрашены, чтобы спокойно

принимать их на веру; с другой стороны, и почитатели Царя-Мученика не дают ответа на вопрос о Его личном вкладе в руководство войсками, обыкновенно сводя дело к искренней любви Государя к русским солдатам и офицерам или к внимательному отношению Его к представляемым докладам (кстати, именно здесь Он нашел полностью соответствовавшего Ему сотрудника в лице Алексеева, чьи доклады всегда отличались дотошностью, казавшейся многим чрезмерной; одна из причин этого заключалась в стремлении генерала не давать повода Государю подумать, будто от Него что-либо скрывают).

Впрочем, известны и случаи волевого вмешательства Вождя Армии, когда пошатнувшаяся воля Михаила Васильевича, изнемогавшего под грузом небывалой ответственности, находила поддержку в спокойной решимости Императора (хотя, заметим, конкретные решения не могли быть приняты Им иначе, как по докладу того же Алексеева). Несколько отвлекаясь от этой темы, рискнем предположить, что это было возможно лишь при условии глубокого духовного сродства Верховного и Его начальника Штаба – чутко ощущая набожность других, Государь должен был особенно доверять Своему ближайшему сотруднику, о котором очевидец писал: «Алексеев глубоко религиозен... Глубокая и простая вера утешает его в самые тяжелые минуты серьезного служения родине. Отсюда же у него неспособность всегда предвидеть чужую подлость; он готов в каждом видеть хорошее... Вообще, он укрепляет себя молитвой и молится истово, совершенно не замечая ничего окружающего; он всегда сожалеет, что вечерня такая коротенькая». Это свидетельство тем ценнее, что исходит оно от человека, по «прогрессивности» своего мышления скептически относящегося к религиозным чувствам генерала, который сказал ему как-то: «А я вот счастлив, что верю, и глубоко верю, в Бога и именно в Бога, а не в какую-то слепую и безличную судьбу».

Вернемся, однако, к вопросу об участии Императора в управлении войсками. Похоже, что сам Михаил Васильевич не был склонен переоценивать роли Государя и позже вспоминал: «Вести войну и принимать ответственные решения может только о д и н ч е л о в е к⁸. Дурно ли, хорошо ли, но это будет решение ясное, определенное, в зависимости от характера решающего». Но если так – то нам снова приходится признать, что вытягивавший тяжелейший воз подготовительной работы Алексеев был фактически лишен права на логическое ее завершение, а «исключительно личная» его стратегия, вопреки мнению Деникина, предстает странным сочетанием штабного творчества (здесь он, очевидно, был полностью свободен), принятия решений, обставляемых как рекомендации (и с неизбежной оглядкой на то, что всякий риск поставит под угрозу репутацию не генерала Алексеева, а Императора Всероссийского), и... крайней ограниченности в возможностях принудить подчиненных к точному выполнению этих решений. При этом жалобы Михаила Васильевича – «я... никогда не уверен, что даже командующие армиями исполняют мои приказания» – звучат уже отражением не его личного «безволия» или неспособности к жесткой требовательности, а того несчастного положения, в котором генерал неизменно оказывался на протяжении всей войны. Поэтому и наиболее распространенные упреки в том, что Ставка не сумела весной 1916 года поддержать успешное наступление Юго-Западного фронта активными действиями других фронтов, а летом и осенью – предотвратить многотысячные потери на Ковельском и Владимир-Волынском направлениях, – должны быть в значительной степени переадресованы: требовать от подчиненных повиновения, а в случае необходимости и «власть употребить» – повторим снова и снова – следовало в первую очередь не начальнику Штаба, а самому Верховному Главнокомандующему.

Чуткий и уязвимый Алексеев должен был глубоко переживать такое положение дел, однако внешне это не проявлялось, и окружающие видели только постоянно занятого, скромного и по большей части нахмуренного генерала – вечного труженика. Михаил Васильевич

⁸ Разрядка М. В. Алексева. – А. К.

был полностью захвачен многочисленными делами, в которых он, по мнению современника, не умел различать более и менее важных, с одинаковой скрупулезностью подходя и к тем, и к другим. «...Опыт указывал, – запишет он позже, – что сколько бы ни было “помощников”, они не облегчат [работы] начальника штаба, ибо и помощники, и начальник должны будут проделывать одну и ту же работу, если только все они хотят знать ход дела в армиях». Это убеждение на практике приводило к тому, что сотрудниками Алексеева могли быть только люди не творческого склада ума и души, канцеляристы, и недаром генерал-квартирмейстера Ставки, генерала М. С. Пустовойтенко, злые языки называли «Пустоместенко».

В Ставке Верховного Главнокомандующего.

Император Николай II, генералы М. С. Пустовойтенко и М. В. Алексеев (слева направо). Могилев, 12 февраля 1916

Еще более одиноким должен был чувствовать себя Алексеев среди светских, придворных офицеров, появившихся в Ставке с Императором. Еще в августе 1915 года Михаил Васильевич специально подчеркивал, что «придворным быть он не сумеет», и те же мысли звучат в его переписке тех дней: «Свое будущее я принимаю как тяжелое для себя, ибо как человек я совершенно не подготовлен к той обстановке, в которой мне придется работать, это меня тяготит, озабочивает, но над всем нашим царит Высшая воля». Пришлось ему столкнуться и с любопытством высокопоставленных бездельников, проявлявших неуместный интерес к оперативным вопросам, – но после решительного пресечения одной такой попытки со стороны генерала В. Н. Воейкова, дворцового коменданта и «Главнаблюдающего за физическим развитием народонаселения Российской Империи», Алексееву удалось укрепить свои позиции в этом отношении. «Михаил Васильевич чуть не прищемил мне сегодня носа», – жаловался Воейков, дверь перед которым была захлопнута со всей решительностью, – и стоит ли удивляться, что его воспоминания, написанные уже в эмиграции, проникнуты резкой и нескрываемой неприязнью к Алексееву?

«Не подхожу я, не подхожу!» – сокрушенно говорил Михаил Васильевич и после того, как Государь поздравил его с зачислением в Свиту, лично принеся в кабинет начальника Штаба генерал-адъютантский аксельбант и погоны с вензелями. Впрочем, и этого жеста признания высоких заслуг генерала пришлось ожидать около полугода с момента возглавления Императором Армии. Человек, быть может, наиболее близкий Николаю II по душевному

складу, Алексеев отнюдь не пользовался явными знаками Высочайшего внимания и расположения – этому мешали хмурая озабоченность одного и не-царственная застенчивость другого – и среди многолюдья Царской Ставки генерал оставался один.

По крайней мере, не приходится говорить о какой бы то ни было «алексеевской партии», и совсем уж пустыми домыслами выглядят рассуждения современника, будто «около Алексева есть несколько человек, которые исполняют *каждое*⁹ его приказание, включительно до ареста в могилевском дворце», – домыслами, расцветавшими на почве слухов о готовящемся «заговоре» и «дворцовом перевороте»...

* * *

Были ли эти слухи столь уж беспочвенными?

Затяжная война, которая далеко не всегда велась оптимальным образом, с ее невиданными прежде размерами – в Действующей Армии и чересчур раздутых тыловых частях насчитывалось до 12 миллионов человек, – накапливала усталость в народных массах, приводила к перенапряжению промышленности, волновала образованное общество (в первую очередь – политических деятелей) и возбуждала, особенно в последних, желание перемен. Народ мог сколько угодно ворчать, верить распускаемым сплетням или охотно сам создавать новые, – но в масштабах государственных он все еще безмолвствовал. Зато громче, чем нужно, выплескивали свою энергию в думских речах, газетных намеках и кулуарных обличениях те, в чьей среде и вправду уже вызревали заговоры.

Наиболее видным представителем этих кругов был член Государственного Совета А. И. Гучков. При этом сколько-нибудь ясной программы у него и его единомышленников, в сущности, не было – речь шла лишь о назначении министров по согласованию, а фактически – по желанию «общественности» (так называемое «ответственное министерство»), и вряд ли неправы были те, кто считал главной движущей силой Гучкова «его авантюристическую натуру, непомерное честолюбие... ненависть к современному режиму и к Государю Императору Николаю II и т. п.», то есть черты, ничего общего с заботой о России не имевшие. Сам он впоследствии признавал подготовку дворцового переворота, рассказывая о своих намерениях перехватить Императорский поезд где-нибудь между Ставкой и Петроградом и принудить Государя к отречению в пользу Наследника Цесаревича при регентстве Великого Князя Михаила Александровича. Что за этим должно было последовать и почему такая перемена должна была явиться благотворной – не обсуждалось и даже, кажется, не обдумывалось.

Произвести переворот предполагалось при участии офицеров запасных частей Гвардии, однако сколько-нибудь широкой вербовки заговорщиков фактически не проводилось. Не представляются заслуживающими доверия и многочисленные рассказы о вовлечении в заговор чуть ли не всего высшего командного состава армии и флота.

Одним из первых в этом ряду называют имя генерала Алексева, но конкретных фактов, подтверждавших бы эту версию, не приводится, запись в опубликованном дневнике современника о «зреющей конспирации» выглядит позднейшей вставкой, да и сам Гучков не считал Михаила Васильевича «своим человеком», рассказывая полтора десятилетия спустя о своих письмах начальнику Штаба Верховного: «не ожидаю ответов и не получаю их».

Сам факт получения этих посланий тоже впоследствии инкриминировался Алексееву, не доложившему о них Императору и якобы нарушившему этим присягу. Таким образом, подразумевается столь угрожающий для Престола характер писем, что сокрытие их уже представляло собою преступление. Версию эту, однако, развеивает обращение к тексту документов.

⁹ Курсив первоисточника. – А. К.

Нельзя не признать, что письма составлены Гучковым довольно хитро. Основной их объем посвящен частным вопросам (заказу полевых биноклей на Обуховском заводе и винтовок – в Англии, качеству союзных поставок, «премиальной системе» на заводах артиллерийского ведомства), которые могли быть небезынтересны начальнику Штаба, но отнюдь не требовали доклада Верховному Главнокомандующему: если Гучков справедливо возмущался вынесением вопроса о биноклях на заседание Совета Министров – «Вы подумайте: правительство и бинокли. И когда меня будут спрашивать, как водится, что же делает правительство, я буду знать, что отвечать: оно заказывает (или, вернее, не заказывает) бинокли», – то тем менее он должен был относиться к заботам Императора Всероссийского.

Гораздо важнее были другие фразы из писем – о неразумных действиях правительства, которые «как будто диктовались из Берлина», «жалкой, дрянной, слякотной власти», «возмущенном настроении народных, особенно рабочих масс», якобы чреватом пожаром, «размеры которого никто не может ни предвидеть, ни локализовать». Но эти реплики и туманные намеки на то, что «Вы одни можете, если вообще кто-нибудь может», что-либо сделать (вновь не указывая, что именно), были слишком «проходными», волнение автора писем казалось искренним и сам он просил извинения за свою «горячность», да, наконец, что вообще должен был доложить начальник Штаба Верховного Главнокомандующего своему Государю? Что член Государственного Совета Гучков дерзит в частной переписке, да к тому же односторонней (безответной)? Но оба, и Николай II, и Алексеев, были взрослыми, разумными и слишком обремененными настоящими заботами людьми для столь анекдотического доклада.

В том-то и заключался смысл писем, получение которых не должно было подтолкнуть генерала к отмежеванию от их автора, но создавало для стороннего наблюдателя (копии были пущены по рукам) иллюзию причастности Михаила Васильевича к чему-то оппозиционному. «Он был настолько осведомлен, что делался косвенным участником», – скажет потом Гучков, бросая, однако, на Алексеева незаслуженную тень: осведомленность генерала не только о целях заговора, но и о самом его существовании была мнимой.

В то же время Алексеева должны были волновать как бы невольно срывавшиеся с пера Гучкова грозные предупреждения о народном недовольстве. Мог ли он оставить без внимания точку зрения высокопоставленного общественного деятеля, близко общавшегося с представителями как промышленников, так и рабочих, – тем более что неоднократно сменявшиеся за годы войны министры и вправду были чрезвычайно далеки от совершенства, отнюдь не представляя собою той опоры Престолу, на которую вправе был рассчитывать назначавший их Государь? Скептически относился Михаил Васильевич и к ближайшему окружению Императора, вскоре действительно доказавшему свою никчемность, а слухи о влиянии Г. Е. Распутина на важные государственные назначения вкупе с потоками грязи, изливавшимися досужими клеветниками на «нашего Друга», как называла его Императрица Александра Феодоровна, – не могли не беспокоить Алексеева. (К чести генерала следует отметить, что он не побоялся высказать свое мнение лично Государыне, на Ее предложение о посещении Ставки Распутиным решительно ответил, «что, если Распутин появится в Ставке, он немедленно оставит пост начальника штаба»). Возможно, Алексеев пребывал в заблуждении относительно состояния страны, внутренняя жизнь которой ему, погруженному во фронтовые заботы, была известна недостаточно хорошо, – однако свои взгляды он, как это и подобает военному человеку, выражал не в докладах о «крамольной» переписке (доносительство вообще никогда не было в чести у русского офицерства), а от своего собственного имени, – «по долгу верноподданного, по данному мною обещанию говорить и докладывать Вашему Императорскому Величеству правду, как бы ни была она тяжела».

Впрочем, мнения современников и историков о взглядах генерала на необходимые перемены в управлении страной расходятся коренным образом: если одни представляют его

сторонником «ответственного министерства» (лозунга и фетиша либеральной общественности), то другие апеллируют к поданному Михаилом Васильевичем докладу о желательности учреждения «диктатуры тыла» – особого поста «верховного министра государственной обороны», которое могло привести к значительному ограничению думской и общественной деятельности на время войны. Военному человеку, наверное, больше должна была импонировать идея милитаризации промышленности и путей сообщения, жесткая дисциплина и единоначалие – словом, «диктатура тыла»; но и «ответственное министерство» могло казаться вполне приемлемым, коль скоро обремененные «народным доверием» думские лидеры так уверенно гарантировали его умиротворяющее и стабилизирующее воздействие на фактически безначальный и оттого колеблющийся тыл. По-видимому, для генерала Алексеева главным было спокойствие за спиной сражающейся армии и возможность победоносно окончить войну, а какими путями это достигалось бы – оставалось вопросом второстепенным.

Особо отметим, что и надежды на «ответственное министерство», якобы высказываемые Алексеевым, и его доклад об учреждении поста «верховного министра» никак не соотносятся по времени с письмами Гучкова, предшествуя им и, таким образом, будучи независимыми от посторонних влияний. Преувеличивается и роль гучковских посланий в якобы наступившем охлаждении Государя к Михаилу Васильевичу, поскольку сплетники относили это охлаждение к концу 1916 года, когда действительно ухудшилось, и резко ухудшилось, не отношение Императора, а состояние здоровья Алексеева.

Уже давно подрывавший свои силы непомерными трудами, он окончательно надорвался к октябрю. «Сердце оказалось гипертрофированным, пульс 40 ударов в минуту, напряженный, кровяное давление 190 мм по R. R.», – отмечали врачи. Пытавшийся работать несмотря на обострение болезни и начинавшееся воспаление почек, генерал скоро довел себя до крайне опасного состояния: навестивший больного 7 ноября Протопресвитер Армии и Флота отец Георгий Шавельский счел его уже умирающим. Михаил Васильевич выразил желание причаститься на следующий день, в свои именины (Собор Архангела Михаила), и отец Георгий навсегда запомнил слова, сказанные им перед Святым Причастием:

«Я смерти не боюсь. Судит Бог умереть, – умру спокойно: в жизни я не искал своего, все свои силы и весь свой разум я отдавал Родине. Спасет меня Господь, – снова отдам Родине все свои силы, всю жизнь свою».

После причащения состояние больного сразу улучшилось. Предстательством Архистратига (военачальника) Небесных Сил Бесплотных, Господь сохранил раба Своего Михаила, казалось, уже на пороге смерти. Бог миловал его уже не впервые: еще командиром роты Алексеев едва не был убит на стрельбище случайным выстрелом, а в 1911 году попал в автомобильную катастрофу, оба раза чудом оставшись в живых. Теперь же для дальнейшего лечения генерал был по настоянию Государя 20 ноября отправлен в Севастополь, рекомендуя на свое место генерала-от-кавалерии В. И. Ромейко-Гурко, и в этом выборе сказалась широта взглядов Алексеева: один из талантливейших русских генералов, Гурко уступал многим другим по старшинству в чинах и должности. В то же время, не желая совсем терять связи с войсками, в чем его поддержал и Император, – Алексеев продолжал по прямому проводу постоянно получать информацию о происходившем.

Туда же, в Севастополь, к генералу приехали, как писал впоследствии с его слов А. И. Деникин, «представители некоторых думских и общественных кругов», уже открыто заявившие о назревающем перевороте, – просившие, впрочем, не содействия, а лишь консультации – как отнесется к этому Армия. Алексеев «в самой категорической форме» просил не делать рокового для Армии и России шага и получил заверения, что готовящиеся события будут предотвращены. Однако...

«Не знаю, какие данные имел Михаил Васильевич, – рассказывает Деникин, – но он уверял впоследствии, что те же представители вслед за сим посетили Брусилова и Рузского и, получив от них ответ противоположного свойства, изменили свое первоначальное решение: подготовка переворота продолжалась».

Небезынтересно, впрочем, что Брусилов, в свою очередь, вспоминал о «доходивших до него сведениях» о перевороте и о том, что «главная роль была предназначена Алексею, который якобы согласился арестовать Николая II и Александру Федоровну» (ожидать такого от Алексева было совершенно невозможно, и Брусилов поэтому «не верил этим слухам»); Рузский же в дни Февральского мятежа скажет Императору, «что это готовилось давно, но осуществилось после 27 февраля, т. е. после отъезда Государя из Ставки». Очень похоже, что каждому из трех информированных генералов заговорщики говорили про согласие по меньшей мере одного из двух оставшихся, и сомнения здесь может вызывать лишь фигура Рузского: Алексеев был слишком консервативным и честным, а «Главколис» Брусилов – слишком расчетливым и хитрым, чтобы примкнуть к этой, становившейся уже явной, «конспирации». Однако то, что произошло вскоре, оказалось неожиданностью не только для фронтовых генералов, но и для тех тыловых деятелей, которые намеревались дирижировать «назревающими событиями».

* * *

Не вполне еще оправившимся от болезни вернулся Алексеев в Ставку 17 февраля 1917 года. Для принятия дел от своего временного заместителя и фактического вступления в должность ему только и должно было хватить тех последних десяти дней относительно спокойного существования Ставки, за которыми наступил период, когда, по словам Михаила Васильевича, «оперативная, военная часть отошла на задний план; война была забыта; впереди всего стала внутренне-политическая¹⁰ сторона...»

23 февраля, когда Император Николай II прибыл в Ставку из Царского Села, в оставленном Им Петрограде уже начинались волнения, и в следующие дни положение только ухудшалось. Перебои с доставкой хлеба вывели на улицы толпы протестующих, вызванные войска сами колебались и вряд ли могли явиться опорой порядка в столице, а вскоре стали явно присоединяться к митингующим. Начались убийства офицеров. Это еще не было революцией, но бунт уже был налицо.

Толпы можно было смирить кнутом и пряником, немедленной виселицей для зачинщиков и агитаторов и безусловным прощением тем, кто оказался вовлеченным в волнения и теперь чувствовал себя скованным круговой порукой. Однако не было сделано ни того, ни другого: Правительство и командование Петроградского военного округа не знали, что предпринять, а деятели Государственной Думы, к тому времени распущенной Высочайшим указом, решили, что сложившаяся обстановка, отменяя планы готовящегося дворцового переворота, позволит им получить власть быстрее и решительнее. Председатель Думы и глава ее самочинно сформировавшегося «Временного Комитета» М. В. Родзянко бросился к прямому проводу, забрасывая Ставку сообщениями, в которых фанфаронство мешалось с паникой, искреннее непонимание ситуации – со злонамеренным искажением фактов.

Столичный военный округ не входил в сферу деятельности начальника Штаба Верховного Главнокомандующего, дисциплинарные и административные права которого при живом Верховном были, как уже говорилось, весьма ограниченными. Не слушая отчаянных просьб Алексева, опустившегося перед Государем на колени, Император 27 февраля при-

¹⁰ Так в первоисточнике. – А. К.

нял решение немедленно покинуть Ставку и направиться в Царское Село, где находилась Его Семья. Армия же при этом фактически оставалась обезглавленной.

Пока Император еще находился в Ставке, удалось, однако, принять несколько важных решений. «Теперь, – говорил Алексеев, – остается только одно: собрать порядочный отряд где-нибудь примерно около Царского и наступать на бунтующий Петроград...» Авангардом должен был двинуться из Ставки батальон, укомплектованный Георгиевскими кавалерами, во главе с полковником Н. С. Тимановским, будущим героем Добровольческой Армии. Главнокомандующим Петроградским округом с чрезвычайными полномочиями был назначен Государем генерал Н. И. Иванов, который должен был выехать вместе с Георгиевцами. «...В его распоряжение, возможно скорей, отправить от войск Северного фронта в Петроград два кавалерийских полка, по возможности из находящихся в резерве 15-й дивизии, два пехотных полка из самых прочных, надежных, одну пулеметную команду Кольта для Георгиевского батальона, который едет из Ставки, – требовал Алексеев. – Нужно назначить прочных генералов... в распоряжение генерала Иванова нужно дать надежных, распорядительных и смелых помощников». Такие же силы должен был выделить Западный фронт – второй по близости к столице. В согласии с Монаршей волей, генерал Алексеев делал все, чтобы подавить мятеж вооруженной рукой.

Покинув Ставку, Государь оказался отрезанным от Своего Штаба и Армии. Его поезд был остановлен на пути к Царскому Селу, причем окружавшая Императора высокопоставленная придворная челядь проявила преступное бездействие, не приложив никаких усилий, чтобы «протолкнуть» состав по назначению, и на все грядущие роковые дни избрав для себя благоразумную тактику – плыть по течению. Завернутый с полдороги Императорский поезд 1 марта направился во Псков, в Штаб Северного фронта, Главнокомандующий которым генерал Рузский с первых же слов заявил о необходимости сдаться «на милость победителя», почитая таковым петроградские мятежные толпы и Временный Комитет Государственной Думы, устами Родзянки уже требовавший отречения. А в это время в Ставке больной, едва державшийся на ногах Алексеев – медицински засвидетельствовано, что его болезнь обострялась под влиянием волнения, – переживал, быть может, самые страшные часы своей жизни. Родзянко из Петрограда то успокаивал, будто ситуация взята под контроль (это было ложью), то паниковал, взывая, что отречение в пользу Цесаревича Алексея Николаевича остается единственным способом спасти Россию. На плечи Алексеева ложилась тяжелейшая ответственность... и вновь становилось неясно, кем же он, собственно, в этот момент был!

Когда говорят, что «генерал Алексеев мог и должен был принять ряд необходимых мер, чтобы предотвратить революцию... У него была вся власть. Государь поддержал бы его распоряжения. Он бы действовал именем Его Величества. Фронт находился в его руках, а Государственная Дума и ее прогрессивный блок – не решились бы ослушаться директив Ставки», – с этим можно согласиться только в одном случае: если бы Алексеев твердо считал Императора лишенным свободы действий.

Начальник Штаба без распоряжения «сверху» вступает в исполнение должности Главнокомандующего только в случае неожиданного, так сказать, катастрофического выбытия последнего из строя. Ситуации «междувластия» военными законами отнюдь не было предусмотрено, так же как и «междущарствия» – законами государственными. Но были ли основания у начальника Штаба Верховного предполагать это? Из Пскова приходили телеграммы за подписью Государя, Рузский передавал Ему телеграммы из Ставки, и считать Николая II пленником Алексеев вряд ли мог. А лишь при этом условии, повторим, имел он и моральное, и юридическое право действовать самостоятельно – да и тогда вопрос о полномочиях фронтового начальства в тыловых округах оставался открытым. Фактически взять на себя ответ-

ственность решительного вмешательства в происходившее – для Михаила Васильевича значило *самому стать бунтовщиком...*

Ну, а уж к этому он безусловно не был готов. Отнюдь не авантюрист по натуре, к тому же придавленный многомесячным несчастным опытом «главнокомандующего без власти» и «исполнителя без ответственности», вполне способным в решительный час парализовать волю, к тому же тяжело больной, – Михаил Васильевич Алексеев был смят страшными событиями так же, как был ими смят Император Всероссийский Николай Александрович.

Родзянко уже кричит, что в столице все рушится. За спиной Алексеева генерал-квартирмейстер Ставки, генерал А. С. Лукомский (сменивший при Гурко генерала Пустовойтенко) телеграфирует во Псков: «...По моему глубокому убеждению, выбора нет и отречение должно состояться», – подсказывая в качестве инструмента давления на Государя угрозу безопасности горячо любимой Им Семьи, остающейся в Царском Селе. Рузский в ответ также настаивает на отречении и просит узнать мнение остальных Главнокомандующих фронтами. И сломленный Алексеев поручает составить такой запрос... тому же генералу Лукомскому.

Теперь ничего уже не изменить. «...Династический вопрос поставлен ребром и войну можно продолжать до победоносного конца лишь при исполнении предъявленных требований относительно отречения от Престола в пользу Сына при регентстве Михаила Александровича... Необходимо спасти действующую армию от развала; продолжать до конца борьбу с внешним врагом; спасти независимость России и судьбу династии. Это нужно поставить на первом плане, хотя бы ценой дорогих уступок. Если вы разделяете этот взгляд, то не благоволите ли телеграфировать весьма спешно свою верноподданническую просьбу Его Величеству...» – подсказывает адресатам желательное решение Лукомский... и Алексеев подписывает.

Конечно, поставив свою подпись, генерал перед Богом и людьми принял на себя ответственность за каждое слово злополучной телеграммы; но будем справедливы – в критические минуты, оказавшись ложно информированным из Петрограда и Пскова и, быть может, недостаточно отдавая себе отчет в значении Императорской власти для России, – не вызывает ли генерал Алексеев при всем этом и уважения тем, что не находит для себя возможным уклониться от подачи своему Государю совета, пусть горького и, как покажет ближайшее будущее, ошибочного? Обличители, вспоминая о верности присяге, могли бы подумать и о том, что нарушить присягу можно как действием, так и бездействием (что предпочли столичные власти или наполнявшие Царский поезд приближенные Его Величества). Снова, как и ранее, «*по долгу верноподданного, по данному обещанию* говорить правду, как бы ни была она тяжела», генерал Алексеев высказывает то, что он думает или с чем он согласен. Он ошибся, как ошиблась вся мятущаяся Россия, с легкостью принявшая отречение – страшную жертву Благоверного Императора; но одним из первых Михаил Васильевич и прозрел свою ошибку, уже на следующий день из очередных телеграмм Родзянко убедившись, что доверять его честности и компетентности нельзя, и горько посетовав: «Никогда себе не прощу, что поверил в искренность некоторых людей, послушался их и послал телеграмму Главнокомандующим по вопросу об отречении Государя от Престола». И один из тех, кто невольно приближал русскую трагедию, – он теперь будет делать все, чтобы остановить ее.

Но это будет 3 марта. А 2-го Главнокомандующие поддержат идею отречения, и специальным актом Государь Император Николай II передаст Престол Своему брату, Великому Князю Михаилу, в свою очередь отложившему принятие Верховной Власти до решения Учредительного Собрания. Вместо власти в России осталось самозванное «Временное Правительство», чья относительная легитимность определялась лишь назначением его главы – князя Г. Е. Львова, которое успели провести Высочайшим распоряжением...

Вечером 3 марта отрекшийся Император возвратился в Ставку. Алексеев, по словам одного из его сотрудников, «решил обставить встречу Государя так, чтобы хотя бы здесь, в

бывшем своем штабе, не почувствовал он ослиного копыта». По-прежнему утром 4-го он прибыл для своего обычного доклада, хотя Государь уже не являлся Верховным Главнокомандующим (на эту должность Им вновь был назначен Великий Князь Николай Николаевич, приезд которого ожидался в ближайшие дни). Доклады повторялись, вызывая резкое недовольство Алексеевым со стороны новой власти; а утром 9-го, в день отъезда Николая II в Царское Село (где Он уже должен был находиться под стражей), и тоже вопреки желаниям петроградских «правителей», Михаилом Васильевичем были собраны все, кто хотел бы попрощаться со своим Государем.

...Никто не знает и не узнает никогда, что было на душе у Императора Николая Александровича в те дни, когда Он принимал столь значимое для России решение. «Сердце Царево в руце Божией», и Государь, человек глубоко религиозный, именно так смотревший на Свое призвание и расценивавший долг правителя как тяжкий крест, возложенный на Него Творцом, должен был пережить глубочайшую внутреннюю драму – екатеринбургской Голгофе предшествовала псковская Гефсимания. Открывалась ли Помазаннику Божьему трагическая судьба Его страны? Вымолил ли Он покров Божией Матери над Россией, свидетельством чего стало в дни отречения чудесное явление иконы Богородицы «Державная», на которой Заступница предстает восседающей на троне, со скипетром и державою в руках? Это ли была единственная смена на том посту, где часовыми столетия стояли Русские Цари?

На всех надвигается что-то страшное, и теперь знание об этом Государя передается окружающим Его. «Никогда не наблюдал я такой глубокой, полной, такой мертвой тишины в помещении, где было собрано несколько сот человек», – напишет потом очевидец, но вскоре эта тишина нарушится и, разлетевшись на куски, как прозрачная стеклянная стена, исчезнет, когда Государь начнет обход выстроившихся чинов Ставки, Конвоя и Георгиевского батальона.

Зала оглашается рыданиями. Плачут, бьются в истерике боевые офицеры. Падают в обморок здоровяки-конвойцы. Государь пытается улыбаться, но вместо улыбки выходит «какая-то гримаса, оскаливавшая ему зубы и искажавшая лицо»; не окончив обхода, Он направляется к выходу, всхлипывания и истерические вскрики не прекращаются, и среди них теряются растерянные и взволнованные слова генерала Алексеева – «А теперь, Ваше Величество, позвольте мне пожелать Вам благополучного путешествия и дальнейшей, сколько возможно, счастливой жизни»...

Это уже стадо, потерявшее Пастыря; но, наверное, и в эти минуты никто еще не понимал со всю отчетливостью, что именно сейчас Россия начинает свой путь к Гражданской войне.

* * *

Генерал Алексеев занял по отношению ко Временному Правительству абсолютно лояльную позицию. Так, он не передал в столицу телеграмму Государя, в которой, во изменение акта 2 марта, изъявлялось согласие на вступление на Престол Цесаревича Алексея; более того, именно начальнику Штаба Верховного выпало объявить Николаю II распоряжение из Петрограда о взятии Его под стражу. Организовав рассылку по войсковым соединениям, до командиров корпусов, прощального приказа бывшего Верховного Главнокомандующего, Михаил Васильевич не смог и воспротивиться остановке его дальнейшего распространения новым военным министром Гучковым, очевидно обеспокоенным обаянием Царственного Страстотерпца, которое пронизывало документ, призывавший Действующую Армию к продолжению борьбы с внешним врагом во имя Веры и Отечества... Нет оснований, однако, считать эти действия следствием какого-либо глубокого исповедания Алексеевым республиканских убеждений или программы новой власти, тем более что последней фактически

еще не было сформулировано; речь шла скорее о внутреннем ощущении, что произошедшее с Россией уже необратимо и теперь следует думать о том, как жить в новых условиях и можно ли овладеть выходящей из-под контроля ситуацией. Пожелания же «благополучного путешествия и счастливой жизни» отрекшемуся Монарху в устах генерала были следствием доверия к телеграмме главы Временного Правительства князя Львова, обещавшей Николаю II беспрепятственный проезд на Мурман, как предполагалось – для дальнейшего следования в Англию, где жизнь Его и Его Семьи была бы в безопасности. Лишь со временем стало известно, что предательская позиция Короля Георга V по отношению к своему родственнику и раболепие Временного Правительства перед радикально настроенными левыми элементами исключили эту возможность спасения Государя.

Алексеев и ранее смотрел в будущее без особого оптимизма, даже в случае победоносной войны волнуясь о проведении массовой демобилизации Действующей Армии. «Ведь это же будет такой поток дикой отваги разнуздавшегося солдата, которого никто не оставит», – говорил он; а теперь военачальнику, опасавшемуся эксцессов радостной толпы и подозревавшему, что их может не выдержать выстоявшая в войне Империя, предстояло увидеть воочию, сколь страшна толпа озлобленная, развращаемая и поощряемая к самым чудовищным буйствам одними политическими силами при безвольной пассивности или робком потакании других.

Еще накануне отречения Государя самочинно собравшаяся в Петрограде группа леворадикально настроенных интеллигентов, присвоившая себе наименование «Центрального Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов», опубликовала печально известный «Приказ № 1», натравливавший нижних чинов на офицеров и разжигавший рознь в армейских рядах. Не лучше повели себя и некоторые представители генералитета, быстро пошедшие на поводу у слепой разъяренной стихии и в угоду ей приступившие к разработке «Декларации прав солдата», внесшей в войска смертельный яд – разрешение членства в любых политических партиях и организациях и абсолютную свободу их агитации, чем Армия буквально раздиралась на куски. Возглавлявший комиссию по реорганизации вооруженных сил генерал Поливанов, в очередной раз приспособившийся к обстановке, даже приезжал к Алексееву с убеждениями отменить приказ о предании военно-полевому суду действовавших в войсках агитаторов-пораженцев, а когда ему в этом было отказано, сверху были просто... отменены сами военно-полевые суды... Солдатский комитет, в основном из писарей и прислуги, появился и в Ставке, однажды своей наглостью выведя из равновесия даже сдержанного Алексеева, порывавшегося «взять взвод полевых жандармов и перестрелять этих...».

Предупреждения, что Правительством и Совдепом взят неверный, губительный для страны курс, не достигали цели. «Пути у нас могут быть различны, но цель одна – кончить войну так, чтобы Россия вышла из нее хотя бы и уставшею и потерпевшею, но отнюдь не искалеченной, – взывал Михаил Васильевич 4 мая на совещании Главнокомандующих фронтами с министрами и советскими деятелями. – ...Если начальству не подчиняются, если его приказания не выполняются, то это не армия, а толпа... Об интересах родины и ее будущем забывается... Реформы, которые армия еще не успела переварить, расшатали ее, ее порядок и дисциплину... Если мы будем идти по этому пути дальше, то наступит полный развал». Но генерал ошибался в главном: для его собеседников, даже тех, кто искренне желал победы в войне и какого-то не вполне определенного «счастья» для России, эти вопросы стояли глубоко на заднем плане, уступая первые места неприкосновенности партийных догм («демократизация», «народовластие», «гражданские свободы»), во имя которых они готовы были полностью игнорировать и реальные условия, и правила ведения войны, и будущее державы. Для военной же власти, пытавшейся спасти разрушаемое, оказались потерянными первые, самые, быть может, драгоценные недели «медового месяца революции».

Немало резких критических слов было сказано впоследствии в адрес генерала Алексева, «безвольного», «растерявшегося», «выпустившего из рук управление армией». Но, признавая за ними определенную правоту, – даже глубоко уважавший Алексева Деникин считал, что «грозный окрик верховного командования, поддержав сохранение в первые две недели дисциплины и повиновения армии, быть может, мог поставить на место переоценивший свое значение Совет, не допустить “демократизации” армии и оказать соответственное давление на весь ход следовавших событий», – мы вынуждены вновь обратить внимание на злополучную судьбу Михаила Васильевича, как бы задавшуюся целью все время делать его положение неопределенным и неустойчивым.

Великий Князь Николай Николаевич, еще не успев приехать в Ставку и вступить в исполнение обязанностей Верховного Главнокомандующего, был остановлен письмом князя Львова, утверждавшего, будто «народное мнение решительно и настойчиво высказывается против занятия членами дома Романовых какой-либо государственной должности». Идя навстречу «народному мнению» (как выяснилось позже, фальсифицированному), Великий Князь 11 марта сложил с себя звание Верховного. Российская Армия вновь оказалась без вождя.

Теперь по всем законам начальник Штаба должен был заместить отсутствующего Верховного; однако нельзя сбрасывать со счетов как тяжелый опыт предыдущих лет войны, отнюдь не располагающий Алексева к проявлению инициативы, и подавляющую все душевные силы обстановку сегодняшнюю, так и непрочное положение, в котором оказывался генерал. Его кандидатура на высший военный пост в стране многим представителям новой власти (в первую очередь – Родзянке) казалась весьма спорной, и решение вопроса было вольно или невольно затянуто на три недели в период, когда каждый день был на счету, грозя необратимыми переменами. Лишь 2 апреля состоялось назначение генерала-от-инфантерии Алексева Верховным Главнокомандующим, а чуть больше месяца спустя он уже явно стал неуютен Временному Правительству.

Помимо упомянутого выше выступления на совещании 4 мая, немалую роль в этом сыграла и речь Михаила Васильевича на открытии 7 мая в Ставке офицерского съезда, 300 делегатов которого, представлявшие в основном фронтовой командный состав, напряженно ждали от вождя Армии оценки положения и идей, вокруг которых можно было бы сплотиться.

«Россия погибает, – с болью говорил старый военачальник. – Она стоит на краю пропасти. Еще несколько толчков вперед, и она всей тяжестью рухнет в эту пропасть...

...Где та сильная власть, о которой горюет все государство? Где та мощная власть, которая заставила бы каждого гражданина нести честно долг перед Родиной?..

Где любовь к родине, где патриотизм?

Написали на нашем знамени великое слово “братство”, но не начертали его в сердцах и умах. Классовая рознь бушует среди нас. Целые классы, честно выполнявшие свой долг перед Родиной, взяты под подозрение, и на этой почве возникла глубокая пропасть между двумя частями русской армии – офицерами и солдатами...

В настоящее время – это общая болезнь – хотели бы всех граждан России поставить на платформы и платформочки...

Мы все должны объединиться на одной великой платформе: Россия в опасности. Нам надо, как членам великой армии, спасти ее. Пусть эта платформа объединит вас и даст силы к работе».

Речь, в сущности, не содержала никаких конкретных политических призывов; но резкое неприятие партийности, искренний патриотизм и обаяние говорившего делали ее опасной в глазах Правительства и Совдепа, а организация на съезде Союза офицеров с местопребыванием его Главного Комитета в Ставке – вызывали прямые подозрения в подготовке

«контрреволюционного заговора». И телеграммой от 21 мая Алексеев был назначен «в распоряжение Временного Правительства» и вызван в Петроград. Генерал подал в отставку и 24-го прошел медицинское освидетельствование, диагностировавшее пиелонефрит и подтвердившее, что больной «продолжать дальнейшую военную службу безусловно не может и нуждается в постоянном врачебном уходе за собой». Таковую настойчивость, помимо объективных причин, можно объяснить и оскорбительной формой, в которую было облечено отрешение Алексеева от должности («Пошляки! Рассчитали, как прислугу...» – сказал он со слезами горькой обиды на глазах).

Подчас не без тайного злорадства это подается как своеобразная расплата Алексеева за его поведение во время Февральского переворота. «Сделавший свое дело» генерал был якобы отброшен за ненадобностью теми, кто воспользовался его содействием в дни отречения. При этом игнорируется лишь реальное состояние государственной власти весной 1917 года, все ухудшавшееся и в дальнейшем.

«Власть, собственно, все время находилась ни в чьих руках... – подводил итоги первого полугода «свободной России» один из министров-социалистов Временного Правительства. – Говорят, идет борьба за власть. Но власть представляет сейчас такую вещь, от которой все стараются отойти, откреститься, и нет ни одной группы общественной, которая стремилась бы захватить власть». Генералитет и офицерство сохраняли лояльность к Временному Правительству (в лице лучших своих представителей – во имя борьбы с внешним врагом и во исполнение прощального приказа Государя); Правительство действовало с постоянной оглядкой на Совдеп, предпочитая потакать развалу страны и Армии, лишь бы не подвергнуться его нападкам, в большинстве случаев чисто демагогическим; Совдеп же сознательно отталкивал от себя власть, дабы не принять вместе с нею и ответственность за будущее России, и играл роль стороннего, но от этого не менее резкого и агрессивного критика практически всех начинаний Правительства. Слабые и растерянные члены последнего, в сущности, не были способны «отбросить» кого бы то ни было, ибо сами один за другим уходили под натиском того, что они определяли как «стихию» – стихию анархии, демагогии и безответственности. А тем временем на политической арене все большую и большую силу начинали забирать те группы, которые проповедовали еще более радикальную ломку всей жизни страны и уже примеривались к захвату власти. Этот враг мог спасовать только перед силой оружия, и генерал Алексеев, после отрешения от должности уехавший в Смоленск к семье, пристально наблюдал за развитием событий и людьми, от которых можно было бы ожидать активных действий.

А дело определенно шло к открытой борьбе. На смену безалаберности и хаосу, охватившим русское общество весной 1917-го, приходила постепенная поляризация сил – открыто анархических, разрушительных – с одной стороны, и консервативно-охранительных, государственных – с другой. Сменивший Алексеева генерал Брусилов, потакавший революционной толпе и шедший на поводу у Временного Правительства, недолго продержался на посту Верховного Главнокомандующего; зато пришедший на его место Л. Г. Корнилов выглядел тем человеком, вокруг которого смогут объединиться все здоровые силы страны.

«Думаю, что назначение Корнилова будет приветствуемо и штабом, и оставшимися честными и верными войсками, – записывает в дневнике Михаил Васильевич. – ...Дай Бог Корнилову силы, терпения, мужества и счастья сладить с теми путами, которые наложены нашими военными министрами последнего времени на главнокомандование...» Интересно, что собственно полководческие способности Лавра Георгиевича Алексеев оценивал весьма скептически: энергия и порыв Корнилова, подчас безрассудно-дерзкие, настораживали Михаила Васильевича, но сейчас он приветствовал назначение его Верховным, ибо сама эта должность в тех условиях становилась не только военной, но и политической.

А объединение и концентрацию всех сил Алексеев, похоже, считал в те дни задачей первоочередной. Еще в мае он писал: «Только извлечение надежных людей из состава войск может дать подготовленный материал для формирования». В конечном итоге именно по этому пути и пошло Главное Командование, поощряя выделение боеспособных элементов в специальные «штурмовые батальоны» и «ударные части». Впрочем, не только практика, но и сами принципы их использования разочаровывали Алексеева, находившегося к тому времени уже не у дел: «...Бесполезно погубили лучших людей и массу офицеров, пустив у д а р н ы е¹¹ бат[альо]-ны вперед; за ними никто не пошел. Ударные бат[альо]ны должны были составить резерв и гнать перед собою малодушных, забывших совесть». Сохранение этих отборных кадров русского воинства могло стать козырной картой и в политической игре, очередной партией которой стало Московское Государственное Совещание.

В своем выступлении 15 августа Михаил Васильевич, обрисовав язвы, разъедающие армейский организм (Приказ № 1, Декларация прав солдата, комитеты и проч.) и подчеркнув нарастающую угрозу со стороны тех, «кто выполнял веления немецкого генерального штаба и в карманах которых мелодично звенели немецкие марки», предостерегал: «Полу-меры будут только расширять и углублять тот развал, которым полна наша армия. Истинная воинская дисциплина для всех, носящих военный мундир, должна поглотить собою дисциплину партий и групп». Слова бывшего Верховного Главнокомандующего звучали в унисон с выступлением нынешнего – генерала Корнилова, и в унисон звучали, должно быть, и многие их мысли, что можно заключить из состоявшегося в те же дни диалога между генералами, в котором, по рассказу А. И. Деникина, прозвучали и такие многозначительные реплики:

Корнилов: «Михаил Васильевич, придется опираться на Офицерский союз – дело ваших рук. Становитесь вы во главе, если думаете, что так будет лучше».

Алексеев: «Нет, Лавр Георгиевич. Вам, будучи Верховным, это сделать легче».

Эта цитата – явно отрывок большого разговора, состоявшегося в первые же часы по приезде Корнилова на Государственное Совещание, – становится понятной на общем фоне событий, определявших тогдашнюю внутривластную ситуацию и расстановку сил. Вооруженные демонстрации большевистских настроенных солдат и матросов 3–4 июля в Петрограде наглядно показали агрессивность намерений крайнего крыла социал-демократии, – а нерешительность Временного Правительства, не осмелившегося применить к ее вожакам адекватные меры, убеждала в том, что остановить сползание России в пучину анархии смогут лишь сами военные, уже без всяких надежд на содействие со стороны государственной власти.

Но воспользоваться оказавшимися в его распоряжении силами генералу Корнилову не удалось. В результате провокации главы Временного Правительства, Верховный Главнокомандующий был объявлен мятежником, а в самом Правительстве разразился очередной кризис. Для консультаций был спешно приглашен М. В. Алексеев...

Даже среди приближенных А. Ф. Керенского нашлись люди, считавшие кандидатуру старого генерала единственной, подходящей на роль главы преобразованного кабинета, фактически – диктатора. Но такая перспектива, конечно, отнюдь не могла удовлетворить самолюбивого министра-председателя, присвоившего себе самому диктаторские полномочия вплоть до смехотворной для адвоката должности Верховного Главнокомандующего, а Михаилу Васильевичу предложившего пост... своего начальника Штаба. Важно подчеркнуть, что в «корниловские дни» явным стал бутафорский характер «объединения здоровых государственных сил», мгновенно попрятавшихся и не пожелавших противодействовать политике Керенского, который в борьбе против «генеральской контрреволюции» все теснее блоки-

¹¹ Разрядка М. В. Алексева. – А. К.

ровался с Совдепом. Алексеев оказался в одиночестве, без сколько-нибудь серьезной поддержки со стороны государственных или общественно-политических деятелей или течений.

«Уговаривают меня принять должность начальника штаба при Верховном – Керенском... – со слезами говорил он офицеру-единомышленнику. – Если не соглашусь, будет назначен Черемисов (генерал, зарекомендовавший себя активным сторонником «революционной демократии». – *А. К.*)... Вы понимаете, что это значит? На другой же день корниловцев расстреляют!.. Мне противна предстоящая роль до глубины души, но что же делать?»

Двенадцать дней – с 30 августа по 10 сентября 1917 года – когда генерал-от-инфантерии Алексеев был начальником штаба у присяжного поверенного Керенского, в глазах многих стали днями позора и бесчестия для старого генерала. Именно так оценил их и Корнилов – отказавшийся от мысли продолжать вооруженную борьбу, сдавший пост Михаилу Васильевичу, а затем и безропотно подчинившийся постановлению о своем аресте, но бросивший при этом своему преемнику резкие слова: «Вам трудно будет выйти с честью из положения. Вам придется идти по грани, которая отделяет честного человека от бесчестного. Малейшая Ваша уступка Керенскому – толкнет Вас на бесчестный поступок...» Отношения между двумя генералами отныне и навсегда были безнадежно испорчены.

«Как мог Алексеев, основатель офицерского союза и всей этой организации в армии, которая имела своей конечной целью произвести военный переворот, как мог он поддерживать Керенского, пойти к нему в Начальники Штаба и поехать в Ставку арестовать его, Корнилова?» – вспоминал современник негодование бывшего Верховного Главнокомандующего. При этом Лавр Георгиевич забывал о том, что Союз офицеров, как мы знаем, был уже передан ему Алексеевым, бывшим лишь духовным, но отнюдь не фактическим главою этой организации, – а также о том, что основным мотивом поступка Михаила Васильевича было стремление спасти жизнь Корнилову и его соратникам. Остановив же продвижение к Ставке науськанных Керенским отрядов красногвардейцев и разъяренной солдатни и организовав охрану арестованных «корниловцев» благожелательно настроенным к ним Текинским конным полком, генерал Алексеев покинул столь тягостный для него в сложившейся ситуации пост начальника Штаба Верховного. А тем временем Керенским под шумок был произведен и самый настоящий государственный переворот: 1 сентября 1917 года Россия, не дожидаясь не только решения, но даже и созыва Учредительного Собрания, была объявлена республикой...

Михаилу Васильевичу довелось принять участие и в последнем акте трагедии 1917 года, на фоне готовящегося вооруженного выступления большевиков стремительно вырождавшейся в фарс. От Союза офицеров он был делегирован во «Временный Совет Российской Республики», заседавший с 7 октября, – так называемый «предпарламент», вскоре получивший ироническое прозвище «бредпарламента» и, очевидно, по заслугам: даже известный революционер, один из создателей российской социал-демократии А. Н. Потресов констатировал той осенью: «Бедлам, а не единство представляет собой демократия, собранная в четырех стенах, заключенная в рамки единого общественного учреждения». И все большее и большее внимание Алексеев, находившийся в Петрограде с 16 октября, уделяет созданию новой офицерской и юнкерской организации, теперь уже тайной, для предстоящей борьбы с большевизмом и анархией.

Бессилие Временного Правительства и никчемность Временного Совета наглядно проявились 24–25 октября. Найдя Мариинский дворец, где заседал предпарламент, уже оцепленным большевицкими караулами, генерал еще успел поругаться с часовым, однако был вовремя спроважен офицером старой охраны и избежал ареста и расправы. К нему еще приходили представители юнкеров, с которыми Алексеев обсуждал возможность деблокирования обложенного Зимнего дворца, однако реализовать ее уже не удалось: последний оплот Временного Правительства был вскоре захвачен. До 30 октября Михаилу Васильевичу при-

шло скрываться, а затем усилиями нескольких преданных ему членов организации удалось сесть на скорый поезд Петроград – Ростов-на-Дону.

«Тяжело и странно было смотреть на ген[ерала] А[лексеева] в столь несвойственной ему штатской одежде», – вспоминал адъютант Михаила Васильевича. Лишенный привычного воинского облика, старый военачальник, как и все русские люди, для которых слово «Россия» не было пустым звуком, был лишен в те дни и большего – своего Отечества, казалось, уже невосвратно уходящего в историю.

Теперь его предстояло завоевывать заново – и генерал Алексеев был готов к этому.

* * *

2 ноября Михаил Васильевич добрался до Области Войска Донского, где усилиями Атамана Каледина еще поддерживался относительный порядок, – впрочем, не более чем относительный. Попытки двух генералов организовать наступление на север столкнулись с сильной оппозицией в правительственных кругах Дона, а ближайшие недели показали и беспочвенность надежд на финансовую помощь обеспеченных кругов, еще имевших в этот период хаоса и анархии возможность распоряжаться своими средствами. Российская буржуазия, казалось бы, кровно заинтересованная в победе зарождающегося Белого движения, на деле отказывала ему в помощи. Так, миллионер Оловянишников в ответ на просьбу эmissаров с Дона о материальной поддержке прямо заявил: «Передайте Алексею, что денег мы ему не дадим, пусть берет где угодно – в Англии, Америке, Франции...» Но надеяться на союзников тоже не приходилось – ведь еще весной 1916 года, отлично понимая их политику, Михаил Васильевич говорил: «Союзникам вовсе не надо нас спасать, им надо только спасать себя и разрушить Германию. Вы думаете, я им верю хоть на грош?..» И это недоверие полностью оправдалось в Гражданскую войну, когда страны Антанты в лучшем случае отделивались подачками и в целом больше вредили белым, чем помогали им...

Такое отношение российской буржуазии объяснялось не только ее политической близорукостью – деньги, которые она пожалела для Алексея, вскоре достанутся большевикам, – но и независимой позицией, сразу занятой Белыми вождями. Будучи просто честными солдатами (отнюдь не политиками!), многие – Алексеев, Корнилов, Деникин – выходцами из простонародья, они в своей борьбе за поруганную честь России не собирались становиться защитниками какого-либо одного класса, партии, общественной группировки. Они служили не каким-нибудь оловянишниковым, а России, и когда представители донской «демократической общественности» посмели спросить Алексея, даст ли он какие-либо обязательства, получая пожертвования на нужды Армии, – в ответ они услышали гордые слова:

«Добровольческая Армия не принимает на себя никаких обязательств, кроме поставленной цели спасения Родины. Добровольческую Армию купить нельзя!»

Через год после смерти Михаила Васильевича Виктор Севский с восхищением и горечью напишет о нем:

«Что было у генерала Алексея на Дону в ноябре?

Чистый блокнот, в который он заносил по одному добровольцев, и четыреста рублей, данных на армию каким-то Мининым наших дней, тряхнувшим мощной на все четыреста», – и не достойно ли и в самом деле восхищения, что неустанными, неправдоподобными трудами этого престарелого и больного человека создается впоследствии настоящая армия – с пехотой, кавалерией, артиллерией, с броневиками, танками и аэропланами... Но пока до этого еще очень далеко. Пока бывший Верховный Главнокомандующий, еще недавно имевший в своем подчинении многомиллионные людские массы, собирает в батальоны пришедших к нему поодиночке офицеров, юнкеров и кадет.

Немного было и соратников. Небольшая и неразветвленная структура «Организации кадров по воссозданию Русской Армии» (это громоздкое название вскоре в просторечии, а затем и в исторической литературе прочно заменится более простым и понятным: «*Алексеевская организация*») вполне соответствовала немногочисленности боевых частей – Алексееву удалось избежать соблазна раздутых штабов без подчиненных, которые в тот период нередко становились подлинным бичом всякого военного строительства. Десятка ближайших сотрудников вполне хватало для «вооруженных сил», исчислявшихся несколькими сотнями. Но в ряды их становились самые верные, самые доблестные, те, кто яснее всех почувствовал, что когда гибнет Россия, то нужно спасти ее хотя бы ценой собственной жизни, и поверил, что идея спасения Родины воплотилась сейчас в скромном старом генерале. Вместе с армией рождалась и идеология ее, получившая вскоре название Белой Идеи, хотя точнее было бы назвать ее Белой Мечтой.

Она была прежде всего идеологией оскорбленного национально-государственного и религиозного чувства. Поругание святынь, падение великой Державы не могли не возбудить в честных русских воинах ненависти к виновникам этого и желания им противостоять. Большевики однозначно воспринимались как пособники немцев: ведь один из разваливших Российскую Армию революционных лозунгов – «немедленный мир без аннексий и контрибуций» – оказывался фальшивкой, – германскому командованию нужны были именно аннексии и контрибуции, территориальные приобретения и выкачивание из разоренной России денег и сырья для продолжения борьбы на Западном фронте. И желания немцев были вскоре удовлетворены в результате позорного для России Брестского мира...

Целью генерала Алексеева и его соратников было – сделать Дон и Кубань той областью, откуда возобновится борьба с Германией и начнется собирание Русских земель. Каким должно было быть новое Государство Российское и как конкретно будет развиваться борьба, Белые вожди, в сущности, сами ясно не представляли себе, и о неопределенности программы Алексеева в этот период хорошо свидетельствует его письмо одному из старых сослуживцев, занимающему ответственный пост в Ставке. В нем Михаил Васильевич говорит о необходимости «здесь именно создать сильную власть, сначала местного значения, а затем общегосуд[арственного]» и «приступить... к формированию реальной, прочной, хотя и небольшой силы вооруж[енной] для будущей акт[ивной] политики». Таким образом, речь как будто идет о создании самодостаточного в экономическом отношении вооруженного лагеря – базы для предстоящей борьбы. Но вскоре из письма выясняется, что генерал рассчитывает на «размытость» границ между областями погрузившейся в хаос России (в том числе между «красными» и «белыми»), на то, что Ставка Верховного Главнокомандующего сможет продолжать свое существование и под властью большевиков и даже исполнять тайные функции представительства «Алексеевской организации», и проч. Несмотря на весь печальный опыт 1917 года и вообще свойственную Алексееву прозорливость, он фактически еще не отдает себе отчета в агрессивности внутренней политики большевиков (быть может, пока считая их просто «ухудшенным изданием» Керенского) и надеется на относительно длительную передышку – «междувластие» или даже «двоевластие». А этой передышки история России не дала.

На «калединский Дон» вскоре будут двинуты отряды Красной Гвардии и большевизированных солдат и матросов; не пройдет и двух недель со дня написания цитированного письма, как Ставка Верховного Главнокомандующего будет разгромлена озверелой толпой; уже в конце ноября новосформированным батальонам «Алексеевской организации» придется принять участие в первых боевых операциях на территории Донской Области... И в то же время даже в условиях разгорающегося пожара Михаилом Васильевичем закладываются принципы чистоты методов, соответствующей чистоте идеалов. Война не ведется в белых перчатках, но и принципа «цель оправдывает средства» принять тоже было нельзя. Так, на

предложение организовать террористические акты против руководителей Совета Народных Комиссаров Михаил Васильевич отвечал решительным отказом, боясь вызвать этим большевицкий террор против неповинного населения столицы (а в это время большевики под руководством германской разведки готовили покушения на самого Алексеева и Каледина, к счастью, не состоявшиеся). Резко отверг Михаил Васильевич и предложение одного из молодых офицеров пополнить бюджет печатанием фальшивых денег, «сказав, что у нас святая цель и он никогда не пойдет ни на какой подлог, он верит в русский народ и убежден, что имущие классы пойдут к нему на помощь и средства будут, а офицерство исполнит свой тяжелый долг». И даже офицерский караул, самовольно явившийся охранять генерала ввиду слухов о готовящемся покушении, – он, не желая никого обременять беспокойством о собственной персоне, «пожурил и приказал впредь не выставлять к нему никаких караулов, и пригласил всех к себе пить чай».

Однако не для всех авторитет Алексеева был непререкаем, и особенно ясно это стало после появления на Дону бежавшего из-под стражи Корнилова. Рознь между двумя генералами грозила расколом и без того крохотных сил – по оценке Деникина, при уходе Алексева еще не сформировавшаяся армия «раскололась» бы, при уходе Корнилова – «развалилась». В результате нервных и тяжелых переговоров Алексеев сдал командование, оставляя за собою только организационную работу и финансы. «Генерал в тужурке защитного цвета» вскоре потеряется в сиянии славы Корнилова, и не случайно полушутя-полусерьезно сказал однажды Михаил Васильевич: «Лавр Георгиевич забрал у меня все лавры и все Георгии...» Но старый полководец умел поступаться собственным самолюбием для пользы дела, отлично понимая, что героическая личность и обаяние имени Корнилова очень нужны зарождающейся Армии. Мы уже знаем, насколько характерно было для Алексева в течение всей его жизни спокойное самоотречение, и сейчас перед нами еще один пример этого.

Перспективы были отнюдь не радужными. «Погибнуть мы всегда успеем, но раньше нужно сделать все достижимое, чтобы и гибнуть со спокойной совестью», – писал Михаил Васильевич. И батальоны, на Рождество 1917 года получившие наименование Добровольческой Армии, в самом деле несли тяжелые потери в боях с численно превосходящим противником. Основные массы Донского казачества и скопившегося в Ростове и Новочеркасске офицерства не принимали участия в борьбе, и, провожая в последний путь убитых кадет, генерал Алексеев воскликнул: «Орлята погибли, защищая родное гнездо... Где же были орлы?!»

Убедившись в отсутствии поддержки на Дону, командование Добровольческой Армии 9 февраля 1918 года приняло решение двигаться на Кубань, где рассчитывали получить передышку и оттуда возобновить дело строительства России. Одним из главных инициаторов этого был именно Алексеев, ставивший перед Армией цели общегосударственные и в этом отношении не считавший себя привязанным к какому-либо одному региону или отдельной оперативной задаче. Трудности предстоящего похода были очевидны, и Михаил Васильевич в письме, написанном перед его началом, дал одно из лучших определений смысла не только этого похода, но и всего Белого Дела:

«Мы уходим в степи. Можем вернуться только, если будет милость Божья. Но нужно зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы...»

Возле станицы Аксайской части Добровольческой Армии по льду переправились через Дон. Историк Марковского Офицерского полка писал: «Переправу главных сил начал генерал Алексеев, который пешком, опираясь на палку и ею как бы ошупывая крепость льда, перешел Дон».

Весь Первый Кубанский поход – знаменитый Ледяной поход – М. В. Алексеев проделает на тачанке, взяв на себя финансово-административные заботы Армии. Полки поведут в бой другие – отчаянный Марков и осторожный Богаевский, пылкий Неженцов и хладно-

кровный Кутепов; будет руководить работой Штаба генерал Романовский и воодушевлять войска, на глазах становясь легендой, вождь Армии Лавр Георгиевич Корнилов... Но первым на зыбкий лед Гражданской войны ступил все же генерал Алексеев.

Чего стоил ему этот поход? Чего стоила ежедневная тряска на бричке, грубая пища, ночлеги в случайных хатах, неровная погода южной весны старику, уже в течение года вынужденному по несколько раз в день подвергаться катетеризации мочевого пузыря, больному человеку, чье состояние, по заключению квалифицированных врачей, имело «наклонность к частому обострению под влиянием охлаждения тела и психических моментов», и уже более полугода назад признанному «безусловно не могущим» продолжать военную службу даже в высоких штабах? И что давало ему сил для перенесения этих лишений?

«...На душе было тяжело, – вспоминает один из эпизодов Кубанского похода его участник. – Наше положение и неизвестность удручали. Он угадал то, о чем я думал, и ответил мне на мои мысли: “Господь не оставит нас Своею милостью”. Для Алексеева в этом было все». И вряд ли будет большою ошибкой сказать, что если Корнилов воодушевлял Армию, если строевые командиры вели ее, то Алексеев не только заботился о ней, но и *молился за нее*.

Возможно, именно тем же чувством руководствовался генерал и на военном совете 30 марта, накануне штурма Екатеринодара – заветной и, как показали события, недостижимой цели Первого Кубанского похода. Предложение Алексеева отложить штурм – по мнению Деникина, «половинчатое решение, в сущности лишь прикрытое колебание» – выглядит совсем по-другому, если вспомнить о глубокой вере старого военачальника. Считая намерение Корнилова рваться напролом роковым для Армии («Тяжелый до самовлюбленности, самонадеянности не по уму и талантности, завистливый до болезненности, К[орнилов] сошел со сцены в критическую минуту, которая и для него, быть может, явилась милостью Господней, – напишет он вскоре. – Продолжение его деятельности грозило на следующий день гибелью всего сохранившегося, гибелью всего дела»), – Михаил Васильевич, в сущности, своим «половинчатым решением» вверял Добровольческую Армию исключительно Божьему Промыслу.

Судьбу Белого Дела решил взрыв большевицкого снаряда утром 31 марта. Господь призвал к Себе воина Лавра, и вскоре генерал Алексеев перед повозкой с телом убитого «сошел с коляски, отдал земной поклон праху, поцеловал в лоб, долго, долго смотрел в спокойное уже, бесстрастное лицо»... Вражда, если и не была изжита до конца, – становилась теперь достоянием истории.

«Все дела покойного свидетельствуют, с какой непоколебимой настойчивостью, энергией и верой в успех дела отдался он на служение Родине», – воздавал должное Корнилову Алексеев в приказе Добровольческой Армии, следующим параграфом которого предписывалось вступить в командование генералу Деникину. Новый Командующий вспоминал позднее о возникших при этом сомнениях:

«...От чьего же имени отдавать приказ, как официально определить положение Алексеева? Романовский разрешил вопрос просто:

– Подпишите “генерал-от-инфантерии”... и больше ничего. Армия знает, кто такой генерал Алексеев».

* * *

От Екатеринодара Добровольческая Армия повернула на север, снова вступая в пределы Донской Области, уже испытывшей за два с лишним месяца тяжесть большевицкого владычества и запывавшей казачьими восстаниями. 23 апреля Командующим Армией было с ведома М. В. Алексеева опубликовано «первое политическое обращение к русским людям», декларирующее неизменность целей и путей их достижения:

«Борьба за целостность разоренной, урезанной, униженной России; борьба за гибнущую культуру, за гибнущие несметные народные богатства, за право свободно жить и дышать в стране, где народоправство должно сменить власть черни.

Борьба до смерти».

Однако слово «народоправство» и упоминание в тексте обращения «Всероссийского Учредительного Собрания» вызвали ропот недовольства среди офицеров-Добровольцев, большинство из которых в той или иной форме исповедовало монархические убеждения и связывало подобную фразеологию с прошлогодними страницами позора России. «Атмосфера в армии сгустилась», – признавал Деникин, в начале мая «кратко и резко» объявивший офицерам: «... Что касается лично меня, я бороться за форму правления не буду. Я веду борьбу только за Россию».

Эти слова вполне точно отражали основной смысл и пафос Белого движения на всех фронтах, во всех регионах России, от его зарождения до тех скорбных дней, когда последним бойцам пришлось оставить родную землю. Но внутри этой общей, доминирующей идеи, принимая ее, подчиняясь и руководствуясь ею, безусловно существовали и не смешивавшиеся между собою течения. Так, сам Деникин впоследствии различал свое собственное «непредрешение» будущего государственного и политического устройства России и «умолчание» генерала Алексеева, который также «не предусматривал насильственного утверждения в стране монархического строя», но... делал это, «веря, что восприятие его совершится естественно и безболезненно».

В то же время Михаил Васильевич считал возможным и предпринимать, пусть пока негласные, шаги для подготовки народных настроений. Сюда можно отнести приглашение возглавить борьбу, направленное проживавшему в Крыму Великому Князю Николаю Николаевичу как едва ли не самому популярному в народе представителю Дома Романовых (бывший Верховный Главнокомандующий отказался), или такие мысли, изложенные на основании разговора с Алексеевым членом одной из монархических организаций:

«Как на Кубани, так и на Дону и в Ставропольской губернии в низах ждут, скоро ли будет царь, но это – затаенное мечтание... Безусловно, в смысле проявления общего желания необходимо много работать... Жители станиц и хуторов питаются слухами. Эту привычку больше верить слухам, чем газетам, отлично можно использовать в наших целях. Нищие и странники – отличные агитаторы... Конечно, эти люди должны быть заранее подготовлены.

Вот почему Генерал А[лексеев] не считает своевременным провозглашение монархического лозунга»¹².

Более того, монархические взгляды Михаила Васильевича в конечном счете разделялись и его ближайшими соратниками, и, конечно, не о себе одном говорил Алексеев, излагая позицию ее Командования: «... Руководящие деятели армии сознают, что нормальным ходом событий Россия должна подойти к восстановлению монархии, конечно, с теми поправками, кои необходимы для облегчения гигантской работы по управлению для одного лица... Так думают почти все офицерские элементы, входящие в состав Добровольческой армии, ревниво следящие за тем, чтобы руководители не уклонялись от этого основного принципа».

«Как Командный состав, так и большинство офицеров в армии – монархисты конституционалисты, – отмечал в секретной ориентировке для представителей Армии на местах и ее начальник Штаба, генерал И. П. Романовский, сам облыжно ославленный врагами «социалистом» и даже «масоном», – но армия не может носить никакой партийной окраски и потому под единый развевающийся над ней трехцветный флаг принимаются все любящие свою Родину и желающие ей служить, независимо от их политической платформы...» Однако

¹² Ознакомившись позже с этим документом, М. В. Алексеев написал на нем: «Много перепутано из моих слов», – но что конкретно, не отметил. В любом случае, общее настроение беседы отчет должен передавать. – А. К.

не только «страха ради иудейска», дабы не дразнить демократических гусей, руководители Добровольческой Армии неоднократно в той или иной форме упоминали о «народном волеизъявлении». Что же в действительности скрывалось за этими словами?

Прежде всего, не могло быть и речи об Учредительном Собрании созыва 1917 года: слишком уж фарсовым и явно предпочитающим партийные программы – интересам России оказалось оно, чтобы вновь доверить ему судьбы Отечества. «В общем процессе революции идея Учредительного Собрания мало-помалу отходит назад, – писал Алексеев одному из своих подчиненных 5 июля 1918 года, – и устроение государственного порядка произойдет, повидимому, какими-то иными путями... Необходимо считаться с существующим положением вещей, и поэтому лозунг “Учредительное Собрание” надлежит признать ныне уже мало действительным для практической работы...» Как же в таком случае быть с «волеизъявлением»?

Ответ можно увидеть в отчете делегации «Союза бывших солдат города Таганрога», в начале июня отправленной в Добровольческую Армию «для выяснения вопроса об отношении вождей Армии к форме будущего государственного устройства России». **«Сначала нужно собрать Россию воедино, а затем говорить о формах государственного устройства»**¹³, – докладывали они своим товарищам. – При этом было высказано, что *народ в лице Армии, которая соберет Россию и восстановит в ней порядок*¹⁴, – скажет свое слово и об образе правления».

«В такой форме наверное не было сказано», – напишет некоторое время спустя на полях отчета генерал А. М. Драгомиров, один из ближайших сотрудников Алексеева и Деникина; однако в те дни, когда таганрогские «ходоки» заслушивали и запоминали высказывания Добровольческих вождей, – Драгомирова вообще не было в рядах Армии и свидетельство его потому не имеет большой силы. Что же касается сути столь обеспокоившей его формулировки, то она как раз представляется вполне правдоподобной: тяжело больная страна должна была пройти длительный период восстановления сил и в первую очередь – духовного здоровья, а до тех пор единственным гарантом стабильности обстановки могла мыслиться лишь сохранившая это здоровье, всесловная Добровольческая Армия – сама представлявшая собою, как в капле воды, отражение русского народа, всех его классов и социальных групп, и в этом качестве действительно способная выступать его представительницей («народ в лице Армии»). Поэтому приходится считать, что на переходный период генералами, явно или неявно, планировалась военная диктатура, которая должна была подготовить путь к восстановлению монархии¹⁵.

Однако все это оставалось в частных беседах или секретной переписке, для всеобщего же сведения объявлялось о «народоправстве» и «Учредительном Собрании». И естественно, что такие лозунги не могли не вызывать во многих кругах беспокойства, выразителем которого стал один из лучших военачальников мировой войны, генерал граф Ф. А. Келлер.

«Объединение России великое дело, – писал он 20 июля Алексееву, – но такой лозунг слишком неопределенен, и каждый даже ваш доброволец чувствует в нем что-то недосказанное, так [как] каждый человек понимает, что собрать и объединить рассыпавшееся можно только к одному определенному месту или лицу, Вы же об этом лице, которое может быть только прирожденный законный Государь, умалчиваете...

¹³ Подчеркнуто в первоисточнике. – А. К.

¹⁴ Курсив наш. – А. К.

¹⁵ Подчеркнем, что само по себе понятие диктатуры далеко не предполагает непрямого установления террористического или тоталитарного режима, с чем его обычно связывает недобросовестная либеральная или социалистическая риторика. – А. К.

Я верю, что если Вы это объявите, то не может быть сомнения в твердости и непоколебимости такого Вашего решения, и верю в то, что Алексеев мог заблуждаться, но на обман не пойдет».

Обсуждение роли Алексеева в отречении Императора Николая II, что явно имел в виду Келлер, должно было больно ранить Михаила Васильевича, тем более что аргументация необходимости провозглашения монархического лозунга – Государь как оплот единства Державы – полностью соответствовала его собственным взглядам. Два генерала расходились между собою, в сущности, лишь в методах – в сроках открытого исповедания своей веры¹⁶, – и здесь Келлеру не удалось переубедить создателя Добровольческой Армии. В то же время «торопливость» графа («время не ждет») была следствием не только его принципиального и поистине рыцарственного монархизма, но и соображений сугубо прагматических, сиюминутных – опасений разыгрывания монархической карты... противниками России по Великой войне.

Оккупация германо-австрийскими войсками громадных территорий Прибалтики, Белоруссии, Малороссии и Новороссии стала закономерным результатом революционного развала русской армии и подрывной антигосударственной работы левых элементов, которых в 1917 году не смогли остановить ни Алексеев, ни Корнилов. Продолжая политику «разделяй и властвуй», немцы теперь подкармливали марионеточные и оттого не страшные им партии и «армии», провокационно использующие монархические лозунги самого крайнего толка, – и это, а также сохраняющийся германо-большевицкий альянс и традиционная поддержка Центральными Державами любых сепаратистов – расчленителей России, не в меньшей степени, чем слово, данное Государем Императором союзникам по Антанте, заставляли Добровольческую Армию – наследницу Армии Императорской – считать мировую войну не оконченной, а Германию, Австрию и Турцию – не просто политическими врагами, но и противниками на поле брани.

К счастью для Добровольцев, только что вернувшихся из тяжелейшего похода, изможденных, ведущих непрерывную борьбу против красных войск и не имеющих правильного снабжения, – они, неизбежно проигрывавшие в сравнении с относительно свежими, отвлекавшимися лишь на карательные операции оккупантами, были «отгорожены» от последних Областью Войска Донского, возглавлявший которое Атаман П. Н. Краснов, как и глава «Украинской Державы» Гетман П. П. Скоропадский, вел политику сосуществования и даже сотрудничества с немцами. Впрочем, камнем преткновения для различных «ориентаций» («союзнической» или «германской») в русском антибольшевицком лагере становилась не сама вынужденная необходимость сосуществования, а ее формы, в дипломатических мероприятиях Краснова и Скоропадского переходившие все границы и слишком тесно призывавшие Дон и Украину к боевой колеснице Германии.

«– Нам известно, что вы ведете переговоры с гетманом и его правительством, – говорил генерал Алексеев руководителям Кубанского Казачьего Войска. – За гетманом стоят немцы. Мы с ними говорить не можем. У вас руки свободнее. Если можно что-либо получить для общей пользы от Украины, берите. Но если с этим будет связана измена Родине, то... смотрите!..»

Голос Алексеева окреп, глаза загорелись:

– Россия будет жить... Перед всеми верными своими сынами она в долгу не остается... поймет, что было сделано как неизбежное. Но измены, совершенной в этот страшный час, она не забудет...

¹⁶ Сейчас получает распространение формулировка «граф Келлер отказался от сомнительной чести служить в Добровольческой Армии». На самом же деле старый воин, будучи искренним и горячим патриотом, прекрасно понимал великую роль, которую играли в защите чести России Добровольческая Армия и ее доблестные вожди. Честь находиться с нею в одном ряду отнюдь не была для графа Келлера «сомнительной». – А. К.

*Постучал сухим пальцем о край стола, сделал небольшую паузу:
– И я, если буду жив, и я вам этого не забуду».*

И неудивительно поэтому, что на вопрос: «А если ваша армия соприкоснется с германскими войсками, что вы будете делать?» – старый генерал ответил: «Я уже отдал приказ не уклоняться в таком случае от боя». Упомянутое же выше неравенство сил заставляло уже в конце июля обсуждать возможность *партизанских действий* против оккупантов.

«Весь край (в первую очередь имелась в виду «Украинская Держава», уже покрытая сетью полу-конспиративных «Центров Добровольческой Армии». – *А. К.*) делится на районы. Районы – на отделы... Партизаны должны быть подвижными, строго дисциплинированными... Вся работа партизан должна идти по строгой системе и проводиться умело. Иначе край только zalьется кровью... Работа партизан должна быть направлена как на уничтожение живой силы противника, так и на уничтожение его складов, на затруднение его передвижений. Отвлечение сил противника от Западного фронта – вот основная задача партизан», – излагал собеседник Алексеева содержание разговора с ним. Подобные инструкции неоднократно повторялись и впоследствии; так, 7 сентября генерал писал своему представителю в Таганрог: «До меня доходят сведения об усилении в населении неприязненного отношения к немцам... Следует обратить самое серьезное внимание на использование этого настроения в смысле подготовки партизанской войны к тому времени, когда начало ее будет мною признано полезным. В случае неполучения от меня указаний, сигналом для начала партизанской войны будет открытие немцами военных действий против Добр[овольческой] Армии или Волжского фронта». И мысль о том, что Добровольческая Армия не должна отделять себя от стихийных народных выступлений, вообще, кажется, была распространена в окружении Алексеева. Один из его сотрудников в поданном 13 сентября докладе специально отмечал: «...Добр[овольческой] Армии необходимо взять в свои руки нарождающееся народное движение на Украине и в Советской России. *В этом смысле уже посланы общие инструкции по центрам*¹⁷».

Сделать этого не удалось, но важны сами тенденции, пути, на которых искали Белые вожди ответа на вопросы, поставленные России историей. Идея же широкого фронта имела для них смысл не только социальный (объединение всех слоев населения на основе «пробуждающегося национального сознания»), но и географический: целью становилось восстановление Восточного фронта мировой войны, направленного против как немцев, так и их союзников большевиков. Алексеев не раз обращает взоры к северу, считая необходимым перенос операций с Кубани на Царицынское направление уже к концу лета. Упорное сопротивление «Красной Армии Северного Кавказа», возглавляемой талантливым тактиком-самородком, бывшим офицером И. Л. Сорокиным, затянуло боевые действия на этом театре, но и в начале осени генерал по-прежнему пишет: «Операции на Кубани надлежит считать частной задачей, главная же – скорейший выход к северу и объединение всех элементов борьбы (в том же документе в качестве таковых им назывались «[фронты] Чехо-Словацкий, Западно-Сибирский и Фронт Учр[едительного] Собрания». – *А. К.*) в одну Армию».

Летом 1918 года М. В. Алексеев даже принял предложение союзных миссий «взять на себя командование Волжским фронтом», подчеркивая при этом, что «самостоятельность должна быть поставлена основным требованием будущей организации управления, и без ясно и определенно выработанных условий, прибытие [на Волгу] не только мое, но и всякого другого лица, будет **бесполезным**¹⁸»; очевидно, и здесь нашли отражение представления генерала о необходимости диктатуры в той или иной форме. Надо сказать, однако, что, по нашему мнению, стремление Михаила Васильевича на Волгу было вызвано соображени-

¹⁷ Курсив наш. – *А. К.*

¹⁸ Подчеркнуто М. В. Алексеевым. – *А. К.*

ями не только стратегическими, но и личными – связанными с тем положением, которое он занимал на Юге России в последние полгода своей жизни.

* * *

«Генерал Алексеев сохранил за собою общее политическое руководство, внешние сношения и финансы, я – верховное управление армией и командование, – рассказывает генерал Деникин. – За все время нашего совместного руководства этот порядок не только не нарушался фактически, но между нами не было ни разуразговора, ни предел компетенции нашей власти¹⁹. Этим обстоятельством определяется всецело характер наших взаимоотношений и мера взаимного доверия, допускавшая такой своеобразный дуализм». Однако не все было так радужно: на практике создавался не столько «дуализм», сколько «двоевластие», а поскольку Алексеев, разумеется, не мог и не желал допускать двоевластия в управление войсками – его собственные prerogatives должны были сокращаться даже вопреки высокому положению генерала и его непререкаемому авторитету. Даже титул, присвоенный Михаилу Васильевичу – «Верховный Руководитель Добровольческой Армии», – был придуман несколькими молодыми офицерами из его окружения, не пользовавшимися большим весом. Всем этим и могли стимулироваться интерес Алексеева к «переговорам о создании общерусской власти за Волгой» и стремление туда.

На Востоке России и в самом деле шли активные переговоры о созыве нового Государственного Сопровождающего, которое смогло бы, представляя все антибольшевицкие силы страны, сконструировать всероссийскую власть. Но «Уфимское Сопровождающее», начавшее работу 26 августа, оказалось еще одной социалистической попыткой перехватить власть; Добровольческой же Армии было просто отказано в представительстве на нем... После этого состоявшееся 10 сентября избрание генерала-от-инфантерии М. В. Алексева в состав утвержденной Уфимским Сопровождающим «Директории» в качестве... «персонального заместителя» руководившего борьбой на Восточном фронте генерала В. Г. Болдырева, чьи заслуги и авторитет были несравнимы с алексеевскими, тоже выглядело по меньшей мере бестактностью, сам же Михаил Васильевич, очевидно, никогда не принял бы такого поста, ибо новообразованная «Всероссийская Верховная Власть» объявлялась подчиненной Учредительному Собранию образца 1917 года, отношению к которому Верховного Руководителя Добровольческой Армии нам хорошо знакомо. Впрочем, известия об этом уже не застали генерала в живых, лишь оставив у его соратников впечатление чего-то «несколько нескромного и обидного в отношении его памяти». Однако, не зная о готовящемся в Уфе, Михаил Васильевич в последние два месяца своей жизни собирался отправиться туда, «как только явится возможность сколько-нибудь верного способа сообщения и когда состояние его здоровья позволит ему совершить путешествие».

Незадолго до этого, в августе, было разработано и утверждено Алексеевым «Положение об Особом Сопровождающем при Верховном Руководителе Добровольческой Армии» – законосовещательном органе, часто трактуемом как «правительство», «высший орган государственного управления» и проч. Однако этой точке зрения противоречит положение, при котором решения Сопровождающего были вообще «не обязательны для Верховного Руководителя или для Командующего Армией, кои могут принять и самостоятельное решение и дать ему силу закона». Через месяц в порядке доработки Положения было составлено «Временное положение об управлении областями, занимаемыми Добровольческой Армией», вручавшее «всю полноту государственной власти в областях, занимаемых Д[обровольческой] А[рмией]... В[ерховному] Р[уководителю] Д[обровольческой] А[рмии] (Главкомандующему

¹⁹ Всяду в цитате – разрядка А. И. Деникина. – А. К.

Д[обровольческой] А[рмией])» и фактически определявшее его права – по нормам Российской Империи – как промежуточные между Верховным Главнокомандующим (в военное время) и Самодержцем, закрепляя тем самым принцип диктатуры.

В то же время следует отметить, что «Временное положение» по-прежнему не только не конкретизировало и не предрешало грядущего государственного устройства, но и не упоминало механизма создания общероссийской государственности: будучи «Временным» по наименованию, оно не указывало путей перехода к «постоянному», ни разу не говоря об «Учредительном», «Национальном Собрании» или чем-либо подобном – очевидно, оставляемом лишь для речей и деклараций, – равно как и о подотчетности Верховного Руководителя чему-либо или кому-либо теперь или в будущем. Такое «красноречивое умолчание» может служить косвенным свидетельством в пользу существования планов сохранения военной «национальной диктатуры» на переходный период, пока обстановка в освобожденной от большевиков России не стабилизируется.

По-прежнему основополагающим и самым определенным оставался лишь принцип территориальной целостности Державы. И, наверное, не случайно и знаменательно, что последнее в жизни генерала Алексеева «участие в государственной работе» (выражение Деникина) было по-прежнему связано с противодействием германской экспансии и защитой единства России.

12–13 сентября в Екатеринодаре под председательством Михаила Васильевича прошли переговоры с представителями «самоопределившейся» под германским протекторатом Грузинской Республики. Генерал «словами резкими, не облеченными в дипломатические формы... нарисовал картину тяжелого и унижительного положения русских людей на территории Грузии, расхищения русского государственного достояния, вторжения и оккупации грузинами, совместно с немцами, [части] Черноморской губернии»... По воспоминаниям одного из его сотрудников, взволнованный, негодующий, разгоряченный Алексеев вышел в соседнюю комнату, выпил стакан холодной воды... и на следующий день свалился с воспалением легких, которого его старый организм уже не перенес.

25 сентября 1918 года генерал Деникин в приказе Добровольческой Армии писал:

«Сегодня окончил свою – полную подвига, самоотвержения и страдания жизнь Генерал Михаил Васильевич Алексеев.

Семейные радости, душевный покой, все стороны личной жизни он принес в жертву служения Отчизне...

И решимость Добровольческой Армии продолжать его жертвенный путь до конца – пусть будет дорогим венком на свежую могилу сбирателя Русской Земли».

Праху Михаила Васильевича недолго доведется почивать в усыпальнице екатеринодарского собора. Пройдет чуть более года, и отступающие Белые воины, спасая не только живых, но и мертвых, перенесут его останки в Сербию, где на белградском кладбище под Православным крестом с одним только словом «Михаил» и поныне покоится создатель Добровольческой Армии. А тогда, в 1918 году, отец Георгий Шавельский, напоминая, что в день смерти генерала Православная Церковь чтит память Преподобного Сергия Радонежского, говорил, что «спасший русский народ от страшной татарщины преподобный Сергий своим небесным светом будет освещать и уяснять великий земной подвиг Михаила Васильевича, положившего начало спасению России от большевистской бесовщины. И в этом первый памятник и великая награда для его глубоко веровавшего бессмертного духа».

* * *

Осенью 1920 года, в дни эвакуации Крыма, Россию покинула чудотворная икона Знамения Божией Матери «Курская-Коренная», с конца XII века осенявшая Русь. Отныне

Заступница избирала Себе новый удел – «Одигитрии Русского Зарубежья», Путеводительницы лишенных земного Отечества русских людей, которым оставалось теперь только Отечество Небесное. Икона отплывала к «чужим берегам» на флагмане русского Белого Флота – громадном дредноуте, как бы нарочно выбранном для Святой ноши.

Этот корабль назывался «Генерал Алексеев».

А. С. Кручинин

Генерал-от-кавалерии А. М. Каледин

В большинстве случаев из истории Первой мировой войны (или Великой, как называли ее тогда) вспоминают лишь два эпизода, две операции Российской Императорской Армии – катастрофическое поражение и блестящую победу. Но если разгром II-й армии генерала А. В. Самсонова в Восточной Пруссии в августе 1914 года по праву связывается прежде всего с именем ее неудачливого командующего, то «соавторами» сокрушительного прорыва австро-венгерских позиций, разыгравшегося на полях Галиции в мае-июне 1916-го, стала целая плеяда выдающихся русских военачальников, оказавшихся вычеркнутыми из памяти потомков. «Брусиловский прорыв» удержал в своем названии лишь имя Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, в то время как роль, сыгранная его подчиненными, была не меньшей, а может быть и большей, чем его собственная.

Столь печальное положение дел связано прежде всего с тем, что «забытые» всего лишь через год заняли непримиримую позицию по отношению к революции, разрушавшей Державу, которую они защищали, и Армию, славные полки которой водили в бои. И славнейшего и достойнейшего из этих людей, также выдвинувшегося вскоре в первые ряды зарождающегося Белого движения, чаще всего не знают даже по фамилии.

Здесь нет преувеличения, ибо фамилия генерала Алексея Максимовича Каледина обычно произносится неправильно – с ударением на среднем, а не на последнем слоге, как следовало бы. Наверное, мелочь, но и она в годы Смуты принимала «знаковый» характер, и о врагах генерала современник писал, подчеркивая произношение, что они стремились «покончить одним ударом с “гидрой контр-революции” и в первую очередь избавиться от Каледина (Калéдина – как неправильно называли его фамилию не-казаки)». Впрочем, отнюдь не только донцы – земляки генерала – верно ставили ударение; расположение его хорошо видно по белогвардейским стихам и песням, посвященным Алексею Максимовичу, причем диктовалось оно отнюдь не соображениями размера и рифмы. Да рифмы были и небогаты – чаще всего, быть может подсознательно для авторов, фамилию героя сопровождало одно и то же: «Каледи2н – один»...

Вольно или невольно, но даже в этой непритязательной рифмовке проявился глубокий внутренний смысл. Слишком часто остававшийся одиноким в жизни и оказавшийся одиноким в борьбе, самовольно ушедший на Божий суд под гнетом страшного морального груза, он – суровый и беззащитный, сказавший о себе: «Я пришел на Дон с честным именем, а уйду, быть может, с проклятием», до сих пор стоит особняком в той истории, которая пишется безжалостными победителями.

Светлый Атаман.

* * *

Алексей Максимович родился 12 октября 1861 года в станице Усть-Хоперской, на хуторе войскового старшины Максима Васильевича Каледина. «По заслугам отца его, Сотника Василия Прохорова Каледина», признанный в свое время дворянином Войска Донского, Максим Васильевич позаботился и о подтверждении дворянского звания своих детей: 11 мая 1870 года Войсковое депутатское собрание постановило «их, Василия, Алексея, Елену и Александру Максимовых Калединых... сопричислить к дворянскому роду деда их, Сотника Василия Прохорова Каледина». Надо сказать, что четверть века спустя подполковник Алексей Каледин, похоже, проявил равнодушие к разосланной дворянам Хоперского округа просьбе местного предводителя дворянства «озаботиться вписать себя и членов своих семейств в дворянскую родословную книгу Области [Войска Донского]»: в бумагах его после смерти, еще через двадцать с лишним лет, остался незаполненный анкетный бланк, прилагавшийся к письму предводителя.

Столь же равнодушен, по-видимому, был А. М. Каледин и к материальному достатку: скончавшийся в 1898 году Максим Васильевич завещал своим детям 400 десятин «удобной земли» в Хоперском округе, «при речке Бузулуке», однако наследство оставалось неразделенным вплоть до 1909 года, когда братья Каледины выделили, наконец, своей замужней сестре причитающуюся ей долю, собственные пай оставив по-прежнему в общем владении. «У него, я знаю, – говорил впоследствии об Алексее Максимовиче один из его ближайших сотрудников, – было 70 дес[ятин] (по завещанию – 90. – А. К.) отцовской земли, да и теми он не пользовался, отдавая их нуждавшейся сестре» (возможно, здесь имеется в виду не сестра, а вдова младшего из трех братьев Калединых, Мелетия, скоропостижно скончавшегося в 1908 году в чине штаб-ротмистра). Потом рассказывали, что Мелетий Максимович покончил с собой, ища в этом «семейное предрасположение» и разгадку самоубийства Атамана А. М. Каледина²⁰...

Но говорить о финале жизненного пути Атамана еще рано: слишком многое должно произойти, чтобы привести его к трагическому концу. Начало же этого пути, наверное, протекало достаточно безмятежно. Замкнутый и немногословный Каледин мало рассказывал о себе, и едва ли не единственный раз, уже в роковом для России 1917 году, во время поездки по северным округам Войска Донского, при виде родных мест у него сорвется при постороннем (мемуарист отметит, что Атаман «как бы думал вслух»): «Эти места все мне хорошо известны; каждый кустик, каждый камень знал я. Вот сейчас, переправившись через Дон, въедем в мою родную Усть-Хоперскую станицу. Вот здесь под Обрывом еще детьми мы играли, устраивали кровопролитные войны, нападали и защищались...»

На смену детским играм в войну пришла подготовка к настоящей военной службе: все трое братьев Калединых избрали эту стезю. Алексей окончил Михайловскую военную гимназию в Воронеже (бывший кадетский корпус), запомнившись однокашникам как хороший

²⁰ В литературе существует несколько вариантов родословной Калединых. Мы основываемся здесь на подлинных документах, хотя и наши сведения, скорее всего, являются неполными. – А. К.

ученик и надежный товарищ. По своему характеру, скорее флегматичному, он не был расположен к большинству мальчишеских шалостей, но из чувства товарищества обычно принимал в них участие в роли «часового», следя за приближением воспитателя и предупреждая друзей о грозящей опасности. И еще одно мемуарное свидетельство побуждает задуматься о душевных свойствах Алексея: при создании оркестра, вместо инструментов, пользовавшихся среди воспитанников понятной популярностью (барабаны, тарелки, геликон-бас), он выбрал для себя нежную и негромкую флейту...

Военную гимназию сменило 2-е военное Константиновское училище в Петербурге, куда Каледин поступил «юнкером рядового звания» неполных восемнадцати лет от роду. Станный для казака выбор пехотного училища – артиллерийским оно станет значительно позже – мог, по словам соученика Алексея, объясняться желанием «по окончании его опр[е- делить] свою дальнейшую деятельность». Решение было принято после того, как Каледин прошел полный курс училища (второй год – фельдфебелем), но вместо производства в офицеры перевелся на старший курс Михайловского артиллерийского, обучение в котором продолжалось три года. В офицеры он был произведен 7 августа 1882 года, выйдя в конную артиллерию Забайкальского Казачьего Войска. И этот выбор имел вполне прозаическое объяснение: «чтобы при устройстве на службу с первых же шагов не обременять родителей расходами на это благоустройство, что представлялось возможным ввиду того, что при отправлении на места в Сибирь по старым законам полагалось получение двойных прогонных денег, как бы на подъем», – свидетельствовал один из друзей Алексея Максимовича.

Впрочем, в Забайкальи молодой офицер пробыл недолго: по истечении обязательного срока службы в строю, в 1886 году сотник Каледин поступает в Николаевскую Академию Генерального Штаба и оканчивает ее в 1889-м, по первому разряду и с производством «за отличные успехи в науках» в подьесаулы. Будучи причислен к Генеральному Штабу, а через семь месяцев и переведен в него, Каледин шесть лет служит в приграничном Варшавском военном округе, среди других вопросов занимаясь организацией укрепленных районов на случай будущей войны. Современник рассказывал о памятном брелоке, подаренном Алексею Максимовичу сослуживцами – «на синей эмали, окаймленной золотым ободком, маленькие золотые звездочки»: «синее поле – укрепленный район, звездочки – крепости».

В Варшаве капитан Каледин встретил женщину, которая стала его женой, любовь которой, верная и преданная, доходящая до преклонения, озаряла его жизнь до самых последних дней, – Марию-Луизу Оллендорф, урожденную Ионер (она происходила из одного из франкоговорящих кантонов Швейцарии). Свадебным же путешествием для Алексея Максимовича и Марии Петровны (так будут называть ее, хотя в Православие она не перешла) станет дорога в Новочеркасск, куда Каледина переводят в 1895 году на заурядную тыловую должность в Войсковой Штаб Донского Казачьего Войска.

Служба там продолжается пять лет, после чего произведенный в подполковники, а затем и в полковники – «за отличие» – Каледин состоит «при управлении 64[-й] пехотной резервной бригады», в 1903–1906 годах возглавляет Новочеркасское казачье юнкерское училище и вновь возвращается в Войсковой Штаб, теперь на должность помощника его начальника. Но о Каледине помнят не только как об администраторе или военном педагоге: в 1910 году он – к этому времени уже генерал-майор, и тоже «за отличие по службе», – ни дня не командовавший полком (одно из редких исключений!), принимает бригаду 11-й кавалерийской дивизии, а 12 декабря 1912 года (всюду дюжина – не счастливое ли это предзнаменование?) назначается начальником кавдивизии – и тоже 12-й. С ней он выйдет на Великую войну, за три месяца до начала грозных европейских событий будучи произведен в генерал-лейтенанты, и эти полки прославят его имя – или это он своим руководством даст дивизии немеркнущую славу одной из лучших в Императорской Армии?

* * *

Первые недели войны стали для русской конницы весьма ответственными: она должна была, выдвигаясь вперед, скрыть от противника мобилизационное разворачивание основных сил, – и с этой задачей справилась блестяще. Эмигрантский историк отмечал, что для австро-венгерского командования «прошло вообще необнаруженным» сосредоточение всей VIII-й армии, которой суждено будет стяжать едва ли не самую громкую известность на Юго-Западном фронте и во всех вооруженных силах Империи.

«12-й кавалерийской дивизии – умереть. Умирать не сразу, а до вечера!» – гласил, как рассказывали, приказ командующего VIII-й армией генерала А. А. Брусилова, отданный Каледину в августовский день 1914 года, когда дивизия своим самопожертвованием вырвала остальные силы, и приказ этот многое говорит как о войсках, так и об их начальнике. За те бои Алексей Максимович был удостоен ордена Святого Георгия IV-й степени, а вскоре получил и Георгиевское Оружие – за участие в операции по взятию Львова, куда первыми вошли драгуны 12-й дивизии.

«Успех за успехом дал имя и дивизии, и ее начальнику, – писал впоследствии боевой товарищ Каледина генерал А. И. Деникин. – В победных реляциях Юго-западного фронта все чаще и чаще упоминались имена двух кавалерийских начальников, – только двух – конница в эту войну перестала быть “царицей поля сражения”, – графа Келлера и Каледина, одинаково храбрых, но совершенно противоположных по характеру: один пылкий, увлекающийся, иногда безрассудно, другой спокойный и упорный. Оба не посылали, а водили в бой свои войска. Но один делал это – вовсе не рисуясь, – это выходило само собой, – эффектно и красиво, как на батальных картинах старой школы, другой [–] просто, скромно и расчетливо. Войска обоим верили и за обоими шли».

«Знающий, честный, угрюмый, настойчивый, быть может упрямый», – таковы были первые впечатления многих об Алексее Максимовиче, и они вполне соответствовали действительности. Лишь изредка прорывался в нем глубоко скрытый темперамент – и тогда генерал мог приказать «пиками загонять» в бой дрогнувших казаков или, в исступлении схватившись за шашку, броситься на обозника, загромоздившего своей повозкой дорогу. Обычно же Каледин казался сухим и педантичным, порою даже мелочным, с излишней дотошностью углубляясь в компетенцию нижестоящих войсковых начальников и стесняя их самостоятельность (но как пригодится ему эта привычка делать чужую работу впоследствии, когда у него – Донского Атамана – не окажется достойных помощников!). И еще одна черта оставалась для большинства скрытой за внешней суровостью. Корреспондент, посетивший генерала в киевском лазарете – тот был ранен 16 февраля 1915 года, – записывает беседу с ним:

«...И расскажу вам один интересный эпизод, как однажды мои ахтырцы...»

Но тут произошло что-то неожиданное и непонятное... Генерал, говоривший до сих пор обо всем совершенно спокойно, вдруг заволновался, заворочался в кровати, и я увидел, как серые глаза его стали сразу влажны и оттуда – увы – скатились две слезы... Смущенный и растерянный, молча сидел я, не зная, что делать... Но генерал быстро оправился и сказал:

– Рана, нервы, – вот и слабость. Как только вспомню своих ахтырцев, тотчас же встают передо мною все три брата Панаевы²¹... Три рыцаря без страха и упрека. И вот...»

В истории остался еще один подобный случай, о котором Алексей Максимович писал жене: «Пойми мое состояние, когда я почувствовал, что разревусь...» Это было в конце 1915

²¹ Братья Борис, Гурий и Лев Панаевы – офицеры 12-го гусарского Ахтырского полка, в рядах которого доблестно сражались и один за другим погибли. – А. К.

года, на офицерском празднике, среди шума, тостов и чествований, неожиданно заставивших Каледина обратиться к боевым товарищам со словами горького предсказания.

«Он говорил офицерам про то, что война еще далека от конца, что она еще только начинается, – вспоминал очевидец. – Говорил про то, что главная тягота ее еще впереди, впереди бои бесконечно более тяжелые, чем те, что прошли, потери более кровавые, чем уже понесенные, и многих из тех, кто сейчас сидит в этой халупе, не станет.

Каледин говорил про работу и про победы, которые заслуживаются, которые надо заслужить. Говорил про войну и еще про что-то смутное, чего он сам не мог точно назвать и чего мы не могли в то время понять.

Каледин говорил, и чувствовалось, что он не знает, заслужит ли победу Россия, заслужит ли ее армия. Больше: что-то неуловимое, казалось, говорило о том, что он знает обратное, что отлетит победа, и надвинется на тех, кто не будет к тому времени зарыт в Галицийскую землю, нечто страшное и бесформенное».

Генерал предстал тогда перед офицерами «не бойцом, а учителем и почти что пророком», а незадолго до этого в его судьбе произошло еще одно событие, в котором можно усмотреть если и не пророчество, то бесспорно Промысел Божий: именно А. М. Каледин возглавил Георгиевскую Думу Юго-Западного фронта, 21 октября 1915 года присудившую орден Святого Георгия IV-й степени Императору Николаю II. Смысл этого удостоения остался непонятен многим как тогда, так и по сей день, несмотря даже на то, что Государь, лично возглавивший Свою Армию в ее тяжелую годину, через несколько лет мученической кончиной уподобился римскому военачальнику, бывшему не только Победоносцем, но и Великомучеником. Конечно, Алексей Максимович не мог такого предвидеть, но от этого не менее символичной остается именно такая связь Августейшего Верховного Главнокомандующего и Его полководца.

А служба генерала тем временем шла своим чередом. Из госпиталя он вернулся уже не на дивизию, а на корпус – буквально две с половиной недели Алексей Максимович возглавляет XLI-й, а с 5 июля 1915 года – XII-й армейский корпус, на этом посту заслужив орден Святого Георгия III-й степени. С легкой руки генерала Брусилова, ревнивого и пристрастного к своим подчиненным, укрепилось мнение, что Каледин во главе корпуса, а затем и VIII-й армии, командующим которой он был назначен 20 марта 1916 года на место возглавившего фронт Брусилова, значительно уступал по своим полководческим качествам Каледину – начальнику дивизии, боевому кавалерийскому генералу. Ему будут приписывать инертность и нерешительность, но лучшим возражением на это, наверное, станет роль Алексея Максимовича в наступлении, получившем в истории имя его начальника...

Главная заслуга Брусилова в «Брусиловском прорыве» имела небольшое отношение к собственно военным вопросам. Он, вообще не отличавшийся гражданским мужеством и принципиальностью, сумел проявить силу духа на совещании в Ставке Верховного Главнокомандующего, настояв на переходе в наступление вопреки неуверенной позиции других Главнокомандующих армиями фронтов. Однако достоинства самого наступательного плана на поверку оказываются весьма сомнительными: одновременное начало атак на нескольких участках (дабы противник не установил, какой является главным) имело стратегический смысл лишь в том случае, если бы русский полководец сумел скоординировать действия подчиненных ему армий, а при обозначившемся успехе – немедленно определить его место, организовать переброску туда резервов и развить победоносное наступление. Ничего этого у Брусилова не получилось, и из всего «Брусиловского наступления» самой яркой и славной страницей останутся лишь его первые дни (22–25 мая 1916 года) – сокрушительный прорыв вражеских позиций под Луцком. Луцкий же прорыв был всецело делом рук генерала Каледина.

Больше суток продолжалась артиллерийская подготовка на участке VIII-й армии, после чего поднялись в атаку ее корпуса. Оборона противника была смята, а войска – деморализованы и обращены в бегство. К вечеру 25 мая русские стрелки ворвались в Луцк. Более 44 000 пленных, 66 орудий, 150 пулеметов стали трофеями VIII-й армии за эти легендарные три дня. Однако генерал Брусилов не смог распорядиться успехом, приостановив наступление Каледина и предпочтя «выравнивать фронт». А две недели спустя, когда противник частично оправился и значительно усилил свою оборону на новых рубежах, директива Брусилова о возобновлении наступления развела силы VIII-й армии по расходящимся направлениям: после громкой победы в мае Главнокомандующий армиями фронта, очевидно, уверился в универсальности «удара растопыренной пятерней»...

Лето оказалось тяжелым и кровопролитным. Вновь и вновь гонит Брусилов, поддерживаемый Ставкой Верховного, русские корпуса в бессмысленные атаки на берегах реки Стохода. Меняются направления – на Владимир-Волынский, на Ковель и вновь на Владимир. Войска изнемогают, захлебываются кровью, теряют веру в успех. И все, что в этих условиях может сделать генерал Каледин – это вынести свой командный пункт на линию передовых окопов пехоты (неслыханный для командующего армией случай!), дабы быть вместе со своими солдатами в огне. Он уже «полный генерал» – генерал-от-кавалерии, за Луцкий прорыв, но это не окрыляет и не прибавляет сил. Может быть, что-то подобное смутно виделось ему в начале года, когда он писал домой: «Болит душа моя», «я по-прежнему не нахожу покоя душе...»

Но вот порыв противоборствующих армий иссякает, войска вновь закапываются в землю, душевная боль становится глуше, и лишь, в одиночестве гуляя по небольшому дворику у штаба армии (офицерской молодежи прозванному «тюремным»), повторял, должно быть, генерал Каледин фразу из старого своего письма:

«Наше положение военных, как положение почтовой лошади – умирать в оглоблях...»

Российская Императорская Армия «умирала в оглоблях». Напрягались последние силы, чтобы укрепить фронт, улучшить снабжение, подготовить войска к будущему весеннему наступлению, которое смогло бы, наконец, сломить сопротивление противника и победоносно завершить войну.

А весной наступила революция.

* * *

«Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую, – говорил летом 1917 года генерал Деникин. – Это не верно. Армию развалили другие, а большевики – лишь поганые черви, которые завелись в гнойниках армейского организма.

Развалило армию военное законодательство последних 4-х месяцев. Развалили лица, по обидной иронии судьбы, быть может честные и идейные, но совершенно не понимающие жизни, быта армии, не знающие исторических законов ее существования...»

Диагноз был поставлен точно. Русскую Армию разложил не Октябрь, а Февраль; не анархическое движение «снизу», а директивы, пришедшие «сверху», – в первую очередь «Приказ № 1» самозванного (никем не избранного) Петроградского Совета и «Декларация прав солдата», объявленная Временным Правительством – не менее самозванным и неоспоримо разделяющим с Совдепом ответственность за конечное крушение фронта. Приказ, проникнутый недоверием к командному составу Армии, ставил офицерство под пристальный и практически всегда враждебный контроль со стороны солдатских комитетов; декларация, подрывая основы воинской дисциплины, этики и правил поведения отменой чинопочитания, отдания чести и т. д., провозглашала допустимость в рядах войск «политических, наци-

ональных, религиозных, экономических или профессиональных организаций, обществ или союзов», тем самым разрушая монолит воюющей Армии. И горше всего было то, что не только среди офицерства, в том числе и кадрового, но и генералитета нашлось немало людей, из карьерных соображений или же в угаре «революционной романтики» присоединившихся к силам, на их глазах разрушавшим Русское Воинство.

В этих условиях одни предпочитали плыть по течению, другие, оставаясь на своем посту, пытались сделать хоть что-нибудь в тщетных надеждах спасти разваливающуюся Армию; третьи – из тех, кто мог сломаться, но не согнуться, – просто уходили. Ушел и генерал Каледин.

Фактическому удалению Алексея Максимовича из Армии (формально – зачисление в Военный Совет, с 29 апреля) предшествовал конфликт не только с комитетами («Он резко отвернулся от революционных учреждений и еще глубже ушел в себя. Комитеты выразили протест...» – вспоминал А. И. Деникин), но и с Главнокомандующим армиями фронта: несколько месяцев спустя Каледин кратко упомянет, что «ушел из-за Брусилова, который, по его мнению, чересчур о[т]пустил поводья армии», Брусилов же в середине апреля заявил Верховному Главнокомандующему: «Каледин... не понимает духа времени. Его необходимо убрать».

Приехав ненадолго в столицу, генерал поневоле оказался в гуще политических слухов и сплетен, среди которых были и затрагивающие непосредственно его как возможного кандидата в Донские Атаманы. Очевидец так описывает мимолетный разговор перед отъездом Каледина на Дон:

«– Известно ли вашему высокопревосходительству, – обращается к Алексею Максимовичу присутствующий в этой же комнате молодой полковник²², – что донские общественные деятели выдвигают вас на пост войскового атамана?..

– Знаю, слышал, писали.

И, нервно подергивая согнутой в локте рукой, генерал быстро начинает шагать по комнате. В полумраке двигаются два светлых пятна.

– Могут ли донцы надеяться, что вы согласитесь?..

– Никогда!..

И еще быстрее в темной комнате мелькают георгиевские кресты.

– Но, ваше высокопревосходительство, не мне вам это говорить, вы должны отдать себя казакам, ибо кто, как не вы, в такое трагическое время поведет донской народ?..

– Народ!? Вы говорите, народ?!

И генерал останавливается.

– Донским казакам я готов отдать жизнь, но то, что будет – это будет не народ; будут советы, комитеты, советики, комитетики. Пользы быть не может. Пусть идут другие. Я – никогда!..»

Каледин прекрасно отдавал себе отчет, что могло ожидать нового Войскового Атамана: наступившие времена грозили не только возложить на него величайшую, небывалую прежде ответственность, но и одновременно отнять все возможности для реального выполнения долга.

Поддержку в своем нежелании участвовать в политической жизни нашел Алексей Максимович и у своей супруги, – правда, соображения Марии Петровны были несколько иными. Боготворившая мужа, она протестовала против выставления его кандидатуры, по свидетельству современника, «очевидно, недоумеая, как может генерал Каледин быть всего только... донским атаманом».

²² Возможно, сам автор рассказа, полковник А. Гуцин. – А. К.

И, может быть, она и была права, «считая Дон недостойным иметь своим атаманом А. М. Каледина»...

* * *

Каледин вообще не собирался задерживаться на Дону надолго. Он хотел проследовать в Кисловодск на отдых и лечение, но бурная жизнь казачьей столицы – Новочеркаска – если и не захватила его, то по крайней мере заставила остановиться и повнимательнее приглядеться к происходящему.

Как и вся Россия, Дон остался без единой, настоящей власти. Все началось поздним вечером 2 марта, когда под влиянием смутных известий из Петрограда был создан «Донской Исполнительный Комитет», а уже около часа ночи на его заседание ворвался взъерошенный есаул Голубов, крича о стремлении офицеров Новочеркасского гарнизона «присоединиться к революционному движению» и сразу же внеся в разворачивающиеся события тот дух неразберихи, скандала и бунта, который в течение всего следующего года будет повсюду сопровождать этого странного человека.

А. М. Каледин осматривает корпусной авиационный отряд. 1915

Николай Матвеевич Голубов был фигурой далеко не заурядной. Боевой офицер, прославившийся своей лихостью и отвагой еще на Русско-Японской войне, он тогда же заработал и репутацию скандалиста и бунтаря. Покинув после одного из скандалов службу, Голубов вернулся в ряды армии с началом мировой войны, действительно героически сражаясь с германцами. После Февраля он сразу развернулся, став глашатаем и вожаком крайнего революционного течения. «Умственно ограниченный, неспособный связно говорить, с психологией ватажника, “сарынь на кичку” времен Стеньки Разина, храбрый до наглости – он, захлебываясь злобными криками, подлаживался под настроение черни – захватывал толпу...» – в этой характеристике, данной Голубову современником и очевидцем событий, явно чувствуется личная ненависть, однако здесь немало и правды. Напрасно было бы искать в поведении Голубова в эти дни какой-либо логики, последовательно выбранной линии поведения:

единственным, пожалуй, неизменным, что владело помыслами и чувствами «ватажника», была страстная мечта – стать Донским Атаманом²³.

Но в Атаманы Голубов не попал. Был ли он недостаточно «интеллигентен» или чересчур напорист, только власть явно ускользала из его рук, и это решительно отбросило Голубова в оппозиционный лагерь, обратив бурную энергию вихрастого есаула во вред родному Дону (который он, наверное, по-своему все-таки любил) и возглавляющим Войско лицам, кем бы эти лица ни являлись.

В этот период казачество внешне еще представляло собою единую массу, хотя единство это и оказалось недолговечным. Что касается взглядов на роль и личность будущего Войскового Атамана, то здесь определенности, кажется, было немного: по-настоящему переживала, волновалась и вкладывала в возрождение традиции особый смысл, – пожалуй, лишь сравнительно небольшая группа романтически влюбленной в казачью старину войсковой интеллигенции, самым ярким представителем которой был «Донской Златоуст», директор Каменской общественной гимназии, 35-летний историк М. П. Богаевский. Он и председательствовал на Большом Войсковом Круге, заседания которого открылись 26 мая 1917 года. Круг должен был рассмотреть ряд важных вопросов землепользования, управления и самоуправления в Области, несения казаками военной службы и др., но одной из ключевых проблем оставались выборы Атамана, – а единства по этому вопросу отнюдь не было. Более двадцати кандидатур, ни одна из которых не могла собрать подавляющего перевеса голосов, заставляли опасаться борьбы неудовлетворенных самолюбий и различных «ориентаций». Понятно поэтому, в чем была причина радости Богаевского, одно из заседаний президиума Круга открывшего словами: «Извините, господа, за опоздание... знаете, у кого я задержался? Приехал генерал Каледин... Вот человек, около которого объединятся Донцы».

Круг действительно встретил генерала, выступившего с кратким приветствием, бурными овациями. Сам же Каледин, продолжая по-прежнему расценивать себя на Круге как «гостя», по свидетельству Богаевского, «абсолютно никакого участия в делах не принимал», и сломить его сопротивление руководству «парламента» оказалось едва ли не труднее, чем переубедить некоторых депутатов, волновавшихся, «как бы он нас не вернул к старому строю». 16 июня председатели всех окружных совещаний обратились к Алексею Максимовичу с просьбой баллотироваться, утверждая: «Долг его, как казака, обязывает его согласиться на баллотировку, ибо на нем – и ни на ком другом – может объединиться весь Дон». Убеденный, наконец, этими настояниями и поверив в возможность реальной и плодотворной работы на благо родного Дона и России, Алексей Максимович выразил согласие и на следующий день был избран подавляющим большинством голосов (свыше шестисот из семисот двадцати).

«Ему поверили оттого, что это был не только генерал с громкой боевой славой, но и безусловно умный и безукоризненно честный человек, – писал впоследствии М. П. Богаевский, сам избранный товарищем (заместителем) Атамана. – Его программа, конечно, не могла иначе определиться, как программа старого казака, да к тому же и военного – служилого». Однако краткая речь генерала, произнесенная после вступления в должность, не содержала в себе ничего специфически «казачьего» или «военного». Склонив голову, тихим голосом новый Атаман сказал:

«В течение последнего месяца, беседуя со многими лицами, я слышал ото всех одно пожелание: чтобы поскорее были созданы условия для спокойной жизни, чтобы труд всех и каждого приносил бы пользу всей стране, чтобы свобода личности была действительно,

²³ Несмотря на свое бунтарство, Голубов вскоре был произведен в следующий чин – войскового старшины – и с гордостью надел новые погоны. – А. К.

а не только на бумаге, ограждена от всех посягательств. Этим вопросом придется заняться в первую очередь.

Не опускайте рук перед насильниками».

А некоторое время спустя, во время принесения поздравлений, седобородый казак, подойдя к Алексею Максимовичу, дал ему более важный, чем все другие, «наказ»: «Смотри, не измени, Атаман...»

«Себе не изменю, станичник», – отвечал генерал, и в словах этих не было ни капли позерства. Каледин теперь не отделял себя от своего поста, от долга перед Отечеством и избравшими его казаками, от Тихого Дона, которому с этой минуты были отданы все его помыслы, все его чувства, вся его жизнь. Отныне Атаман Каледин был и перед внешним миром неразрывен с Доном, становясь единственным выразителем позиций, чаяний и устремлений Донского казачества.

Да, пожалуй, и не только его.

* * *

Быть может, генерал Каледин и хотел бы в своей деятельности замкнуться исключительно на делах и заботах своего Войска. Однако в силу как положения Дона – «старшего брата» среди других войск, так и личных качеств его Атамана, фигура Каледина начинает быстро перерастать донские рамки, и он теперь просто вынужден пристально вглядываться в происходящее «углубление революции», уже вылившееся в попытку большевицкого переворота 3–4 июля в Петрограде. «Большевизм страшно опасен, – говорил после ее подавления Алексей Максимович. – ... Казак слишком общественно-развит, чтобы поверить в несбыточные обещания Ленина; но все же против большевизма и на Дону следует немедленно принять меры: слишком он притягателен для масс, и кто знает, как пойдут события дальше и у нас на Дону». В той ситуации, которая складывалась в России, явственно назревала необходимость в звучном и сильном слове всего казачества – быть может, одной из последних надежд гибнущей Державы. И неудивительно, что трибуном его и глашатаем стал самый известный и самый авторитетный из казачьих Атаманов – генерал Каледин.

Это произошло на так называемом «Государственном Совещании», состоявшемся в Москве 12–15 августа 1917 года. Там Атаман, по его собственным словам, надеялся «ознакомиться с политическими и общественными слоями, с которыми я раньше не сталкивался, работая в узкой сфере военных интересов». На «предварительном совещании» он убедился, что в общественно-политических кругах есть и группа лиц, которых он мог бы считать своими единомышленниками, – имевших «одну цель – спасение родины», и еще большее единодушие нашел среди казачьих делегатов. В течение суток была выработана и единогласно принята «декларация казачьих войск», оглашение которой было, также единогласно, решено поручить Каледину. Но оглашению ее предшествовало совещание с Верховным Главнокомандующим, генералом Л. Г. Корниловым.

Корнилов прибыл в Москву из Ставки 13 августа, и в тот же день состоялось импровизированное совещание, на котором, в частности, были согласованы будущие выступления Корнилова и Каледина. После этого разговора в уже составленный текст «казачьей декларации» Атаманом была внесена единственная поправка: требование «полного упразднения армейских комитетов, соглашаясь лишь на сохранение полковых и ротных (сотенных) с функцией только хозяйственного свойства», что грозило ему всплеском ненависти со стороны «революционной демократии». На вопрос о причинах исправления Каледин отвечал, «что он только что вернулся от Л. Г. Корнилова, который прочитал ему проект своей речи на Государственном совещании, – в пункте о комитетах ген[ерал] Корнилов будет требовать ограничения деятельности армейских комитетов сферой хозяйственной, что Корнилов этим

и другими своими требованиями восстановит против себя крайних левых, а потому из тактических соображений, чтобы подкрепить Верховного Главнокомандующего, необходимы еще более радикальные требования, в свете которых требования ген[ерала] Корнилова покажутся умеренными и относительно приемлемыми».

Таким образом, Каледин сознательно пошел на увеличение одиозности своей фигуры в глазах левых кругов... а декларация, должно быть, уже могла почитаться исходящей не только от двенадцати Казачьих Войск, но и наиболее здоровой части Армии – ее офицерского корпуса и Главного Командования. Большевики впоследствии прямо утверждали, будто на Каледина «штабом Корнилова была возложена обязанность договорить то, что неудобно было сказать самому кандидату в диктаторы», хотя такая формулировка скорее всего и является тенденциозным преувеличением.

О впечатлении, произведенном речью Атамана на заседании 14 августа, свидетельствовал П. Н. Милюков, в своей академически-сдержанной «Истории второй русской революции» вдруг сбивающийся на неожиданно-лирический тон:

«Вдумчивая, медленная, сдержанно-страстная, без всякой внешней аффектации, эта речь гармонировала с задумчивостью глаз, затемненных густыми темными бровями, серьезностью прикрытого длинными усами рта, про который говорили, что он “никогда не смеется”, с виолончельным тембром слегка затуманенного голоса и со всей стройной, благородной фигурой оратора...»

Впрочем, вряд ли многие в зале в эти минуты любовались «благородством фигуры» Каледина или оценивали его голос с точки зрения меломана. Слишком горьки были слова генерала, и слишком взрывоопасными, по обстановке революционного времени, оказывались мысли декларации:

«...Казачество, стоящее на общенациональной государственной точке зрения и отмечая с глубокой скорбью существующий ныне в нашей внутренней государственной политике перевес частных классовых и партийных интересов над общими, приветствует решимость Временного правительства освободиться, наконец, в деле государственного управления и строительства от давления партийных и классовых организаций, вместе с другими причинами приведшего страну на край гибели...»

Служа верой и правдой новому строю, кровью своей запечатлев преданность порядку, спасению Родины и Армии, с полным презрением отбрасывая провокационные наветы на него, обвинения в реакции и контр-революции, казачество заявляет, что в минуты смертельной опасности для Родины, когда многие войсковые части, покрывая себя позором, забыли о России, оно не сойдет со своего исторического пути служения Родине с оружием в руках на полях битвы и внутри в борьбе с изменой и предательством...

Понимая революционность не в смысле братания с врагом, не в смысле самовольного оставления назначенных постов, неисполнения приказов, предъявления к правительству неисполнимых требований, преступного расхищения народного богатства, не в смысле полной необеспеченности личности и имущества граждан, грубого нарушения свободы слова, печати и собраний – казачество отбрасывает упреки в контр-революционности, казачество не знает ни трусов, ни измены и стремится установить действительные гарантии свободы и порядка. С глубокой скорбью, отмечая общее расстройство народного организма, расстройства в тылу и на фронте, развал дисциплины в войсках и отсутствие власти на местах, преступное разжигание вражды между классами, попустительство в деле расхищения государственной власти безответственными организациями как в центре, так и внутри, на местах, отмечая центробежное стремление групп и национальностей, грозное падение производительности труда, потрясения финансов, промышленности и транспорта, казачество призывает все живые силы страны к объединению, труду

и самопожертвованию во имя спасения Родины и укрепления демократического республиканского строя.

В глубоком убеждении, что в дни смертельной опасности для существования Родины все должно быть принесено в жертву, казачество полагает, что сохранение Родины требует прежде всего доведения войны до победного конца в полном единении с нашими союзниками. Этому основному условию следует подчинить всю жизнь страны и, следовательно, всю деятельность Временного правительства.

Только при этом условии правительство встретит полную поддержку казачества. Пораженцам не должно быть места в правительстве.

Для спасения Родины мы намечаем следующие главнейшие меры:

1) Армия должна быть вне политики: полное запрещение митингов и собраний с их партийной борьбой и распрями.

2) Все советы и комитеты должны быть упразднены как в армии, так и в тылу, кроме полковых, ротных, сотенных и батарейных, при строгом ограничении их прав и обязанностей областью хозяйственных распоряжений.

3) Декларация прав солдата должна быть пересмотрена и дополнена декларацией его обязанностей.

4) Дисциплина в армии должна быть поднята и укреплена самыми решительными мерами.

5) Тыл и фронт – единое целое, обеспечивающее боеспособность армии, и все меры, необходимые для укрепления дисциплины на фронте, должны быть применены и в тылу.

6) Дисциплинарные права начальствующих лиц должны быть восстановлены.

7) Вождям армии должна быть предоставлена полная мощь.

8) В грозный час тяжких испытаний на фронте и полного развала от внутренней политической и экономической разрухи страны, страну может спасти от окончательной гибели только действительно твердая власть, находящаяся в опытных, умелых руках лиц, не связанных узко-партийными, групповыми программами, свободных от необходимости после каждого шага оглядываться на всевозможные комитеты и советы, и отдающая себе ясный отчет в том, что источником суверенной государственной власти является воля всего народа, а не отдельных партий и групп.

9) Власть должна быть едина в центре и на местах. Расхищению государственной власти центральными и местными комитетами и советами должен быть немедленно и резко поставлен предел.

10) Россия должна быть единой. Всяким сепаратным стремлениям должен быть поставлен предел в самом зародыше.

11) В области государственного хозяйства необходимо: а) строжайшая экономия во всех областях государственной жизни, планомерно, строго и неумолимо проведенная до конца; б) безотлагательно привести в соответствие цены на предметы сельскохозяйственной и фабрично-заводской промышленности; в) безотлагательно ввести нормировку заработной платы, прибыли предпринимателей; г) немедленно приступить к разработке и проведению в жизнь закона о трудовой повинности; д) принять самые строгие действительные меры к прекращению подрыва производительности сельскохозяйственной промышленности, чрезвычайно страдающей от самочинных действий отдельных лиц и всевозможных комитетов, нарушающих твердый порядок в землепользовании и в арендных отношениях...

Мы обращаемся, наконец, к Временному правительству с призывом, чтобы в тяжелой борьбе, ведущейся Россией за свое существование, Временное правительство использовало весь народ государства Российского, все жизненные народные силы всех классов населения, и чтобы самый свой состав Временное правительство подчинило необходимости дать

России в эти тяжкие дни все, что может дать наша Родина по части энергии, знания, опыта, таланта, честности, любви и преданности интересам Отечества. Время слов прошло. Терпение народа истощается. Нужно делать великое дело спасения Родины!»

Генерал говорил со «спокойной сосредоточенной деловитостью», однако, несмотря на это внешнее спокойствие, – по воспоминаниям очевидца, «последние слова декларации... А. М. Каледин произнес звенящим голосом».

Конечный эффект речи оказался таким, какого опасались казачьи депутаты. Не имея реальной силы, она привлекла к Каледину повышенное внимание, оттенки которого варьировались от явной ненависти («революционная демократия») до подозрительности и нестроженности со стороны Правительства. А после того, как левые выпустили на трибуну есаула А. Нагаева, от имени «революционного казачества» выступившего с прямыми нападками на Донского Атамана, – по оценке наблюдателя, стало ясным, «что раскол в казачестве уже образовался. И неизвестно, до каких пределов дойдет этот раскол и куда пойдет большинство казачества...»

* * *

Практически сразу же по возвращении в Новочеркасск Алексей Максимович начал готовиться к новой поездке, на сей раз – по северным округам Донской Области. Причиной ее были поступавшие с Верхнего Дона «сведения о полном неурожае и, вместе с тем, о чрезвычайном развитии тайного винокурения»; планировал Атаман использовать посещение северных округов и для обсуждения с казаками вопроса о предстоящих выборах в Учредительное Собрание. Поездка началась 24 августа, а уже 29-го на полдороге Каледину передали срочную телеграмму из Новочеркасска, от М. П. Богаевского, сообщавшую о трагических событиях, разыгрывавшихся в Петрограде и Ставке Верховного Главнокомандующего и грозивших перекинуться на Дон, – начавшихся «Корниловских днях».

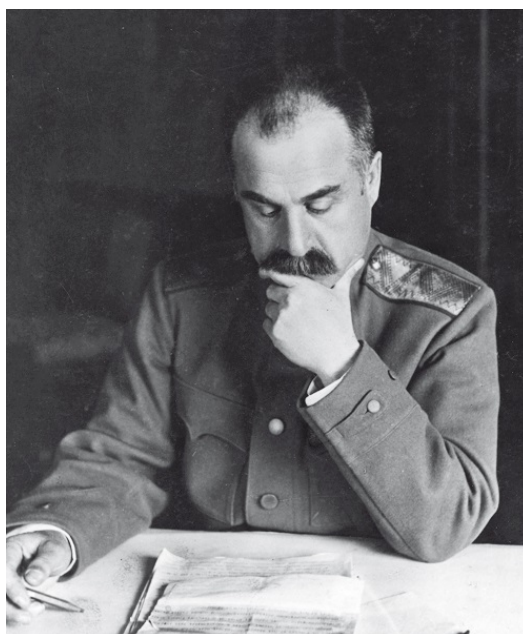
Даже если считать, что Каледин был знаком с окружавшими Корнилова слухами о «заговоре» и знал о готовности Верховного в случае выступления антигосударственных элементов подавить его вооруженной рукой, – говорить о реальной причастности Алексея Максимовича к каким бы то ни было «конспирациям» совершенно невозможно. В противном случае и поездка Атамана, фактически лишавшая его возможности управления Войском, не могла бы состояться в столь «жаркие» дни. Но теперь в полученной телеграмме говорилось об объявлении Корнилова вне закона, о необходимости присутствия Атамана в Новочеркасске и, очевидно, об угрозе, сгущавшейся над самим Алексеем Максимовичем. На него в это время уже была начата настоящая охота: утром 29-го из Петрограда на всю страну объявили, будто «от атамана казачьих войск²⁴ Каледина, по сообщению газет, правительством получена телеграмма о присоединении его к Корнилову. В случае, если правительство не договорится с Корниловым, Каледин грозит прервать сообщение Москвы с югом...»

В ближайших к Дону областях «в инициативном порядке» выносились резолюции о задержании «мятежника Каледина» (напомним, что в тех условиях любое «задержание» было чревато немедленным и зачастую зверским самосудом!). В Царицыне и Ростове собирались отряды, чтобы перехватить Атамана по дороге. В Ростове бушует Голубов («Русский народ возведет на эшафот офицерство, и это будет по заслугам!»), и вскоре он тоже бросится на поиски генерала, получив от Царицынского Совдепа «приказ» о своем назначении «атаманом вместо Каледина». Все преследователи, однако, вернулись ни с чем: Каледин благополучно добрался до Новочеркасска, хотя по дороге, по его собственным словам, он пережил самые «страшные и тревожные минуты».

²⁴ Так в первоисточнике. – А. К.

«...Когда я увидел красногвардейцев, – рассказывал Алексей Максимович, – то, признаюсь, не отнимал руки от револьвера. Нельзя сказать, чтобы я их трусил, но у меня было такое состояние, что за рубашкой, по спине, по груди и по всему телу ползли какие-то скользкие, холодные, отвратительные черви. Так мерзко было на душе, что вот эта гадость должна сцапать меня и удушить своими грязными щупальцами».

Вернувшись, наконец, в свою маленькую столицу, Алексей Максимович нашел там растерянное Войсковое Правительство и... телеграмму Керенского от 31 августа, объявлявшую Донского Атамана мятежником, отрешающую его от должности, предписывающую предать генерала суду и препроводить в Могилев: в ближайшие дни там начала работу Чрезвычайная следственная комиссия, которая, разумеется, должна была обратить особое внимание на выяснение обстоятельств «сговора» «мятежных генералов» Каледина и Корнилова и, возможно, была немало удивлена тем, что никаких свидетельств взаимодействия так и не было обнаружено.

А. М. Каледин в своем рабочем кабинете. 1916

Однако правительственная истерика продолжалась, а Керенский даже попытался запретить внеочередную сессию Большого Круга (созываемую М. П. Богаевским), отступив лишь после заявления, что «Каледина казачество не выдаст не только Временному Правительству, но и никому в мире»: воскресала старая казачья заповедь – «с Дона выдачи нет!». На тот же Круг был вызван и Голубов – оправдываться за свои выступления против Каледина.

Временному Правительству пришлось смириться: «суд» над Калединым превратился в триумф «подсудимого». Отвергнув обвинения в «заговоре» и отделении Дона от России (Каледин заявил себя противником даже федеративного государственного устройства), он в то же время мужественно заявил о сходстве своих взглядов со взглядами Корнилова, подчеркнув, как вспоминал современник, «что хотя он никакого участия в выступлении ген[ерала] Корнилова не принимал и о нем не знал, но если бы знал, то поддержал бы Корнилова всемерно, и готов нести полную ответственность как идейный соучастник». 10 сентября была принята резолюция, по отношению к Временному Правительству выдержанная в весьма резком тоне:

«Донскому Войску, а вместе с ним всему казачеству нанесено тяжкое оскорбление. Правительство, имевшее возможность по прямому проводу проверить нелепые слухи о Каледине, вместо этого предъявило ему обвинение в мятеже, мобилизовало два военных округа, Московский и Казанский, объявило на военном положении города, отстоящие на сотни верст от Дона, отрешило от должности и приказало арестовать избранника Войска на его собственной территории при посредстве вооруженных солдатских команд. Несмотря на требование Войскового Правительства, оно, однако, не представило никаких доказательств своих обвинений...

Ввиду всего этого Войсковой Круг объявляет, что дело о мятеже – провокация или плод расстроенного воображения».

Не менее важным вопросом для Круга стало осуждение Голубова. Нужно отдать бунтарю должное: он все-таки был казаком, «умел воровать, умел и ответ держать» и не побоялся явиться перед враждебным ему собранием. Как вспоминал современник, «Николай Голубов... обвинял Атамана Каледина в неправильной и опасной политике. Нельзя Дон противопоставлять революционной демократии... Он подчеркивал, что он казак и во имя интересов казачества он осуждает Каледина, который толкает казачество на тот путь, где казакам придется нести кровавые жертвы». Как станет вскоре ясно, незадачливый кандидат в Атаманы неплохо знал психологию казачества, особенно фронтового, и угадал ту аргументацию, которая оказывалась для него наиболее действенной.

От репрессий Голубова спас М. П. Богаевский, напомнивший Кругу, что нельзя карать за убеждения. Тем не менее осуждение «царицынского атамана» было столь же явным, как и триумф Атамана законного: общие выводы Войскового Круга оказались вполне определенными.

Каледин, в сущности, стал «корниловцем» уже после «корниловщины». Помимо гласного исповедания своей веры на Круге, он поддерживал и личную связь с «мятежными генералами», ведя с заключенным в Быхове Корниловым оживленную переписку. Переживая начавшееся в августе глубокое разочарование в широких слоях казачества, Алексей Максимович тем не менее лично был готов на любую помощь. А. И. Деникин вспоминал, что «письма его дышали глубоким пессимизмом и предостерегали от иллюзий», – и все же два генерала уже тогда в действительности, а не в кошмарах Керенского, встали рядом, готовясь противостоять той беде, которая приближалась с неизбежностью.

Последующий период стал крайне тяжелым для Алексея Максимовича, переживавшего период сомнений и разочарования почти что во всем. Ему действительно было очень трудно – решительному на поле брани, но совершенно не приемлющему переноса военных методов на почву гражданского строительства. Быть может, несколько преувеличивая эту черту, один из эмигрантских авторов позднее характеризовал Каледина как «смелого защитника и убежденного носителя гуманных начал и демократических идей», «непримиримого врага фанатизма и грубой, необузданной силы», – но, в сущности, не так уж важно, был или не был Атаман «убежденным носителем демократических идей». Он был кристально честным и предельно совестливым человеком, и именно это определяло характер его взаимоотношений с Кругом и Войсковым Правительством. Всегда памятуя о своей выборности и о том, что он призван к власти казачьим населением Области, Каледин считал себя просто обязанным принимать во внимание позицию выдвинутых казачеством Правительства и Круга, несмотря на то, что они в «эпоху Каледина» (это название возникнет спустя всего несколько месяцев) были подвержены колебаниям и не раз сковывали действия Атамана.

При первых же достоверных известиях об октябрьских событиях в Петрограде, «обсудивши положение, созданное произведенным большевиками государственным переворотом, Войсковой Атаман и Войсковое Правительство вынесли постановление о непризнании власти большевиков, находя, что власть эта, возникнув путем насильственного переворота,

не выражает воли страны, а осуществляет диктатуру одного рабочего класса (скоро станет ясно, что рабочий класс тут тоже ни при чем. – А. К.), а по поставленным себе задачам является гибельной как для России в целом, так и для казачества в особенности»; вскоре Донская Область была провозглашена «независимой впредь до образования общегосударственной всенародно признанной власти». Однако в те же дни проявилась и непоследовательность Правительства по отношению к приехавшему на Дон генералу М. В. Алексееву.

Скованный колебаниями и сомнениями своих сотрудников, Атаман, «познакомившись с планами Алексеева (о собирании сил для активного противодействия большевикам и австро-германцам. – А. К.) и выслушав просьбу “дать приют русскому офицерству”, ответил принципиальным сочувствием; но, считаясь с тем настроением, которое существует в области, просил Алексеева не задерживаться в Новочеркасске более недели и перенести свою деятельность куда-нибудь за пределы области...» Сыграли свою роль местные политики и при первой же попытке выдвинуть казачество и самого Каледина для решения общегосударственных задач.

В Атаманском дворце состоялось заседание, на котором «Атаман Каледин... высказал необходимость подачи помощи Москве» и заявил, «что находит поход на Москву необходимым». Однако этот план встретил бурю возражений сторонников временной самоизоляции казачьих территорий и собирания там «здоровых элементов» и сил, в том числе и военных. Каледин с Алексеевым остались в явном меньшинстве и уступили: должно быть, оба, каждый по-своему, надеялись на то, что казачьи области менее, чем остальные части летящей в пропасть России, окажутся подверженными разложению. Выборный Атаман Каледин и чужак, незваный и не больно-то желанный гость на Дону Алексеев – решили попытаться использовать те возможности, которые у них оставались, не усугубляя внутренних разногласий планами, не встречавшими ничьей поддержки.

Позднее Каледина обвиняли – и подчас в весьма резкой форме – в нерешительности и неуверенности проводимой им политики. Но, кроме чьего бы то ни было влияния, она может быть объяснена другим, неизмеримо важнейшим обстоятельством, которое хорошо понимал сам Атаман: для борьбы необходимы были силы.

Сил же не было никаких.

* * *

Правда, уже в октябре начинается полу-стихийное, но еще сохраняющее относительный порядок и воинскую организацию движение казачьих полков с фронта по домам; но уместен вопрос, в каком состоянии они возвращаются? «Перевозка шла трудно, – пишет современник, – по взбудораженной разваливающейся стране, по плохо работающим железным дорогам, с томительными пререканиями между полками и местными революционными комитетами на каждой узловой станции, с требованиями сдавать оружие», – и это не могло не оказывать деморализующего влияния на казаков. И не случайна сорвавшаяся у очевидца фраза: «казачьи полки были больны»...

В своих многодневных, иногда многонедельных путешествиях с фронта по домам казаки успевали хорошо прочувствовать страшную угрозу бесформенной и безликой, но почти всегда в ту пору разъяренной толпы, так что самым пронизательным в оценках настроений своих земляков оказался никто иной, как «ватажник» Голубов с его тезисом о недопустимости «противопоставления Дона революционной демократии». «Со всей Расеей нам бороться нельзя», – переводили это на более понятный язык простые станичники. И печально обронит современник: «Казачество умерло. Шаровары были на колоссе, у которого глиняные ноги, а голова угрожаемая по большевизму».

В силу всех этих причин Донское командование, состоявшее в тот момент фактически из одного Атамана, не имея сил, принуждено было вести заведомо проигрышную игру, переходя к обороне: оставалось огораживать Область цепью застав и пропускных пунктов и... ждать выздоровления казачества. А между тем в самом сердце «калединского Дона» – Ростове и Новочеркасске – были расквартированы запасные пехотные полки, давно уже превратившиеся в рассадник агитации и угроз. Дезорганизованные и буйные солдатские массы могли в любой момент выступить с оружием в руках, и сдерживало их пока лишь отсутствие единого руководящего центра и некоторая боязливая настороженность, все еще сохранявшаяся по отношению к казакам. К 20 ноября чаша терпения Войсковых властей, наконец, переполняется: Атаман Каледин принимает твердое решение разоружить запасных, но... не находит для этой цели никого, кроме конвойной сотни и юнкеров Новочеркасского военного училища. Нужно было обращаться за помощью к генералу Алексееву.

Супруги Каледины уже оказывали в частном порядке материальную помощь прибывавшим на Дон алексеевским добровольцам; в обход своего осторожного Правительства выдавал Атаман им и оружие, включая бронеавтомобили. Все это позволяло ему практически с первых дней существования «Алексеевской организации» рассчитывать на нее как на самостоятельную союзную, если не прямо подчиненную боевую силу. «Организация» решительно выступила для разоружения запасных – генерал Деникин писал: «Первый раз город увидел мерно и в порядке идущий офицерский отряд», – тем более что отобранные у солдат «винтовки и патроны, – свидетельствовал участник событий, – доставлялись в организацию подводами и автомобилями, каждый раз в мере, далеко превышавшей потребность наличного состава». Оставался, однако, не менее опасный Ростов.

Назначенный командующим войсками Ростовского района генерал Д. Н. Потоцкий сумел лишь арестовать Голубова, отправив его в Новочеркасс (там «ватажник» был посажен на гауптвахту). Четыре запасных пехотных полка на глазах становились из просто дезорганизованных – откровенно большевицкими, и генерал уже был вынужден в частных беседах признавать, что «при создавшемся положении ничего не сделаешь»...

Около трех часов пополудни 23 ноября к Ростову подошли вызванные на помощь местным Ревкомом черноморские корабли с десантными отрядами. Большевики определенно шли на развязывание вооруженной борьбы, в то время как Атаман и Правительство медлили с решительными мерами. Политика Новочеркасска в этот период вообще выглядит довольно уязвимой, хотя и считать ее совсем не имеющей оснований тоже не стоит. Хорошо осведомленный не только о событиях, но и об их подоплеке сотрудник Атамана так излагал впоследствии эти соображения:

«1) Находящиеся под рукой войска были в таком состоянии, что на них трудно было рассчитывать, других же частей вблизи не было, отдаленные же фронты обнажать было нельзя.

2) Инициатива выступления атамана без всякого повода со стороны большевиков могла усугубить недоброжелательство казачьих частей к походу, ибо подтвердила бы распускаемые большевиками слухи о беспричинных со стороны атамана репрессиях по отношению к большевикам.

3) Незначительный запас боевых припасов и оружия.

4) Многочисленный большевистски-настроенный ростовский гарнизон, численность которого с подозрительными элементами достигала до 20 тысяч.

5) Малочисленный состав добровольческой армии²⁵.

²⁵ Анахронизм: это название официально появится лишь после Рождества 1917 года. – А. К.

б) Угроза Викжеля²⁶ объявить забастовку в случае гражданской войны, что несомненно отразилось бы на экономическом состоянии страны.

Вот главнейшие причины, с которыми атаман считался как глава правительства. Неудача под Ростовом могла бы повлечь к другим неудачам и кончиться катастрофой, т. е. вторжением большевиков в Донскую область, а этого больше всего опасался атаман...

Но была еще одна причина, почему атаман не поднял первый меч, и эта причина опять-таки наиболее ярко характеризует его как человека.

– Хотя бы и против большевиков, но я первый не подниму руки – пусть они первые начнут, тогда я имею нравственное право сказать, что я защищался».

Позднее, на заседании Большого Круга, Каледин признается: «Нужно сказать, что к моменту начала военных действий отношения чрезвычайно обострились, но мы всеми силами старались оттягивать этот момент. Было страшно пролить первую кровь»...

25 ноября генерал Потоцкий объявил, «что Ростов с 22-го находится в состоянии гражданской войны». Слово было произнесено вслух, и с утра 26-го по всему городу уже вовсю шла стрельба. Подмоги из Новочеркасска, однако, не было в течение всего дня 26 ноября, что как будто говорило о растерянности Войсковых властей; пишущие об этом обычно и рисуют, вольно или невольно, неутешительную картину растерянного, бессильного и выпустившего из рук управление Атамана, потерявшего едва ли не целый день и в конце концов явившегося за спасением к Алексееву. По более авторитетному свидетельству, однако, все было совсем не так.

Начальник Полевого Штаба вспоминал год спустя, что первые известия о ростовском столкновении были получены в Новочеркасске той же ночью²⁷, и разбуженный Каледин немедленно распорядился созывать своих ближайших сотрудников.

«К 5 час[ам] утра в приемной собрались М. П. Богаевский, начальник войскового штаба полковн[ик] Араканцев, начальник полевого штаба полк[овник] Лисовой (автор воспоминаний. – А. К.), начальник гарнизона генер[ал] Корнеев, начальник новочерк[асского] казачьего военного училища генер[ал] Попов и др., которым атаманом и были прочитаны поступившие донесения, а затем, обращаясь к полковнику Л[исовому], [атаман] сказал – “Вот теперь давайте все, что у вас есть – немедленно грузиться на Ростов”, – и затем добавил: – “и попросите Мих[аила] Васил[ьевича], чтобы он возможно раньше зашел ко мне”.

В 8 час[ов] утра генерал Алексеев сидел уже в кабинете – были потребованы карты... и после часовой беседы генерал (неясно, который; по контексту похоже, что Алексеев: Каледин всюду именуется Атаманом. – А. К.) подтвердил, чтобы выступали все до единого человека!»

Таким образом, из рассказа начальника калединского Штаба следует, что Атаман был готов к открытию боевых действий, скорее всего ожидал именно такого развития событий и более того – должен был заранее принимать в расчет «Алексеевскую организацию», руководителя которой он немедленно приглашает к себе для составления диспозиции («были потребованы карты»), согласованной и утвержденной в течение часа, то есть, возможно, с учетом предыдущих совещаний: вместо расслабленного и неуверенного начальника перед нами (несмотря на «сумрачность», в общем обычную для Алексея Максимовича) предстает человек энергичный, деятельный, знающий, чего он хочет, и готовый решительно претворять свои планы в жизнь.

В ночь на 27 ноября из Новочеркасска на Ростов выступил первый отряд алексеевцев, однако в разыгравшемся на следующий день бою успеха он не добился ввиду численного

²⁶ Всероссийский Исполнительный Комитет железнодорожного профсоюза. – А. К.

²⁷ Мемуарист несколько путается в датах и событиях, но несомненно привязка этого эпизода к получению первых известий из Ростова. – А. К.

превосходства противника, тем более значимого, что из трехсот белогвардейских штыков значительную часть составляли необстрелянные юноши – юнкера и кадеты. Неладно было и в самом Ростове, где генерал Потоцкий продержался чуть более двух суток, но утром 28 ноября был выдан ревкомовцам оставшимися с ним казаками.

А тем временем Донской Атаман всеми силами старался мобилизовать Войско на борьбу. «...Наши части торговались: выступать или нет. Приходилось составлять отряды из кусков, вырванных из различных частей, – рассказывал он впоследствии. – ...Во избежание лишних жертв приходилось действовать только наверняка». Генерал тщательно собирает силы и изготавливается к решительному наступлению, сам неоднократно выезжая на позиции, – и 1 декабря он уже может сказать явившимся к нему на переговоры представителям ростовских общественных организаций: «Безусловная сдача, или завтра в 2 часа мои казаки будут в Ростове. Стратегическое окружение закончено».

Генерал сдержал слово. Наступление началось ранним утром 2 декабря, и его участник впоследствии не без иронии писал: «Товарищи²⁸, увидев, что под Ростовом не фарс, а почти война, и зная, что на завтра назначен штурм, рассыпались в течение этой последней ночи... Красногвардейцы спешили обратиться в мирных хулиганов, а вожаки попрятались и разбежались». Несмотря на отдельные очаги сопротивления, несколько колонн калединских войск почти одновременно вступили в Ростов, встречаясь друг с другом на улицах, уже запруженных толпами радостных обывателей.

«Мне не нужно устраивать оаций... Я не герой, – и мой приход – не праздник, – говорил приветствовавшей его толпе Атаман. – Не счастливым победителем я въезжаю в ваш город. Была пролита кровь, и радоваться нечему. Мне тяжело. Я исполняю свой гражданский долг...»

Начавшаяся открытая междоусобица глубоко ранила душу Каледина, и недаром, должно быть, перед отъездом на фронт, когда жена передавала ему пистолет, он отверг запасные обоймы:

«Сколько раз я тебе говорил, что для меня 14 патронов много, зачем мне две обоймы, для меня достаточно одного патрона...»

* * *

Урок из ростовских событий извлекли обе стороны. Открывшийся в Новочеркасске 2 декабря, под грохот орудий ростовского фронта, Большой Круг был поставлен Калединым перед необходимостью решительной реорганизации власти. «Необходимо, чтобы Правительство имело бы твердый аппарат для управления, – говорил генерал. – ...Мучительно наталкиваться на всевозможные вопросы каждый раз, когда хочешь что-нибудь сделать, и в ответ на приказания слышать: “не желаем”, “подумаем”. Власть должна быть властью». Формально Круг предоставил Войсковому Атаману диктаторские полномочия; в помощь ему по военным вопросам была учреждена должность Походного Атамана, которую занял герой недавних боев генерал А. М. Назаров; в то же время, с целью «демократизации» управления Областью, было решено составить так называемое «паритетное» Правительство, куда вошли бы представители как от казаков, так и неказачьего населения.

Упорядочивались взаимоотношения с «Алексеевской организацией». После приезда на Дон бежавшего из заключения генерала Л. Г. Корнилова (6 декабря) и его ссоры с генералом Алексеевым для нормализации обстановки в Белом лагере по инициативе Деникина

²⁸ Слово «товарищ», обиходное на митингах и в левой печати в течение 1917 и последующих лет, в офицерских устах приобретало характер окрашенной ненавистью клички – ср. у Зинаиды Гиппиус: «Тем зверьем, что зовутся “товарищи”, Изничтожена наша земля...» – А. К.

была принята «конституция», разграничивающая сферы деятельности наиболее значимых вождей зарождающегося движения:

«1. Генералу Алексееву – гражданское управление, внешние сношения и финансы.

2. Генералу Корнилову – власть военная.

3. Генералу Каледину (симптоматично, что не «Атаману»! – А. К.) – управление Донской областью.

4. Верховная власть – триумvirат. Он разрешает все вопросы государственного значения, причем в заседаниях председательствует тот из триумvиров, чьего ведения вопрос обсуждается».

«Так как территория, подведомственная триумvирату, не была установлена, а мыслилась в пределах стратегического влияния Добровольческой армии, – писал Деникин, – то триумvират представлял из себя в скрытом виде *первое обще-русское противобольшевистское правительство*²⁹». А поскольку роль «буфера» между двумя враждующими триумvирами была бы слишком унижительной, чтобы предлагать ее такому человеку, как Каледин, – правдоподобным становится предположение, что в «наброске проекта “конституции”» его автором вольно или невольно было заложено *верховенство* генерала Каледина. Это соответствовало и реальному положению дел («...В то время как между генералами Алексеевым и Корниловым ход работ внешне был резко разграничен, на плечах генер[ала] Каледина попрежнему оставались все тяготы и военного, и политического, и финансового, и пр. характеров», – отмечал современник), и масштабу личности Алексея Максимовича, который, по нашему мнению, был крупнейшей фигурой на российской политической сцене 1917 года и в любом случае перерастал отведенные ему казачеством довольно узкие рамки. Пост Донского Атамана, осознавал это сам Каледин или нет, был для него мал, а в случае фактического осуществления деникинской идеи триумvирата генерал оказался бы в значительной степени освобожденным от влияния своего Войскового Правительства и теряющего сердце казачества. Но планам не суждено было осуществиться – слишком мало времени отвела история «эпохе Атамана Каледина».

Для большевизской власти ростовские события тоже стали грозным предупреждением, и на «мятежный Дон» двинулись войска Совета Народных Комиссаров. Через Воронеж и Донецкий каменноугольный бассейн под общим руководством «Главкомандующего по борьбе с контрреволюцией» В. А. Антонова-Овсеенко вели свои «колонны» бывшие прапорщики Г. К. Петров, Ю. В. Саблин и Р. Ф. Сиверс. С юга, на станции Тихорецкой, пытался организовать «революционную армию» хорунжий А. И. Автономов – член Большого Круга, выступавший против Каледина и переходящий теперь от парламентской оппозиции к вооруженной борьбе. А из Петрограда пристально следил за развитием событий на Юге и «сам» Ленин...

Однако говорить о стратегическом плане большевизских военачальников, пожалуй, не приходится: его выработке и реализации мешал сам характер их формирований, – рыхлых, недисциплинированных, а зачастую и просто буйных. Стратегическую идею заменяло указание цели – «калединского Новочеркасска», куда науськивали свои толпы их вожаки, – и лишь география железных дорог, по которым продвигались красные эшелоны, создавала картину «наступления по сходящимся операционным направлениям». Но наличия своей стратегической идеи мы вправе ожидать от генерала Каледина, уже хорошо известного нам как полководец крупного масштаба, умеющий и привыкший распоряжаться значительными войсковыми соединениями и вряд ли склонный к безвольному парированию вражеских ударов в разгоравшейся открытой войне.

²⁹ Курсив А. И. Деникина. – А. К.

В начале 1918 года на территории Области уже находилось семь Донских казачьих дивизий и Гвардейская бригада, и ожидался подход еще двух дивизий с фронта. Не все они были равноценными, часть казаков при несомненно высоких боевых качествах не отличалась стойкостью духа, надеясь на близкое и всеобщее «замирение», – но все же по численности, вооружению и присутствию на своих местах офицеров эти дивизии казались грозной силой, на которую можно было рассчитывать... хотя бы поначалу.

«...Мечтали о том, чтоб сделать эту армию солидной, в смысле тех организационных понятий, к которым привыкли до 1917 года... Создали для походного атамана и громоздкий штаб, рассчитанный на армию, во всяком случае, не эфемерную», – писал впоследствии участник событий. Параллелизм работы Войскового Штаба и Штаба Походного Атамана генерала А. М. Назарова отмечался и другими современниками, причем порой в весьма язвительных тонах: «...Значительная часть дорогого времени терялась на то, чтобы разобраться – какого штаба касается затронутый вопрос... Ни один из штабов не желал брать исполнения целиком на себя, предпочитая вместо этого отписываться и изощряться в виртуозности канцелярского языка», – хотя в действительности, как следует из анализа служебных телеграмм Атамана Каледина, оба Штаба работали скорее «наперебой»: привыкший, как мы помним, еще с Великой войны лично вникать во все подробности, Алексей Максимович и тут не видел большой разницы между двумя управляющими структурами, то и дело отдавая распоряжения через начальника Штаба Походного, полковника В. И. Сидорина, помимо самого Походного Атамана. Идея же организации нового штаба начинает выглядеть более обоснованной, если учесть, что в своих расчетах Каледин отнюдь не ограничивался территорией Донской Области и ее ресурсами.

О том фронте, который он надеялся организовать против большевиков, достаточно красноречиво говорит телеграмма полковника Сидорина, направленная вечером 21 декабря 1917 года следующим адресатам: «Екатеринодар Начальнику Штаба Кубанского Войска, Владикавказ Начальнику Штаба Терского Войска, Астрахань Начальнику Штаба Астраханского Войска, Оренбург Начальнику Штаба Оренбургского Войска, Уральск Начальнику Штаба Уральского Войска, Киев Военный Секретариат Украины». «Крайне желательно взаимное осведомление о сосредоточении [и] передвижения[х], вообще группировке войсковых частей вблизи ваших границ или на вашей территории, не подчиненных вашему правительству, особенно же враждебно настроенных», – писал начальник Штаба Походного Атамана, и похоже, что взаимное оповещение, по крайней мере в пределах Северного Кавказа, действительно было налажено. Так, например, десять дней спустя Штаб Походного получил информацию о передвижении красных бронепоездов по Владикавказской железной дороге и принимал меры к недопущению их на территорию Области; в свою очередь, на Кубань, Терек и нижнюю Волгу передавались сводки событий на Дону. Были попытки наладить взаимодействие со Штабом Кавказского фронта, откуда надеялись получить высвобождающееся военное имущество. Обращал внимание Донской Атаман и на моральный фактор, связанный со взаимной поддержкой нескольких Казачьих Войск: Донцы не должны были чувствовать себя «покинутыми», «защищающими своею грудью чью-то спокойную жизнь». И, подчеркивая, что «судьба Кубани решается на Северном Дону», Атаман в конце декабря 1917 года отправил в Екатеринодар своего эмиссара, прося передать:

«Необходимо нашим казакам показать, что Кубань с нами... Необходимо получить для Ростова хотя бы два только пластуных батальона.

...Если хотят существовать, пусть направляют все здоровое в Ростов; пусть не жалеют для Дона артиллерийских снарядов... Нужно смотреть за всех».

Орлом, «который размахом крыльев своих желает прикрыть все казачество от гибели и разложения», показался в эти минуты генерал собеседнику; однако казаки не спешили собираться под распростертые крылья. 30 декабря, правда, «было обещано из Екатеринодара два

баталиона», но новогодний подарок так и остался пустым обещанием. И если тыл все же пребывал пока в относительном спокойствии, тому были другие причины – на Тереке началась внутренняя резня казаков с горцами, Тихорецкая группировка красных, очевидно, чувствуя неуверенность, оставалась пассивной, а боевой участок кубанско-большевицкого фронта – новороссийский – был слишком удаленным, чтобы оказывать прямое воздействие на положение Дона.

Хуже обстояли дела с другим участником общего сопротивления – Украиной. Малороссийские губернии, в которых пыталась осуществлять свою власть находившаяся в Киеве Центральная Рада, сами подверглись ударам большевиков. Правда, продвижение красных на харьковском направлении, выводя их во фланг охватываемой полукольцом Донской Области и разъединяя союзников, в то же время угрожало вклинившимся «колоннам» ударом с двух сторон, если бы удалось согласовать действия Донцов и Добровольцев с войсками Центральной Рады. Должно быть, это и побуждало Войсковое Правительство стремиться к «скорейшему соглашению» с Радой, однако наиболее решительный и настроенный на борьбу из ее членов – Генеральный Секретарь по военным делам С. В. Петлюра – оказался в одиночестве и уже в конце 1917 года был вынужден покинуть свой пост, став жертвой политических интриг. Вооруженных сил «Украинской Республики» так, по сути, и не было создано, и координация действий разрушилась, не сложившись, хотя Каледин для содействия общей борьбе готов был пойти даже на задержку в Херсонской и Екатеринославской губерниях частей 3-й Донской дивизии, возвращавшейся с фронта. Но удержать рвущихся домой казаков уже вряд ли было возможно...

Менее реальной выглядела мысль о взаимодействии с Оренбургскими казаками, которых старался поднять Войсковой Атаман полковник А. И. Дутов: слишком удаленным от Дона было это третье по численности, после Донского и Кубанского, Войско. Тем не менее, помимо упоминавшейся организации оповещения, Атаман Каледин еще в начале декабря стремился к более тесному сотрудничеству. Он ожидал наступления Дутова на Волгу; для отправки в Оренбург был подготовлен и «радиотелеграфный аппарат... такой силы, чтобы установить связь Оренбурга с Доном» (неподалеку от северной границы Донской Области, близ станции Филоново, застряла в эшелонах 2-я Оренбургская казачья дивизия – один из обязательных адресатов рассылки многих оперативных документов, касающихся обороны Дона, – которая и могла в данном случае сыграть роль связующего звена).

Таким образом, стратегический план сопротивления большевизму, складывавшийся у генерала Каледина в течение декабря 1917 года, представляется следующим: основной фронт с опорными центрами в Киеве, Харькове (там предполагалось разместить объединенное правительство) и Новочеркасске, с Кубанью и Терексом в качестве тылового района, и очаг борьбы в Оренбурге с опорой на относительно спокойную Уральскую Область и назначением двигаться к Волге; картина, которую удалось, и то на краткий срок, реализовать лишь летом 1919 года, ценою многих жертв и дорого обошедшегося народу разочарования в большевистских обещаниях.

Пока же этого разочарования еще не наступило, широкомасштабные проекты военного строительства оставались обреченными на неудачу. Злой и пророческой иронией звучал образец отчетных документов, разосланный полковником Сидориным старшим войсковым начальникам: «Такой-то полк офицеров 00, шашек 00, пулеметов 00, патронов 00. Такая-то сотня офицеров 00, шашек 00, пулеметов 00, патронов 00. Такая-то батарея офицеров 00, шашек 00, орудий 00, снарядов 00, гранат 00. Всего офицеров 00 и т. д.»... Действительно, если еще и не всюду были нули, то дело, кажется, определенно шло к тому.

Удержать казаков под ружьем оказывалось практически невозможно – они стремились по домам, обещая по первому призыву вернуться в строй и, наверное, сами в эти минуты веря своим обещаниям. «Смотрите, станичники, – не меня обманете – себя погубите», –

говорил им прозорливый Каледин, но слова его не убеждали и не заставляли задуматься. Нужно было искать новые пути организации вооруженной силы, и рождается идея формирования партизанских сотен.

Обычно при этих словах вспоминают отряд есаула В. М. Чернецова и несколько подобных ему, в которых собирались «необязанные службой» добровольцы (в основном учащаяся молодежь) и не состоявшие на должностях офицеры; однако на самом деле в идею «партизанства» Калединым вкладывалось совсем другое содержание. «Войскаман приказал, – оповещал 16 декабря Сидорин, – по возможности сформировать в каждом полку по одной партизанской сотне в составе не более ста коней каждая. Сотни должны формироваться из охотников всего полка, должны быть снаряжены так, чтобы свободно могли отделяться от полков для выполнения боевых задач». Таким образом, подлинный смысл распоряжения заключался фактически в переносе на донскую почву методов развернувшегося в 1917 году «ударного движения» – в частности, формирования при войсковых частях и соединениях так называемых «штурмовых» подразделений и частей или «частей Смерти», среди всеобщего развала сохранявших дисциплину и готовых выполнять свой долг.

Но декабрь не был июнем, и выделить под наименованием «партизанских сотен» казаков-ударников уже не удавалось; боееспособными оставались только добровольцы из отрядов, подобных чернецовскому, обладавшие одним наиважнейшим в те дни качеством: они безусловно желали драться, невзирая даже на неравенство сил, неблагоприятную обстановку, несмотря на все обстоятельства, которые, казалось, заведомо обрекали их на поражение.

«Когда убьют меня, то я, по крайней мере, буду знать – за что; а вот вам это будет неизвестно, когда вас будут расстреливать товарищи!» – сказал Чернецов тем офицерам, которые не спешили в бой, предпочитая отсиживаться в тыловом Новочеркасске. Конечно, он не хотел умирать, но не накликал ли сам свою смерть этими пророческими словами?

* * *

«...Сила хрупкая, точно шпага против дубины», – писал участник событий о партизанах-чернецовцах. Но в тех условиях, когда воодушевленность и готовность умереть могли играть решающую роль, подавляя волю противника, в значительной степени сохранившего психологию труса-дезертира, – удары этой «шпаги» оказывались весьма опасными. Наиболее угрожаемым участком признается Донецкий бассейн, и именно на это направление бросают на последней неделе 1917 года Чернецова. Партизаны бьют передовые отряды красных у станций Штерово, Щетово, а в ночь на 28 декабря при содействии железнодорожников, которые скрыли от большевиков, что идет воинский эшелон, – ударили на Дебальцево, далеко выскочив за пределы Донской Области и создав угрозу флангу наиболее боееспособной колонны Сиверса. «Если бы Чернецов вздумал развить свой успех и действуй он в связи с отрядом генерала Балабина у Иловайской или с казачьими полками у Луганска, он мог бы свести на нет весь наш успех в Донбассе», – признавал Антонов-Овсеенко, но опасения советского Главнокомандующего, начавшего перегруппировку почти всех сил в каменноугольный бассейн, оказались совершенно излишними: вечером того же 28 декабря генерал Назаров передает Чернецову приказание «вернуться вновь [на] станцию Щетово, действуя оттуда набегами [в] том или другом направлении», да и сам есаул к этому времени, вывозя трофеи, уже отступает. Делается это, разумеется, не от хорошей жизни: казачьи полки, взаимодействие с которыми могло привести к столь тяжелым для красных последствиям, не хотят воевать и не представляют собою серьезной боевой силы.

Последняя ставка делается на то, что, может быть, казаки все-таки согласятся защищать свой родной Дон. «Наступательные действия за пределами области прекратить, ограни-

чиваясь самыми решительными действиями в пределах области», – приказывает Войсковой Атаман 1 января, но изменить ничего уже не удастся. В те же дни приходится запрашивать, «желают ли части генерала Тимашева выполнить возлагаемую задачу» (каким бредом должно было казаться все это Каледину!), и даже в требованиях вынужденно звучат нотки увещевания: «Передайте казакам, что в эти тяжелые переживаемые Доном дни я требую от них полного порядка и подчинения распоряжениям командного состава. Предупреждаю ослушников, что они понесут за это³⁰ ответственность по закону и перед Войсковым Кругом. Меня глубоко огорчит поведение 22[-го] полка, до сих пор отлично несшего службу. Если это результат агитации, требую немедленного удаления агитаторов из полка и донесения мне».

Сторонник решительных военных действий, Каледин в то же время отнюдь не считал их синонимом жестокой репрессивной политики и террора. «Войск[овой] Атаман приказал отрядам пленными не обременять ни себя, ни правительство...» – зловеще начиналось одно из его распоряжений, однако продолжение может вызвать у современного читателя, который знает, как развернутся события, какого накала достигнет противоборство и ожесточения – человеческая душа, – едва ли не улыбку: «...захваченных разоружать, опрашивать, разъяснять им их заблуждение относительно внутреннего быта и политики Дона и отпускать с предупреждением, что вторичная поимка не будет прощена»...

Но те, кто еще не перешел в разряд пленных, продолжали представлять собою угрозу. Наряду с вторжением военным, первые попытки которого парировал Чернецов, оставался еще центр «идеологического» вторжения и разрушительной пропаганды – Царицын, названный одним из современников «такой же занозой в больном теле казачества, как в свое время Ростов». Другим центром большевики хотели сделать Воронеж, предполагая созвать там «съезд рабочих, солдатских и казачьих депутатов», и 4 января Атаман Каледин вынужден был запретить участие в нем казаков. Подействовал ли запрет, или казачество в своем разложении еще не успело дойти до логического конца, только один из руководителей воронежского съезда, С. И. Сырцов, признавал впоследствии, что съезд «собрал довольно много представителей рабочих, но от казаков там было всего несколько человек». А в конце первой недели января 6-я Донская дивизия, согласно планам Новочеркасска, должна была двинуться на Царицын, дабы «вырвать занозу».

Но операция сорвалась. Как вспоминал офицер, командированный поторопить дивизию, «во всех полках шли митинги, и во всех полках казаки отказывались наступать. Наиболее воинственным оказался расположенный в Чирской станице запасный полк, по номеру, кажется, 4-й; он соглашался дать в наступление по 30 человек с сотни, но – под условием, чтоб операция была прежде того начата с другого направления и другими войсками». Это стало известно 9 января, а 10-го калединский Дон получил новый сильнейший удар.

Не сумев организовать «революционного казачества» в Воронеже, Сырцов решил использовать для этой цели собирающийся в станице Каменской «съезд фронтовиков» и выехал туда с коллегами по партии и «достаточно обработанными», по его собственному циничному признанию, казаками. Не боявшиеся германских пушек и удушливых газов фронтовики были буквально смяты угрозами: «За Советскую власть стоят много миллионов рабочих и крестьян, и, конечно, не кучке казаков справиться с народом... Борьба будет не в пользу казачества, она его разорит...» Гвардейский подхорунжий Ф. Г. Подтелков, который вскоре осчастливит захваченный Новочеркасс афоризмом «при советской власти приказано и жидов считать человеком», по рассказу современника, будет носить золотой браслет и перстни, а в ростовском банке потребует «миллион» («дайте мне царскими пятисотками»), – выдвинутый каменским съездом на пост председателя Донского Ревкома, пока еще смущался, трусил, убеждал «партийных товарищей», «что он никогда без согласия стариков

³⁰ В документе – «от этого». – А. К.

ничего не делал», и на первом митинге, созванном после предательского ареста расположенного неподалеку Штаба 5-й Донской дивизии, «крестясь на все четыре стороны», лепетал: «Отцы-станичники, мы сегодня ночью, не спрося вашего благословения, совершили революцию». Решительности казакам-мятежникам придавал... тоже страх: съезд был объявлен незаконным, им грозила кара.

Большевизированные казаки не ограничились арестами старших начальников. В ближайшие часы ими был занят важнейший стратегический железнодорожный узел Области – станция Лихая, где скрещивались царицынская и воронежская линии. От Каменской до Новочеркасска было менее ста пятидесяти верст вдоль линии железной дороги...

Удар оказался очень сильным и с политической точки зрения. Всего лишь две недели назад усилиями А. М. Каледина и М. П. Богаевского было достигнуто зыбкое равновесие – власть приняло «Паритетное Правительство». Теперь же трещина проходила еще глубже, уже по толще самого казачества, до сих пор несмотря на все уродливые явления казавшейся монолитной. Каледин принимает решение сыграть с новым противником по его правилам, в ходе диалога показав Дону, насколько демагогической и чреватой страшными последствиями является позиция Донревкома, и соглашается провести переговоры «на высшем уровне», гарантировав безопасность прибывающим в Новочеркасск Подтелкову и его приближенным. Конечно, ни Сырцова, ни кого-либо из подобных ему закулисных руководителей там не было: они пока предпочитали делать свое дело казачьими руками, и исполнители у них нашлись вполне соответствующие этой задаче.

Вначале Атаман еще считал, что с мятежниками следовало говорить «как-нибудь мягче». Но 15 января, когда в Новочеркасск приехала ревкомовская делегация, быстро стало ясным, что мягкость нахрапистые «собеседники» немедленно примут за капитуляцию. И все же члены Войскового Правительства пытались взывать к их казачьим чувствам, убеждать не превращаться в проводников чуждого большевицкого влияния на родном Дону. Из всех сил пытаясь создать иллюзию своей независимости от центральной Советской власти, представители Донревкома выдвинули ультиматум: Каледину – сдать им власть, Войсковому Кругу – распуститься, партизан и Добровольцев – разоружить, а «не живших на Дону» выслать «из пределов Донской области в места их жительства», причем сдача оружия должна была бы производиться «комиссару военно-революционного комитета», и он же выписывал бы пропуска на выезд, полностью распоряжаясь таким образом жизнью и смертью последних защитников Дона. На такое предательство своих соратников генерал Каледин пойти, конечно, не мог.

Трудно сказать, чего хотел он добиться своими вопросами членам Ревкома: вряд ли у Атамана оставались иллюзии относительно того, с кем он имеет дело. Но в ходе переговоров он шаг за шагом заставлял Подтелкова признаваться в намерениях установить диктатуру, не считаться с народным волеизъявлением (Правительство предлагало дожидаться созыва нового Войскового Круга, не имевшего для мятежников никакого значения) и проч. Оглашены были перехваченные телеграммы Антонова-Овсеевского, обещавшие Смольному, что «голова Каледина... не останется на плечах у владельца ее», и уличавшие Донревком в сношениях через Антонова с большевицкой верхушкой. И пророчески прозвучали заключительные слова ответной речи Алексея Максимовича:

«На просьбу вашу о сдаче должности вам уже достаточно сказано. Мы не имеем права сдать... Я принял власть потому, что не считал себя вправе отказаться от воли народа... И если бы было можно, я с величайшею охотой сдал бы власть. Я пришел сюда с честным именем, а уйду отсюда, может быть... с проклятием...»

Сказать, что Каледин волновался, когда заканчивал свою речь, – значит ничего не сказать. Пророка себе проклятие, он с трудом справлялся с звенящим от напряжения голосом. Напряжение передавалось и окружающим, и даже советский автор признает, что у красных

делегатов «настроение создалось отнюдь не боевое». Смущения их, впрочем, хватило ненадолго.

После перерыва Войсковой Атаман огласил и официальный ответ. Упомянув о предстоящем созыве Круга – единственного органа, правомочного решать судьбы Дона, – и прикрыв Добровольческую Армию утверждением, что она находится «под контролем», он потребовал от воинских частей «вернуться к своей нормальной работе по защите донского края», освободить арестованных и распустить Донревком. Правительство обличало большевиков как зачинщиков гражданской войны, а Ревком – как марионетку Совета Народных Комиссаров. И в качестве последнего удара Атаман Каледин объявил о перехвате еще одной телеграммы – на этот раз Антонову-Овсеенко от Подтелкова, в которой последний просил «хотя бы два-три миллиона» на содержание мятежных частей. Припертый к стене, вожак «трудового казачества» вынужден был признать, что телеграмма подлинная...

С отвлеченной точки зрения, результат переговоров можно было бы считать победой Каледина, но далась она чрезмерно дорожной ценой. Слишком очевидным стало, насколько глубоко проникла болезнь в организм казачества. Печать глубокой удрученности, которая лежала на облике Атамана после завершения переговоров, запечатлел один из очевидцев:

«Своей тяжелой походкой он направился в соседнюю с залом заседаний комнату – кабинет секретаря областного правления, и там среди наваленных на подоконниках груд верхнего платья стал отыскивать свое пальто. Найдя, наконец, его, он принялся одеваться, с усилием натягивая рукава. И только когда пальто было одето, один из курьеров догадался подбежать и помочь атаману.

А он, одевшись, пошел к выходу.

Из кармана свисал засунутый туда башлык и волочился по земле.

Казалось, атаман никого не видит, ни о чем не думает...»

Но скорее всего, было наоборот: Атаман видел все и уже понимал слишком многое из того, что оставалось пока сокрытым от других.

* * *

Появление на сцене Донского Ревкома стало грозным признаком, однако возглавить борьбу его деятели по-настоящему не были способны. Им следовало организовать желающих «замирения» казаков в боеспособные части, вновь готовые проливать свою и чужую кровь, и в сущности для этого нужно было немного: рыхлый материал принимал соответствующую форму в руках командира, обладавшего двумя необходимыми качествами – непреклонной волей и твердым пониманием, чего он хочет. У белых, кстати, тоже не нашлось таких начальников – Алексеев, Корнилов, Деникин замкнулись на заботах Добровольческой Армии, Каледин и Назаров, сидя в штабах, были слишком далеки от казачьей массы, а Чернецов – партизан по натуре – звал к себе «всех вольных, всех смелых», вместо того, чтобы железной рукой привести к повиновению малодушных и пассивных. Попытаться сделать это предстояло другому бунтарю.

«Свершилась моя мечта – у власти все население Дона, – взывал посаженный на гауптвахту войсковой старшина Голубов. – Теперь я ваш друг, а не враг. Дайте мне возможность сражаться в рядах защитников Дона с врагами России. Ваши враги – мои враги». Его письмо дошло до М. П. Богаевского, а тот настоял перед Атаманом на освобождении мятежного офицера: метаний Голубова предсказать не мог, кажется, никто, включая его самого, и он, наверное, и в самом деле искренно приветствовал идею «Паритетного Правительства». Недавний «царицынский атаман» оказался на свободе в дни, когда в Новочеркасске гремело имя есаула Чернецова, и, по рассказу современника, «заявил, что он покажет Ваське Чернецову, какие

бывают партизаны. Он в станице Луганской наwerbует себе удальцов и с ними вырежет большевиков в соседнем Луганске...» С этим обещанием он и исчез из Донской столицы.

Вынырнул Голубов 22 января под станцией Глубокой. На него и его обещанный отряд, похоже, возлагались определенные надежды – Чернецов даже получил указания «связаться с Голубовым», но то ли не смог этого сделать, то ли не захотел (тоже был ревнив), и несколько блестящих боев в направлении на Лихую – Каменскую – Глубокую разыграл в одиночку. «Он вел свою молодежь прямо в поездах, высаживаясь чуть ли не в момент атаки, и сразу же бил по всему, что встречалось на его пути, – восторженно рассказывал об этой партизанской тактике штабной офицер. – ...Никто и нигде не мог выдержать этого бурного натиска людей, уверовавших в то, что противостоять им нельзя». И недаром по представлению Войскового Правительства генерал Каледин произвел есаула Чернецова за боевые подвиги сразу в полковники, минуя чин войскового старшины.

Конец легендарного рейда наступил под Глубокой, где Чернецов, опрометчиво выдвигнувшись вперед с частью своего отряда, неожиданно увидел обходящих его казаков. Не желая проливать кровь «своих», он послал парламентариев передать это, но в ответ в партизанские цепи ударила шрапнель... Гвардейская 6-я Донская батарея в упор расстреливала последнюю надежду Дона.

Дело было не только в неравенстве сил: в схватке с красногвардейцами прославленный партизан, наверное, не поколебался бы погибнуть вместе со всеми своими бойцами, – но сейчас перед ним продолжала брезжить смутная надежда спасти доверившихся ему мальчишек, и Чернецов, легендарный бесстрашный Чернецов, приказал положить оружие. Тут-то он и узнал, что в плен его взял войсковой старшина Голубов.

Неизвестно, каким ветром 16 января «ватажника» занесло в Каменскую, где он практически сразу же был избран казаками, знавшими его по Великой войне, командиром 27-го Донского полка. Происходившее кружило ему голову, вновь возрождались мечты об атаманстве, и Голубов охотно стал во главе самых боеспособных частей Донревкома, поведя их в бой решительно и целеустремленно – это был не Подтелков...

«Не Подтелков» он был и еще в одном отношении. Войсковой старшина не питал неприязни к сдавшимся. Раненому в ногу Чернецову дали лошадь, они ехали рядом и, должно быть, о чем-то договаривались, потому что пленник по просьбе Голубова пишет командующему этим участком фронта генералу Усачеву записку с просьбой остановить наступление, о себе и своих партизанах сообщая: «От самосуда мы гарантированы словом всего отряда (красного. – А. К.) и войскового старшины Голубова». Расписался на этом же листке бумаги и Голубов, подтверждая вышесказанное и, наверное, в самом деле веря в силу своего слова.

Генерал Усачев тоже был казаком, и в ответ на послание Чернецова он пишет казакам-голубовцам письмо, проникнутое надеждой на достижение договоренности:

«Прошу вас, как казаков, приложить все усилия озаботиться о казаке полковнике Чернецове и его людях, предоставив им медицинскую помощь, продовольствие, покой... Прошу сообщить казакам, что против казаков никто и не помышляет вести войну. Правительство просит казаков отрешиться от наветов большевиков и защитить Дон, который сам хочет устраивать свою жизнь, без помощи посторонних красногвардейцев. Ввиду появления казаков на станции Глубокой я прекращаю действия, но прошу казаков занять Глубокую и обеспечить ее от захвата красногвардейцами...»

Но письмо опоздало. Голубов рвался вперед, его манил близкий Новочеркасск, – и Чернецов с тридцатью попавшими вместе с ним в плен партизанами был передан Подтелкову, для которого ни слово Голубова, ни гарантии, данные его казаками, ничего не значили: бывший подхорунжий оказался способным учеником своих новых начальников...

Подтелков хватался за шашку, угрожал, глумился, поливал партизан грязной руганью. Его подручные гнали раздетых до белья, босых мальчишек по январской степи. Такое отношение донских казаков к своей же донской молодежи объяснялось просто: Чернецов и чернецовцы воспринимались как... провокаторы, своими активными действиями развязывавшие гражданскую войну; не будь их, рассуждали станичники, большевики и не пошли бы на Дон. Того, что на самом деле было уготовано Дону и всей России, никто еще и не мог себе представить, а потому можно было куражиться над юными добровольцами, упиваясь своей призрачной силой и думая таким образом приблизить заветное всеобщее «замирение».

Впереди в сумерках замаячили конные фигуры. Потом оказалось, что это возвращалась красная разведка, но в первый момент вздрагивавший от каждого шороха Подтелков заволновался, и Чернецов, используя это минутное замешательство, сделал последнюю попытку выручить своих партизан. С криком «Наши идут, ура!» – он ударом кулака выбил ехавшего рядом Подтелкова из седла. Пленные бросились врассыпную. Вслед им затрещали выстрелы...

Жертва полковника Чернецова не была напрасной: части партизан удалось спастись (красные не решились далеко преследовать их в темноте), и они принесли в Донскую столицу самые противоречивые сведения о своем командире. «В Новочеркасске же долго не хотели поверить в смерть партизана, – вспоминал современник, – и только повторные рассказы тех, кто бежал из плена, заставили уверовать». Калединский Дон лишился своего лучшего и, быть может, последнего защитника...

Позднее рассказывали, что гибель полковника Чернецова и измена войскового старшины Голубова буквально подкосили Атамана. Наверное, это и в самом деле было для него тяжелейшим ударом, но не последним и даже не самым сильным. Новый удар, фактически поставивший крест на борьбе генерала Каледина, последовал... со стороны командования Добровольческой Армии.

Нельзя сказать, чтобы Каледин не отдавал себе отчета в том, что Добровольцы не связывали себя с Доном намертво: перед ними лежала вся страна, – по словам генерала Деникина, Алексеев и Корнилов «могли идти на Кубань, на Волгу, в Сибирь, – всюду, где можно было найти отклик на их призыв». Возникли и разногласия по вопросу о стратегии борьбы. Добровольческое командование стягивало все силы к Ростову и уже готовило поездку для переброски войск на Тихорецкую и далее – на Кубань; Каледин, напротив, после провала планов наступления на Царицын полагал, что все войска, включая и подчиненные Корнилову, следовало собрать в Новочеркасске. 26 января он попытался еще раз убедить в этом начальника Штаба Добровольческой Армии, генерала А. С. Лукомского, но тот уклонился от каких-либо конкретных заявлений.

«Обращаясь к Лукомскому, – рассказывает о Каледине свидетель переговоров, – он предостерегал Добровольческую Армию от намерения покинуть Дон, с которым она кровно связалась... Добровольческая Армия превратилась бы в бродячую кучку людей, утратила бы свой престиж и, может быть, не нашла бы нигде пристанища. Что касается обороны Дона, то Каледин считал ее неразрывно связанной с обороной Новочеркасска». Последний проект вызывал у Добровольцев резкое неприятие: действительно, он грозил потерей оголенного Ростова и тем, «что Добровольческая армия попадет под Новочеркасском в ловушку; что этим мы не поможем Дону, а начатое дело погибнет».

С военной точки зрения замысел Атамана в самом деле был весьма уязвимым – неизбежное в этом случае концентрическое наступление колонн Сиверса, Саблина, а может быть, и Автономова, ставило на карту буквально все. С другой стороны, рыхлым большевистским массам противостояли бы не разбросанные по многочисленным и почти изолированным друг от друга направлениям добровольческие и партизанские отряды, а собранный вместе, сокративший фронт, лишенный пути отступления и обреченный драться насмерть железный

кулак всего боеспособного, что могли дать в тот момент Дон и Россия. Кроме того, в непосредственном тылу наступающих оказывались бы казачьи станицы, на пробуждение которых после более близкого знакомства с большевиками Атаман не переставал надеяться. В этом он ошибался, но в сущности на таких же ошибках были основаны и идея Корнилова отступить в Задонье (впоследствии отвергнутая), и замысел Алексеева поднимать Кубанское казачество, раз уж этого не получилось с Донским. Ошибались все, но Каледин, в своем заблуждении не желавший отрываться от еще не разоруженных казачьих районов, имел в этой рискованной игре свои резоны. Более того, обороняя Новочеркасск, белые били бы непосредственно по живой силе противника, как мы знаем, слабо организованной и подверженной деморализации. Победить в таких условиях было, конечно, немыслимо трудно, если не невозможно, но выстоять – можно было попытаться. И 28 января 1918 года Войсковой Атаман генерал Каледин обратился с последним воззванием к предающим его казакам:

«Граждане-казаки! Среди постигшей Дон разрухи, грозящей гибелью казачеству, я, ваш войсковой атаман, обращаюсь к вам с призывом, быть может, последним.

Вам должно быть известно, что на Дон идут войска красногвардейцев, наемных солдат, латышей и пленных немцев, направляемые правительством Ленина и Троцкого.

Войска их подвигаются к Таганрогу, где подняли мятеж рабочие, руководимые большевиками. Такие же части противников³¹ угрожают станице Каменской и ст. ст. “Зверев” и “Лихая”. Наши казачьи полки, расположенные в Донецком округе, подняли мятеж и в союзе с вторгнувшимися в Донецкий округ бандами красной гвардии и солдатами сделали нападение на отряд полк[овника] Чернецова, направленный против красногвардейцев, и частью его уничтожили, после чего большинство полков, участников этого гнусного и подлого дела, рассеялись по хуторам, бросив свою артиллерию и разграбив полковые денежные суммы, лошадей и имущество...

Развал строевых частей достиг последнего предела и, например, в некоторых полках Донецкого округа удостоверены факты продажи казаками своих офицеров большевикам за денежное вознаграждение.

Большинство из остатков уцелевших полевых частей отказываются выполнять боевые приказы по защите Донского края.

...Войсковое правительство, в силу необходимости, выполняя свой долг перед родным краем, принуждено было прибегнуть к формированию добровольческих казачьих частей и, кроме того, принять предложения других частей населения области, главным образом учащейся молодежи, об образовании партизанских отрядов...

Ростов прикрывается частями особой добровольческой организации. Поставленная себе войсковым правительством задача – довести управление областью до созыва и работы 4-го февраля войскового круга и съезда неказачьего населения, – выполняется указанными силами, но их незначительное число, и положение станет чрезвычайно опасным, если казаки не придут немедленно в состав добровольческих частей, формируемых войсковым правительством.

Время не ждет, опасность близка! И если вам, казакам, дорога самостоятельность вашего управления и устройства, если вы не желаете видеть Новочеркасск в руках пришлых банд большевиков и их казачьих приспешников, изменников долгу пред Доном, то спешите на поддержку войсковому правительству.

Посылайте казаков-добровольцев в отряды.

В этом призыве у меня нет личных целей, ибо для меня атаманство – только тяжкий долг, и остаюсь я на посту по глубокому убеждению [в] необходимости сдать пост при настоящих обстоятельствах только пред кругом».

³¹ Так в первоисточнике. – А. К.

В этом воззвании все: и тяжелое положение, в котором оказался Дон по вине своих сыновей, и еще раз терпеливо повторенные объяснения, почему под Ростовом бьются «чужие» добровольцы и почему берутся за оружие мальчишки, и... отнюдь не утраченное желание и готовность к продолжению борьбы даже в этих трудных условиях.

В самом деле, и позиция, занятая Калединым на вечернем заседании 26 января, и его последний призыв к Донцам 28-го, хотя и были окрашены горечью, однако содержали и уверенность в том, что сопротивление захватчикам возможно и необходимо. Нет иллюзий, но нет и капитулянтства. Есть сознание опасности во всей ее полноте, но есть и стремление противостоять ей. И есть непоколебимая уверенность, что на атаманском посту нужно оставаться до конца.

Однако развязка наступит гораздо быстрее, чем об этом можно догадываться даже из последнего воззвания Атамана Каледина. Уже на следующий день позиция генерала изменится решительно и окончательно: он узнает, что не сказавший на совещании ни «да», ни «нет» генерал Лукомский, вернувшись в Ростов, 27 января, по собственному его признанию, «доложил генералу Корнилову, что, по моему впечатлению, генерал Каледин потерял веру в возможность что-либо сделать для спасения положения»...

И на основании этого Корнилов, очевидно поколебавшись еще около суток, пишет телеграмму Атаману, запомнившуюся М. П. Богаевскому так: «Заслушав доклад Лукомского о положении Добровольческой армии, я решил, что возложение на Добровольческую армию защиты Новочеркасска поведет к ее гибели. А я согласиться на это не могу». В Штабе Корнилова уже было решено двигаться на Кубань: Армия отходила на следующую линию обороны, и положение Каледина, никуда уходить не собиравшегося, становилось безвыходным.

Казачьи подразделения дружин идут очень вяло, поступают панические сообщения, «что последние казачьи части, защищающие Новочеркасск с востока, ушли с фронта и что через часа два или три войдут большевики», – и, по воспоминаниям одного из офицеров Штаба Походного Атамана, после приказа Корнилова находившемуся под Новочеркасском офицерскому батальону «уходить и присоединиться к армии» – «на “северном фронте” оставалось бойцов ровно столько, сколько карт в колоде – 52 человека.

Проигранная игра; а ставкой в ней был Дон».

И перед старым генералом, в эти последние недели уже обронившим: «Круга мы не дождемся, надо кончать дело», необходимость эта – «кончать дело», – встала неотвратимо и насущно.

* * *

Телеграмма Корнилова, по свидетельству Деникина, составленная 28 января, должна была придти в Новочеркасск ночью или рано утром 29-го, и Каледин немедленно собирает срочное заседание Правительства, а явившийся незадолго до этого с обычным докладом или вызванный специально начальник Штаба Походного Атамана выслушивает последние оперативные распоряжения, весьма неожиданные в устах героя Луцка и Ростова:

«Части добровольческой армии сосредоточиваются в районе города Ростова; перед донскими партизанами, на Сулинском фронте, встает роковая необходимость стрелять в своих же донских казаков. Это недопустимо ни при каких условиях («Прикажите партизанам не стрелять. Больше ни одного выстрела», – передает тот же приказ другой автор. – А. К.). Объявите мое приказание, что каждый партизан, всякий отдельный партизанский отряд может считать себя свободным и может поступать с собой по своему усмотрению. Кто из них хочет, может присоединяться к добровольческой армии; кто хочет – может перейти на положение обывателя и скрыться. Этим я открываю фронт с единственной целью: не подвергнуть город всем ужасам гражданской войны».

Сдержанный и хладнокровный даже в этих условиях Сидорин отбывает в Штаб Походного Атамана, Каледин же приглашает к себе М. П. Богаевского и излагает своему ближайшему сотруднику схему дальнейших действий, предполагающую, во избежание или, по крайней мере, уменьшение кровопролития при неизбежном теперь захвате Новочеркасска большевиками или войсками казачьего Ревкома, сдачу власти каким-либо общественным организациям, которые могли бы, не будучи столь одиозными в глазах наступающих, ходатайствовать перед ними за население города.

Сделав затем собравшимся членам Правительства «спокойный и беспристрастный» доклад об окончательно разразившейся катастрофе, Алексей Максимович произнес ключевые слова, свою запись которых М. П. Богаевский назвал «почти буквальную»: «Положение наше безнадежное. Население не только нас не поддерживает, но настроено к нам враждебно. Сил у нас нет, и сопротивление бесполезно. Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития, предлагаю сложить свои полномочия и передать власть в другие руки. Свои полномочия Войскового Атамана я с себя слагаю», – а дальнейшие прения, разгоревшиеся было среди пораженных членов Правительства, оборвал страшной фразой: «Господа, короче говорите. Время не ждет. Ведь от болтовни Россия погибла». Все остальное уже не затрагивало генерала глубоко. Как будто куда-то спеша, он «открывал ящик за ящиком своего стола и нервно рвал записки, чеки и другие бумаги». Распустив Правительство и уничтожив последние предназначенные к тому документы, генерал Каледин выстрелом из пистолета покончил с собой.

В исторической литературе существует много объяснений и интерпретаций последнего поступка Каледина: от проявления слабости, малодушия, отчаяния – до трезвого, хотя и страшного в выборе средства, расчета. Слишком велик был соблазн превратить «калединский выстрел» в «калединский сполох» – сигнал тревоги, гневный и горький упрек казачеству, после которого якобы началось отрезвление и возвращение Дона на путь борьбы с большевизмом. Следует, однако, сказать, что последнее вовсе не соответствует истине – вступивший в исполнение обязанностей Войскового Атамана генерал Назаров за две недели своего атаманства испил ту же горькую чашу, что и его предшественник, был брошен отказавшимися от борьбы казаками на произвол судьбы, мужественно дождался прихода в Новочеркасск предводимых Голубовым войск Донского Ревкома и был убит по приказанию Подтелкова³². Тем не менее какой-то глубинный смысл в самоубийстве Алексея Максимовича, очевидно, все-таки был, раз советские «историки» вскоре пошли на беспрецедентный даже для них шаг, опубликовав фальшивое «предсмертное письмо Каледина».

Фальшивка, впрочем, вышла неудачной. Ее авторам не удалось ни придумать правдоподобных обстоятельств «находки» – «письмо» не могло пролежать «в кабинете Каледина», как они утверждали, две недели, оставшись неизвестным сотрудникам покойного Атамана (если Богаевский подобрал как реликвию даже пулю, пробившую сердце Алексея Максимовича), – ни имитировать стиль (начиная с совершенно невозможного обращения «многоуважаемый генерал Алексеев»³³), ни хотя бы сделать содержание сколько-нибудь осмысленным. Неизвестный фальсификатор вообще сначала явно «писал» не Алексею, а Корнилову («вы, с вашим горячим темпераментом и боевой отвагой, смело взялись за свое дело...», «вы отчаянно и мужественно сражались...», намек на казачье происхождение «адресата»), и лишь по окончании работы «адресат» почему-то был заменен. Фальшиво звучит и «просьба» – «отказаться от мысли разбить большевиков по всей России. Казачеству необходимы воль-

³² В захваченном Новочеркасске Голубов будет искренне пытаться сделать все, чтобы не допустить террора и кровопролития, рассорится на этой почве с большевиками и бросится по станицам поднимать казаков на восстание. Но веры ему уже не было, и на одном из митингов «ватажник», неудачливый «красный Атаман» был застрелен. – А. К.

³³ Могло быть «Многоуважаемый Михаил Васильевич», «Милостивый государь...», «Ваше Высокопревосходительство» (официально), но никогда – по фамилии и чину! – А. К.

ность и спокойствие; избавьте Тихий Дон от змей (! – А. К.), но дальше не ведите на бойню моих милых казаков», – тем более, что на самом деле Каледин, как мы видели, был как раз сторонником координации действий и широкого фронта борьбы с большевизмом. Автор подделки, приписывая генералу моральную капитуляцию, вольно или невольно стремился прежде всего унизить своего мертвого врага, подменяя его величественный образ – жалкой плаксивой фигуркой. И доказательством того, что подлинное значение личности Каледина и глубина его трагедии остаются до сих пор непонятыми, служит «использование» современными авторами этой фальшивки, кочующей из публикации в публикацию, несмотря на многочисленные и очевидные несообразности.

Но вернемся в день 29 января 1918 года, чтобы вновь обратиться к трагедии «калединского выстрела». Как представляется, Алексей Максимович не мог не сложить с себя атаманства, коль скоро весь Дон отказывался сражаться за свою свободу. В то же время формальная отставка ничего не значила для наступающего врага, в чьих глазах генерал Каледин при любых условиях оставался Атаманом, – и уйти в степи с Добровольческой Армией или донскими партизанами ему тоже было нельзя. Но понимали это немногие – сам Каледин, генерал Назаров, полковник Сидорин, – большинство же тех, кто еще оставался верен идее борьбы, склонялось к мысли об аресте и насильственном увозе генерала; разумеется, всеми силами души сочувствовала этому и М. П. Каледина, последние месяцы жившая в страшном внутреннем напряжении и тревоге за судьбу мужа (она пережила его не более чем на полтора года). И Алексей Максимович не нашел другого выхода, чем выстрел в свое измученное сердце.

Казачество опомнится весной, в ходе «Обще-Донского восстания» изгнав с территории Войска большевиков; тогда же был схвачен и вместе со своими ближайшими сотрудниками казнен «Председатель Донского Совнаркома» Подтелков. И в условиях подъема Белого движения на Дону имя светлого Атамана становится одним из самых почетных. По нему служатся торжественные панихиды, ему предполагается поставить памятник на Соборной площади Новочеркаска... И хотя последний проект не был реализован, – увековечением имени Алексея Максимовича, бывшего не только государственным деятелем, но и выдающимся кавалерийским начальником, стало формирование в марте 1918 года в 1-м Донском округе «Партизанского отряда имени Атамана Каледина», преобразованного впоследствии в конный полк, которому было присвоено вечное шефство Каледина. «Калединыцы» с честью пронесли в многочисленных боях свое черное знамя с мертвой головой – Христианским символом смерти и Воскресения, и современник с полным правом напишет о них: «Каледин умер, но дух его жив и особенно ярко виден он в Калединовском полку». Старые сослуживцы генерала по 12-й кавалерийской дивизии, собравшиеся на Дону и в начале 1919 года сформировавшие Сводный кавалерийский полк, также назвали его именем своего любимого начальника, а на острие наступления Донской Армии сражался легкий бронепоезд «Атаман Каледин»...

И тогда, и впоследствии, уже в эмиграции, о Каледине было написано немало. Однако, обращаясь к существующей литературе, останавливаешься на том, что в ней сложился облик человека высоких нравственных качеств, страдающего при виде трагедии Отечества, но... помимо воли авторов предстающего пассивным, бездеятельным, скорее символом, чем участником борьбы. И, не подвергая сомнению моральных оценок личности Атамана, как мы уже видели, действительно отличавшегося редкой чистотой и благородством и, быть может, именно поэтому пришедшего в конце жизни к такой страшной развязке, – нельзя не отметить, что при внимательном чтении из мемуаров и документов перед нами встает и волевой, твердо идущий к цели, вникающий в мельчайшие детали военных действий боевой генерал, чьи черты органично дополняют уже известное нам и лучшим памятником которому действительно стали не камень или бронза, а лихие рейды конных полков, носив-

ших его славное имя. А одной из лучших эпитафий ему стали слова Протопресвитера Добровольческой Армии отца Георгия Шавельского, сказавшего в годовщину «калединского выстрела», когда еще жива была надежда на спасение России:

«Верится, что трагическая смерть Алексея Максимовича, после его великолепной, полной благородного труда, высоких порывов и святого подвига жизни заставила очнуться многие обезумевшие казачьи умы, понять глубину народного падения и горя и загореться от огня той любви к Родине, которою жил и дышал почивший Алексей Максимович.

И тогда принесенная Алексеем Максимовичем жертва собственной жизнью, несомненно, послужила одним из камней, на которых начала воссозидаться развалившаяся русская государственная жизнь.

Наш долг – вечно носить в душе образ этого русского героя-мученика, после сверхчеловеческих страданий за Родину пришедшего к роковому концу, и молиться Господу, да спасет и помилует Он его в вечном Царствии Своем».

А. С. Кручинин

Генерал-лейтенант А. И. Деникин

В начале августа 1947 года на кладбище Эвергрин в американском штате Мичиган, после отпевания в Успенской церкви Детройта, состоялась траурная церемония. С воинскими почестями хоронили человека, который никогда не служил в армии США. Крепкие молодые парни, стоявшие в почетном карауле, под траурные звуки трубы склонили перед гробом звездно-полосатое знамя. Вряд ли кто-то из них понимал слова молитвы, которую прочитал над покойным Православный священник в непривычном для американского взгляда облачении. Спустя некоторое время останки покойного были перезахоронены на русском кладбище Святого Владимира в городе Джексоне. Так обрел вечный покой русский изгнанник – генерал Антон Иванович Деникин, человек, всю жизнь сражавшийся под знаменами России и до последнего часа сохранивший верность своему Отечеству.

Писать о генерале Деникине, этом удивительном человеке, в свое время приковавшем внимание всей России к своему имени, – трудно, ибо, с одной стороны, его имя знакомо едва ли не каждому, но с другой – догмы, легенды и устоявшиеся суждения о нем существенно затрудняют задачу. И все же обратиться к его историческому портрету необходимо, показав при этом жизненный путь длиною в три четверти века.

Генерал Деникин, впрочем, как и любой другой герой истории, с дальнего расстояния предстает во всей своей противоречивости. Он был сыном своего времени, смутного времени, – эпохи, когда, как он сам писал, «великие потрясения не проходят без поражения морального облика народа. Русская смута, наряду с примерами высокого самопожертвования, всколыхнула еще в большей степени всю грязную накипь, все низменные стороны, таившиеся в глубине человеческой души». Имя генерала Деникина ассоциируется с безмерным честолюбием, диктаторской властью, жадой реставрации прошлого строя, оно рождает в памяти одних «ужасы деникинской контрразведки», грабежи мирного населения, но оно напоминает другим о чести и отваге, рыцарстве человека, бросившего вызов самой жестокой и кровавой диктатуре двадцатого века. В его жизни было все, что позволяет назвать

его героем своего времени, отнести его к людям неповторимой, удивительной судьбы. Было время, когда Деникин обладал неограниченной властью на огромной территории, когда он был более чем близок к победе, которая принесла бы ему всю власть над всей страной. Было время взлета, но были и поражения и горечь разлуки с Родиной. Неизменными на протяжении всей жизни оставались удивительная скромность, честность и невероятная любовь к России.

Писать о генерале Деникине трудно еще и потому, что он сам оставил нам свои книги, написанные удивительно талантливо и прочесть которые – большая удача, ибо в них свидетельства и переживания очевидца сопряжены с литературным дарованием. Но сам Деникин, заканчивая свои знаменитые «Очерки Русской Смуты», предупреждал потомков, читающих свидетельства современников тех событий: «Их мысленный взор застилает еще кровавая пелена; их душевное равновесие нарушено; в их сознании события более близкие, более волнующие невольно заслоняют своими преувеличенными, быть может, контурами факты и явления, отдаленные от фокуса их зрения. Их чувства глубже, страсти сильнее, восприятие элементарнее; они жили настоящим, воплощенным в плоть и кровь, – даже те, кто, став духовно выше среды и своего времени, проникали уже обостренным зрением за плотную завесу грядущего».

* * *

25 декабря 1872 года, когда вся Православная Русь праздновала Рождество Христово, настоятель Ловичской приходской Предтеченской церкви священник Вениамин Скворцов крестил в Православную веру младенца Антония. Находившиеся в храме прихожане не могли не обратить внимания на родительскую пару новокрещенного. Довольно пожилой мужчина с седыми волосами и такими же седыми большими усами, одетый в поношенный мундир отставного майора Русской Армии, держал под руку совсем молодую даму, лет тридцати от роду, одетую скромно и аккуратно. Бросавшаяся в глаза разница в возрасте четырех Деникиных позволила многим принять их за отца и дочь. Так, или наверное так, прошло первое событие в жизни Антона Ивановича Деникина.

Польский город Лович, однако, не был его родным городом. Родился он в пригороде Влоцлавска, что за Вислой, за двадцать один день до крещения. Влоцлавск был захолустным уездным городишком, где отец Антона Ивановича проходил военную службу в Пограничной страже и где в 1869 году, незадолго до рождения единственного сына, вышел в отставку.

Иван Ефимович Деникин родился в 1807 году в семье крепостного Саратовской губернии. В 27 лет от роду был сдан помещиком в рекруты, после чего более двадцати лет тянул солдатскую лямку. В 1856 году, в возрасте сорока девяти лет он был произведен из фельдфебелей в первый офицерский чин и назначен на службу в бригаду Пограничной стражи в Польшу. Первый офицерский чин давал право на личное дворянство, но Деникин-старший все равно мог рассчитывать лишь на свое скудное офицерское жалованье. Спустя 30 лет он вышел в отставку в чине майора, а через два года женился вторым браком на польке Елизавете Францисковне Вржесинской, происходившей из семьи обедневших мелких землевладельцев. Когда родился Антон, Ивану Деникину было уже шестьдесят пять лет. Скудной пенсии в 36 рублей едва хватало на пропитание. Все заботы о домашнем быте лежали на матери Антона – женщине маленькой, худенькой, но энергичной и умной. Жили Деникины, несмотря на нужду, дружно. Несмотря на различие вероисповеданий родителей, их сын вырос Православным, не просто глубоко религиозным, но и церковным человеком.

В 1882 году, после окончания начальной школы, девятилетний Антон Деникин выдержал экзамен в первый класс Влоцлавского реального училища, а спустя три года умер Иван Ефимович. После смерти отца пенсию сократили до 20 рублей в месяц, и тринадцатилетнему

Антону пришлось подрабатывать репетиторством. Ранняя смерть отца, забота о семейном бюджете воспитали в Деникине серьезность характера. В свои юные лета он обладал вполне развитым внутренним духовным миром, сообщавшим ему повышенную сопротивляемость всему наносному, чуждому его русской душе.

С окончанием в 1889 году седьмого класса перед Деникиным стал вопрос выбора своего дальнейшего жизненного пути. Подростком он имел возможность наблюдать военную жизнь (во Влоцлавске квартировали штаб 1-й бригады 5-й кавалерийской дивизии, 5-й уланский Литовский полк и 1-й стрелковый батальон), большой вес имели и рассказы отца из собственной военной биографии. «Я избрал военную карьеру», – скажет потом Антон Иванович.

* * *

Восемнадцатилетний Деникин, поступивший вольноопределяющимся в 1-й стрелковый полк, осенью 1890 года был зачислен в Киевское юнкерское пехотное училище. За сводчатыми стенами-нишами старинного крепостного здания, где помещалось училище, для молодого Деникина началась новая жизнь.

«Жили мы почти на солдатском положении, – вспоминал свои юнкерские годы Антон Иванович, – ели чрезвычайно скромно... казенное обмундирование и белье получали также солдатское, в то время плохого качества». Но два года в училище пролетели незаметно, и вот 5 августа 1892 года раздался звонкий голос дежурного юнкера:

– Господа *офицеры*, строиться на передней линейке!

Молодой, теперь уже подпоручик, Деникин, окончивший курс с выпускным баллом 10,4 (высший балл – 12), взял вакансию во 2-ю артиллерийскую бригаду, квартировавшую в городе Беле Седлецкой губернии, в 160 верстах от Варшавы.

«По своим духовным запросам и благодаря начитанности Деникин стоял выше рядового офицерства... к его мнению прислушивались, на него приглашали – приходите сегодня, посидим, поговорим, Деникин будет», – писал эмигрантский биограф Антона Ивановича. Рутинная армейская заholустья, естественно, не могла его удовлетворить, и вместе с тремя товарищами он решает готовиться к поступлению в Академию Генерального Штаба.

7 октября 1895 года, выдержав предварительно испытания при Штабе Варшавского военного округа, поручик Деникин, произведенный в этот чин всего несколько месяцев назад, отправился в Петербург. Сдав благополучно конкурсные экзамены, он становится слушателем Академии, но через год, при переходе в следующий класс, Деникин недобирает необходимый балл по истории военного искусства и откомандировывается в свою часть.

«...Принял наиболее благоразумное решение – начать все сначала», – подытоживал много лет спустя Деникин свои тогдашние переживания. Немногие офицеры, отчисленные из Академии, испытывали судьбу еще раз. Антон Иванович вновь держит экзамен на первый курс, поступает и оканчивает Академию с присвоением чина капитана за отличные успехи. Судьба, впрочем, посылает ему новые испытания.

В связи со сменой начальства Академии, в год выпуска Деникина начались перемены, и одной из них стало изменение системы подсчета баллов для причисления к Генеральному Штабу. Список из пятидесяти фамилий офицеров четыре раза тасовали, как колоду карт. В последнем списке к Генеральному Штабу не причислялись четверо: 22-й артиллерийской бригады капитан Березин, 27-й артиллерийской бригады штабс-капитан Анисимов, Лейб-Гвардии Московского полка штабс-капитан Посохов и капитан Деникин. Наука наукой, а служба службой. Интересен следующий факт. К началу Первой мировой войны из всех выпускников Академии 1899 года лишь пятеро достигнут чина генерал-майора (в том числе будущие участники Белого движения И. Е. Гулыга и П. Х. Попов), по старшинству же

в полковничьем чине А. И. Деникин станет вторым, а его товарищи по несчастью А. Посохов – четвертым, А. Березин – двадцать третьим и лишь Н. Анисимов – сорок девятым. А последним в этом списке окажется однокашник Деникина еще по Киевскому юнкерскому училищу Павел Сытин. У последнего военная карьера не сложится; произведенный в чин генерал-майора лишь в 1917 году, он будет искать счастья в Красной Армии...

Посчитав, вполне справедливо, что нарушены его права, Деникин подает жалобу на военного министра А. Н. Куропаткина, утверждавшего список причисленных к Генеральному Штабу. То же самое он предложил сделать и своим товарищам по несчастью, но те не решились. Прямым начальником военного министра был Император, поэтому и жалоба подавалась на Высочайшее имя. Это был едва ли не единственный в истории Русской Армии случай противоборства никому неизвестного капитана с главой Военного Ведомства. Конференция Академии признала требования Деникина справедливыми, и генерал Куропаткин соглашался удовлетворить ходатайство «непричисленных», но Деникин подавать такое ходатайство отказался: «Я в милости не нуждаюсь и требую законного».

По делу капитана Деникина назначили следствие, которое пришло к выводу о правомерности жалобы. Обстоятельный доклад лег на стол военному министру, а через некоторое время поступил в архив канцелярии министерства с размашистой резолюцией: «Согласен с заключением Главного судного управления, но одобрить действия капитана Деникина не могу, ибо жалоба была не основательная, а для лица, добывающегося службы в Генеральном штабе, неосновательность – недостаток существенный».

Как и предполагалось, министр победил. Оставалось ждать решения Государя. Но на Высочайшем приеме выпускников всех Академий Император удовлетворился пояснением Куропаткина: «Этот офицер, Ваше Величество, не причислен к Генеральному штабу за характер»...

Неожиданно для самого Деникина в его судьбе принял живейшее участие генерал Пузыревский, возглавлявший Штаб Варшавского округа. Он оставил опального капитана на вакантной должности офицера Генерального Штаба, посылая в Петербург самые лестные аттестации и ходатайствуя о переводе Деникина в Генеральный Штаб. Блестящую аттестацию дал и начальник 10-й пехотной дивизии генерал барон Меллер-Закомельский, где Деникин отбывал сборы. «Обладая отличными нравственными правилами и сильным характером, капитан Деникин был все время весьма тактичен в служебном отношении. Возлагаемые на него как на офицера Генерального штаба обязанности... исполнял не только в высшей степени добросовестно и с полным знанием дела, но и с видным интересом и любовью к военному делу», – писал Меллер-Закомельский. Но упоминание в аттестации о сильном характере Деникина вконец вывело из равновесия военного министра: Куропаткин воспрепятствовал возбуждать какое бы то ни было ходатайство о капитане Деникине.

Весной 1900 года Антон Иванович вернулся в свою бригаду, где его встретили с распростертыми объятиями. Деникин был назначен старшим офицером и заведующим хозяйством в 3-ю батарею и состоял выборным членом бригадного суда чести и председателем Распорядительного комитета бригадного собрания. Тихие, спокойные армейские будни иногда разбавлялись встречами в более тесном кругу сослуживцев-приятелей и в двух-трех интеллигентных городских семьях. Особенно любил бывать молодой капитан в семье местного податного инспектора Василия Ивановича Чиж, у которого была восьмилетняя дочь Ася. Открытость характера, ум, талант рассказчика Деникина сначала увлекут девочку-подростка, постепенно увлечение перерастет в серьезное чувство, и в январе 1918 года, в дни наиболее тяжелых испытаний, накануне знаменитого Ледяного похода небольшой Добровольческой Армии, она станет женой генерала Деникина.

Но это будет еще не скоро. А пока на страницах военных журналов «Разведчик» и «Варшавский дневник» стали появляться статьи военно-политического содержания и рас-

сказы из военного быта, подписанные «И. Ночин». Для большинства офицеров, знавших, почему на казенной квартире Деникина ночь напролет горит свет, было ясно, кто скрывается под псевдонимом «Ночин». Надо заметить, что рассказы написаны живо, талантливо, и кто знает, если бы Деникин не выбрал военную карьеру, – может быть, он занял бы место в ряду писателей.

Прошло два года, «воспоминания об академическом эпизоде, – как позднее писал Антон Иванович, – мало-по-малу теряли свою остроту...» – и он решил написать частное письмо Куропаткину. Деникин напомнил военному министру о случае в Академии, завершив письмо следующими строками: «И если я теперь беру на себя смелость доложить Вашему Высокопревосходительству обстоятельства этого дела, то только потому, что слишком уж тяжело отразилось оно на моей судьбе, слишком больно расставаться с той дорогой, на которую я выбился с таким трудом, с такими надеждами и с таким искренним желанием работать».

Письмо пришло, когда военного министра не было в Петербурге. Заскрипела бюрократическая машина, и частное письмо пошло по инстанциям различных отделений и столов Главного Штаба. По возвращении Куропаткина ему на стол в числе множества бумаг положили и письмо Деникина и справку по канцелярии Главного Штаба о событиях в Академии в 1899 году.

Надо отдать должное военному министру. Прочитав письмо Антона Ивановича, он наложил резолюцию: «Ввиду ходатайства Варшавского начальства и чистосердечного раскаяния, признаю возможным ходатайствовать перед Государем о причислении Деникина к Генеральному штабу с назначением в войска Варшавского в[оенного] округа. Нежелательно, чтобы обращение за защитой к Государю, хотя бы и вполне неосновательное, наказывалось без милости к раскаявшемуся. 30 октября 1901 г.»

Так в судьбе Антона Ивановича произошел поворот, определивший всю его дальнейшую жизнь, а русской истории давший одного из выдающихся военачальников Первой мировой войны и Русской Смуты. С этого момента будто в каком-то бурном потоке понесет судьба Деникина, и вплоть до эмиграции хотя бы на мгновение остановиться, оглянуться, задуматься не представится ему подходящего случая.

* * *

В ноябре 1901 года в приказах по Генеральному Штабу впервые появилось имя Деникина. После недолгого прикомандирования к Штабу Варшавского военного округа Антон Иванович занимает первую по службе Генерального Штаба должность – старшего адъютанта Штаба 2-й пехотной дивизии в Брест-Литовске. Однако подходило время для ценового командования ротой, и уже через три месяца он отправится снова в Варшаву, в 183-й пехотный Пултуский полк.

До сих пор Деникин так близко не соприкасался с солдатом: служба в артиллерии имела свою специфику и отличалась от жизни в пехотных частях. Солдата Антон Иванович полюбил, сумел своей русской душой понять все его чаяния. При нем, тогда излишне либеральном, рота «вела себя средне, училась плохо и лениво», и позже Деникин признавался, что после его отъезда старый фельдфебель Сцепура, построив разболтанную роту, поднял многозначительно кулак в воздух и произнес: «Теперь вам не капитан Деникин. Поняли?» – Кулак Сцепуры спас положение, рота быстро поправилась.

Отбыв ценз командования ротой, Деникин был назначен старшим адъютантом Штаба II-го кавалерийского корпуса. В большинстве своем офицерские должности службы Генерального Штаба предполагали больше канцелярской работы, чем управления войсками. Судя по воспоминаниям современников Антона Ивановича, он сугубо штабной работой все-

гда тяготился и стремился полученные в Академии знания применять в строю. Еще в июле 1900 года капитан Деникин подал рапорт о командировании его на Дальний Восток, где шла «Китайская кампания». Просьбу отклонили. С объявлением манифеста о войне с Японией Деникин тотчас же вновь подал рапорт о командировании его в Действующую Армию. Но лишь с третьей попытки он получил распоряжение о назначении его в Заамурский округ Пограничной стражи. 5 марта 1904 года капитан Деникин прибыл в Харбин.

Явившись в Штаб округа, Деникин получил назначение на должность начальника Штаба 3-й Заамурской пограничной бригады, но, несмотря на то, что это было значительным повышением по службе (как правило, такую должность занимали в чине полковника), Антон Иванович искал любую возможность попасть на фронт: задачи Пограничной стражи были ограничены лишь охраной железных дорог.

28 марта 1904 года Деникин был произведен в подполковники, а в октябре представился и случай принять участие в боевых действиях. Деникину предложили занять место раненого начальника Штаба Забайкальской казачьей дивизии. Дивизией командовал генерал П. К. фон Ренненкампф, о котором шла солдатская молва как о храбром и боевом военачальнике.

19 ноября в столкновении с японцами у деревни Уйцзыной генерал Ренненкампф поздравил своего нового начальника Штаба с боевым крещением, а спустя пять дней Деникин возглавит авангард в Цинхеченском бою. Это будет его первый опыт самостоятельного командования отрядом, состоявшим из полутора батальонов, четырех сотен казаков и горной батареи. В течение пяти дней Деникин отбивал атаки японцев, поднимая иногда своих солдат в штыки. В историю Русско-Японской войны впоследствии войдут названия сопок, где особенно ярко проявился русский героизм. Одна из них будет названа Деникинской.

В Мукденском сражении подполковник Деникин принял участие в должности начальника Штаба Урало-Забайкальской казачьей дивизии. Русские войска сражение проиграли, но даже в условиях командной неразберихи сохранили организацию и моральную стойкость.

Урало-Забайкальская казачья дивизия входила в состав большого конного отряда генерала П. И. Мищенко, особенно прославившегося в известном набеге в тыл японцев и в деле у Санвайзы 20 и 21 мая. В отряде Мищенко Деникин принял участие и в последнем бою Русско-Японской войны под Санвайзой 1 июля 1905 года, отличившись при штурме опорного пункта неприятельской позиции и разгроме батальона японской пехоты. За боевые отличия в делах с японцами Антон Иванович был награжден орденами Святой Анны III-й степени с мечами и бантом, Святого Станислава II-й степени с мечами, Святой Анны II-й степени с мечами и, наконец, чином полковника. Высокой похвалой прозвучали и слова генерал-адъютанта Мищенко в приказе по Сводному кавалерийскому корпусу: «По справедливости я должен признать деятельность этого достойного офицера Генерального штаба высоко полезной как в отношении внутреннего быта частей дивизии, так и в особенности боевой службы, которая была очень трудной и ответственной. Все это время боевой жизни и службы с дивизией полковник Деникин проявлял выдающуюся энергию, работоспособность, усердие, правильное понимание и любовь к военному делу. Расставаясь ныне с полковником Деникиным, считаю своим долгом от лица службы искренне поблагодарить его и пожелать ему светлого будущего».

По окончании войны Антон Иванович служил в Штабе II-го кавалерийского корпуса в Варшаве. Это было временным назначением, которое, впрочем, длилось ровно год. Столь длительному ожиданию вакансии было объяснение. В Главном управлении Генерального Штаба, которое ведало назначениями генштабистов, были вынуждены вспомнить опального капитана Деникина в связи с его новым проявлением характера: покидая 3 декабря 1905 года Дальний Восток, он направил начальнику Штаба при Главнокомандующем сухопутными и

морскими силами на Дальнем Востоке письмо, где после перечисления сражений, в которых он принял участие, говорилось:

«...Генерал-адъютант Мищенко пять раз входил с представлением о награждении меня, и все представления в высших инстанциях были отклонены – факт сам по себе ничтожный, если бы не имел характера полного и оскорбительного отрицания моей боевой работы. Я далек от мысли приписывать это Главнокомандующему или командующему армией. Исключительно высокое положение этих лиц гарантирует полное их беспристрастие, и, не зная меня лично, они, конечно, не имели повода не доверять оценке генералов Ренненкампа и Мищенко, под руководством которых я работал. Наконец, щедрость Главнокомандующего в деле награждения, в особенности в последнее время, беспримерна.

Следовательно, переоценка моих заслуг делалась канцеляриями... И если бы я знал, кому я обязан таким исключительным к себе вниманием, я сказал бы этим лицам, что их мнением совершенно не дорожу и побуждения считаю не высокими, что горжусь оценкой двух начальников, на глазах которых прошла моя боевая служба...»

Более года спустя, так и не дождавшись ответа, Деникин 14 февраля 1906 года просит передать решение вопроса (речь шла о награждении орденом Святого Владимира IV-й степени с мечами и бантом) на усмотрение начальника Генерального Штаба. На официальный запрос в Штаб войск на Дальнем Востоке 12 сентября был получен ответ: «...По моему глубокому убеждению, полковник Деникин не имеет ни малейшего основания считать себя обиженным вследствие недостаточного награждения... Я бы настаивал перед Вр[еменно] и[справляющим] д[олжность] начальника штаба на представлении его Вашему Превосходительству с ходатайством о наложении соответствующего взыскания на полковника Деникина, так как дерзкий тон письма, фельетонный его характер... все это свидетельствует, что у полковника Деникина отсутствуют те качества, которые желательны во всяком военном, но необходимы для офицера генерального штаба, – это дисциплина и служебный такт». Предоставим читателям самим оценить поступок Деникина, учитывая при этом, что традиции, сложившиеся в Русской Армии, позволяли просить ту или иную награду за участие в боевых действиях, и это отнюдь не считалось зазорным. Как бы там ни было, дело едва не закончилось выговором в послужном списке полковника Деникина.

В самом конце 1906 года Антон Иванович напомнил о себе новым рапортом в Управление Генерального Штаба, в не слишком корректной форме запрашивая о новом назначении. Ответ последовал резкий: «Предложить полковнику Деникину штаб 8-й Сибирской дивизии. В случае отказа он будет вычеркнут из кандидатского списка». В запальчивости и раздражении Деникин ответил еще менее корректным рапортом в три слова: «Я не желаю», после чего стал ожидать начальственной грозы. Впрочем, все обошлось. В канун Нового, 1907 года Деникину пришло предложение занять должность штаб-офицера при Управлении 57-й резервной бригады в Саратове. Антону Ивановичу исполнилось 34 года, из них в офицерских чинах он был всего 14 лет, а уже был полковником и занимал довольно высокую для своего возраста должность. При получении чина полковника за боевые отличия Деникин по старшинству в этом чине обошел 148 своих сверстников.

В 1910 году он был назначен командиром 17-го пехотного Архангелогородского Великого Князя Владимира Александровича полка, квартировавшего в Житомире. В результате произошедшей служебной перемены решительно изменилось и душевное состояние Деникина, в Саратове тяготившегося характером службы и ее условиями. Теперь он показал себя человеком необыкновенно энергичным и увлеченным. Офицеры вскоре с радостью приняли в полковую семью нового командира, ибо увидели в нем человека не плацпарадных традиций, а обращающего внимание на практические занятия: стрельбы, маневры, ускоренные переходы. Они сразу же отметили, что их тридцативосьмилетний командир заметно отличается от своего предшественника, для которого командование полком было лишь необхо-

димостью отбыть командный ценз в своей карьере офицера Генерального Штаба. Деникин также был назначен на полк для отбытия строевого ценза и поэтому вначале был встречен настороженно. Но лед отношений быстро растаял, и Антона Ивановича полюбили и офицеры, и солдаты-Архангелогородцы.

Наступил 1914 год. Смутное тревожное будущее придвинулось вплотную. Все чаще и чаще стали говорить в России о грядущей войне.

В том году у Антона Ивановича истек срок цензового командования полком. 23 марта он был назначен исполнять должность генерала для поручений при командующем войсками Киевского военного округа. 21 июня Деникин за отличия по службе был произведен в генерал-майоры с утверждением в должности. А всего за неделю до этого, 15 июня, в Сараево был убит Наследник Австро-Венгерского Престола Франц-Фердинанд. Выстрел в Сараево перерос в непрерывную канонаду, четыре года сотрясавшую всю Европу.

* * *

После мобилизации, в ходе которой на плечи Деникина легли заботы по «формированию трех штабов и всех учреждений Юго-Западного фронта, 3-й и 8-й армий», он был назначен в Штаб VIII-й армии генерала А. А. Брусилова, заняв пост генерал-квартирмейстера. Начальником Штаба стал генерал П. Н. Ломновский, ровесник Антона Ивановича, отличавшийся угрюмостью и властностью; впрочем, иногда такое же впечатление о себе оставлял и Деникин, что позволило генералу М. В. Алексееву дать ему прозвище «мрачного».

Сразу же по разворачивании армий начались жестокие бои. А 21 августа, узнав об освободившейся должности начальника 4-й стрелковой бригады (прославленных еще с Русско-Турецкой войны 1877–1878 годов «Железных стрелков»), Деникин обратился к Брусилову с просьбой предоставить ему эту вакансию. «Штабная работа меня не удовлетворяла, – вспоминал Антон Иванович. – Составлению директив, диспозиций и нудной, хотя и важной штабной технике я предпочитал прямое участие в боевой работе, с ее глубокими переживаниями и захватывающими опасностями». Генерал Брусилов после некоторых колебаний все же согласился, и 22 августа Деникин отправился в «Железную бригаду».

Вскоре бригада стала для Антона Ивановича вторым домом, а «Железные стрелки» полюбили своего командира. За бои на реке Гнилая Липа Деникин был награжден Георгиевским Оружием. На этом посту, в упорных оборонительных боях, произошла и первая встреча Антона Ивановича с генералом Л. Г. Корниловым, командовавшим соседней 48-й пехотной дивизией. Рядом с ними сражался и будущий Донской Атаман генерал А. М. Каледин.

Во время боев на подступах к городу Самбор в связи с большими потерями и для более успешного ведения боя создавались смешанные боевые отряды. 7 октября был образован и отряд генерала Деникина, приданный XXIV-му армейскому корпусу. Помимо стрелков Деникину были подчинены 2,5 батальона пехотного Евпаторийского полка, более батальона пехотного Измаильского полка и эскадрон Белгородских улан. В полночь 8 октября из Штаба корпуса был получен приказ атаковать противника, а утром он конкретизировался: «Требую самых энергичных действий. Они необходимы, так как имеют решающее значение не только для успехов корпуса и армии, но и для исхода всей кампании». После упорного боя Деникин погнался противника, ворвавшись в село, откуда только что успел бежать Штаб Командующего австрийской группировкой Эрцгерцога Иосифа. За смелый маневр своего отряда Антон Иванович был удостоен второй Георгиевской награды – ордена Святого Георгия IV-й степени. За этим последовали столь же славные для «Железных стрелков» бои в Карпатах, а утром 21 ноября перед строем бригады были зачитаны телеграммы с горячей благодарностью от Верховного Главнокомандующего и командира корпуса. Более многословен был командующий армией генерал Брусилов: «Молодецкой бригаде за лихие действия, за

блестящее выполнение поставленной ей задачи шлю свой низкий поклон и от всего сердца благодарю Вас, командиров и героев-стрелков. Перенесенные бригадой труды и лишения и славные дела свидетельствуют, что традиции старой железной бригады живут в героических полках и впредь поведут их к победе и славе». 16 декабря бригада была полностью выведена из боевых действий и Рождество и Новый, 1915 год встретила на отдыхе.

В середине января VIII-я армия Брусилова перешла в наступление, но встретила сильное сопротивление австрийцев, усиленных переброшенными на подмогу союзникам германскими частями. Боевые действия на Карпатах получили название «резиновой войны», так как все время приходилось то углубляться в горы, то несколько отходить. «Железная бригада» по-прежнему исполняла роль «пожарной команды» VIII-й армии.

За новые славные дела Антон Иванович был награжден орденом Святого Георгия III-й степени. В Высочайшем приказе об утверждении этой награды его подвиг описывался так: «...находясь в составе 2-го кавалерийского корпуса и лично руководя действиями вверенной ему 4-й стрелковой бригады под сильным и действительным огнем выбил противника, проявившего огромное упорство, из ряда окопов и отбросил его за р[еку] Сан на участке Смольник – Журавин. Овладением важнейшими в тактическом отношении, сильно укрепленными высотами 761–703–710 настолько способствовал победоносному успеху всей Лутовиской операции, что без овладения этими высотами упомянутый успех был бы невозможен...» Три Георгиевские награды за полгода боевой службы – это не только признание выдающихся полководческих способностей Деникина, но и своеобразный рекорд в Русской Армии.

Положение в Карпатах стало легче сразу же после падения австрийской крепости Перемышль. 24 марта на позицию «Железной бригады» прибыл генерал Брусилов, который при встрече с Деникиным сказал: «Благодарю Вас за блестящие действия бригады. В предстоящей важной задаче, данной бригаде, рассчитываю на Вас, как на каменную гору». Тогда же Брусилов предложил Антону Ивановичу возглавить дивизию, но тот отказался, убедив Брусилова, что с «Железной бригадой» сделает гораздо больше, чем с любой дивизией. Через месяц после взятия Перемышля Галицию посетил Император. 10 апреля Он прибыл в Самбор, где размещался Штаб армии Брусилова. Для почетного караула и встречи Царя была вызвана 1-я рота 16-го стрелкового полка, представившаяся в блестящем порядке во главе с командиром полка лихим полковником Н. П. Бирюковым и начальником бригады генералом Деникиным. Николай II был в хорошем настроении и очень любезен со всеми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.